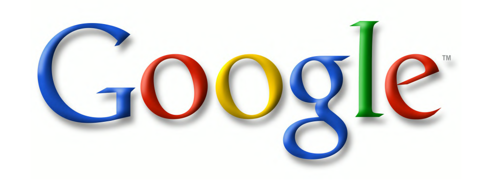
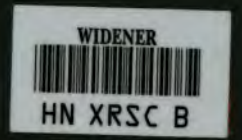
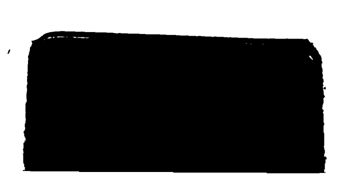
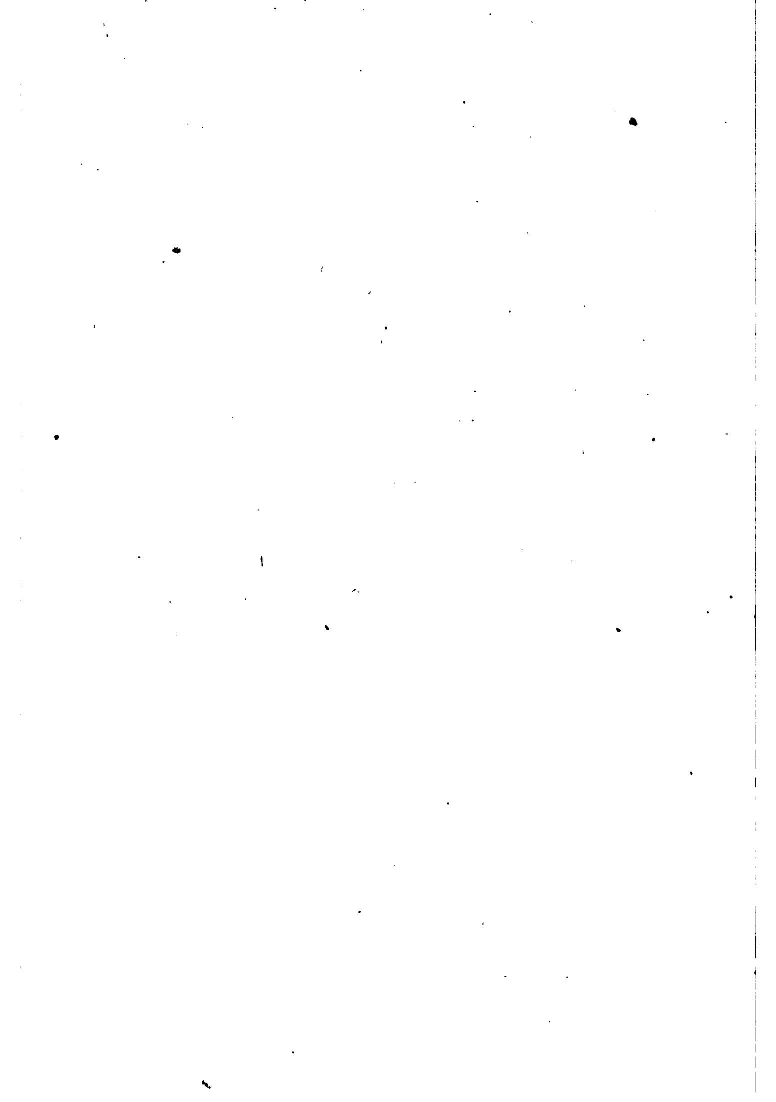



WIDENER
HN XRSC B

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG· SIGILLUM
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS





ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЧЕШСКАГО ДВОРЯНИНА ВРАТИСЛАВА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ И ВЪ ТЯЖКОЙ НЕВОЛѢ У ТУРОКЪ,

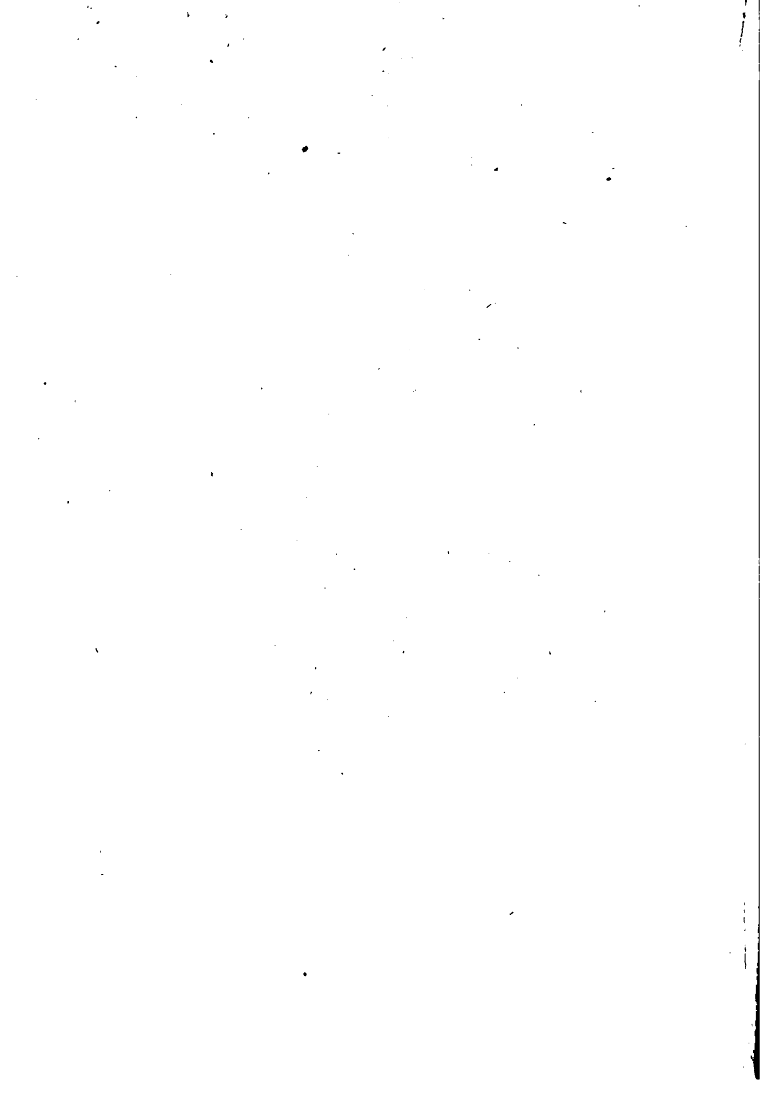
съ австрійскимъ посольствомъ 1591 г.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО

К. П. Побѣдоносцева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), Фонтанка № 99.
1877.

Издано въ пользу раненыхъ и больныхъ русскихъ воиновъ.



Jeremiah Curtin.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЧЕШСКАГО ДВОРЯНИНА

ВРАТИСЛАВА

въ Константинополѣ

и

ВЪ ТЯЖКОЙ НЕВОЛѢ У ТУРОКЪ,

съ австрійскимъ посольствомъ 1591 года.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО

К. П. Побѣдоносцева.

Издано въ пользу раненыхъ и больныхъ русскихъ воиновъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), Фонтанка № 96

1877.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Іюня 1877 года.

Напечатано на счетъ нѣкоторыхъ лицъ, усердствующихъ къ дѣлу попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ. При томъ арендаторомъ типографіи Министерства Путей Сообщенія А. Бенке и фабрикою Варгуниныхъ сдѣлана значительная уступка въ цѣнѣ печати и бумаги.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Издатель не сомнѣвается, что предлагаемая книжка будетъ имѣть успѣхъ у русскихъ читателей, особливо въ такое время, когда всеобщее вниманіе обращено на Турцію и на судьбы славянскихъ племенъ, ей подвластныхъ.

Авторъ ея—славянинъ, сынъ земли чешской, подданный австрійской державы: тѣмъ интереснѣе оставленное имъ описаніе всего, что онъ видѣлъ въ Турціи, живучи на свободѣ въ посольствѣ, и потомъ въ неволѣ у турокъ. Не смотря на свою молодость (онъ выѣхалъ изъ отечества 15 лѣтъ отъ роду) онъ внимательно и вдумчиво присматривался къ чужеземнымъ порядкамъ. Пишутъ объ немъ, что еще въ школѣ показалъ онъ осо-

бенную склонность къ наукамъ историческимъ и къ географіи, и страстное желаніе путешествовать. Желаніе это удовлетворилось, когда его отправили съ посольствомъ въ Константинополь, но этотъ опытъ стоилъ ему слишкомъ дорого. По возвращеніи въ отечество, (въ 1596 году) жилъ онъ долго у матери, въ родовыхъ имѣніяхъ и тамъ, въ 1599 году, окончилъ описаніе своихъ приключеній. Вскорѣ затѣмъ настало въ Чехіи смутное время. По смерти императора Матѳія смута усилилась. Вратиславъ оставался вѣренъ императору Фердинанду II и потерпѣлъ гоненіе: все его имѣнье было конфисковано. Но послѣ Бѣлогорской битвы, когда Фердинандъ окончательно утвердился во власти, имѣнія возвращены Вратиславу, онъ попалъ къ императору въ милость, и занималъ важныя должности до самой своей смерти, въ 1635 году. Родъ его не изсякъ еще и понынѣ.

Сочиненіе Вратислава принадлежитъ къ числу немногихъ сохранившихся памятниковъ старинной чешской литературы, для ко-

торой именно XVI столѣтіе было эпохою расцвѣта: для того времени это была богатая литература. Но она замерла вмѣстѣ съ чешскою народностью, съ роковаго 1620 года,— года Бѣлогорской битвы. Съ этого времени вся Богемія подпала подъ безусловную власть Австрійскаго государства, которое поставило себѣ цѣлью подавить и истребить окончательно и религіозную, и политическую, и народную самобытность стариннаго Чешскаго государства, и водворить между чехами нѣмецкую культуру съ языкомъ, и римско-католическую вѣру. Едва ли можно подъискать въ цѣлой Европѣ другой, столько же разительный примѣръ систематическаго и безусловнаго искорененія исторической народности; чешская народность была въ особенности ненавистна Риму, потому что въ Чехіи проявилось, прежде и сильнѣе чѣмъ гдѣ либо, начало протеста противъ римскаго самовластія и насилія въ вѣроученіи, и потому-то власть римскаго цесаря положила истребить это начало въ самомъ его корнѣ, т. е. въ

народности. Къ дѣлу приступлено прежде всего систематическимъ истощеніемъ богатства въ цѣлой странѣ, повсемѣстною конфискаціей, несоразмѣрными налогами, и т. под. Всѣ некатолики подверглись поголовному изгнанію; населеніе, вслѣдствіе военныхъ бѣдствій, истребленій цѣлыми массами, вслѣдствіе голода и болѣзней уменьшилось до 1/4 доли прежняго количества; цѣлые округи запустѣли, и заселены были сплошь нѣмецкими выходцами. Тогда воздвигнуто гоненіе на языкъ, который вовсе выведенъ изъ употребленья, и на литературу, которую положено совсѣмъ искоренить. Въ теченіе цѣлаго почти столѣтія латинскіе миссіонеры, въ сопровожденіи военныхъ отрядовъ, ѣздили изъ города въ городъ, изъ села въ село, и ходили изъ дома въ домъ, забирая повсюду чешскія книги, которыя подвергались потомъ публичному сожженію. Въ такомъ состояніи нетрудно было народу совсѣмъ забыть родной свой языкъ, или сохранить развѣ одни слѣды его въ самыхъ низшихъ слояхъ грубаго населенія.

И такое состояніе продолжалось отъ Фердинанда II до Іосифа II, то есть съ 1620 года до послѣдней четверти 18 столѣтія, когда позволено было употреблять народный языкъ, хотя только еще въ народныхъ школахъ. Слабо, едва примѣтно, но все-таки начался процессъ возрожденія народной рѣчи и возстановленія гибнувшей народности, покуда наконецъ, на глазахъ нашихъ современниковъ, образовалась вновь уже довольно богатая, чешская литература, отысканы старинные ея памятники, воскресли забытыя преданія народной исторіи, и чешская народность громко заявила права свои на ряду съ германскою. Записки Вратислава долго не были напечатаны и извѣстны были немногимъ въ рукописи. Въ первый разъ они напечатаны въ Прагѣ въ 1777 году, и съ тѣхъ поръ получили большую извѣстность въ народѣ. Въ 1786 году явился довольно неисправный нѣмецкій переводъ ихъ въ Лейпцигѣ. Есть еще англійскій переводъ этой книги, изданный въ 50 годахъ профессоромъ

Кембриджскаго университета Вратиславомъ, безъ сомнѣнія потомкомъ того же рода, къ которому принадлежалъ самъ авторъ.

Читатели сами оцѣнятъ по достоинству простоту разсказа въ этой любопытной книгѣ, и простыя души распознаютъ, конечно съ сочувствіемъ, тотъ духъ благочестиваго смиренія и покорности, въ которомъ она написана. Въ этомъ отношеніи книжку Вратислава можно, кажется, поставить въ рядъ съ извѣстными записками Сильвіо Пеллико, о тюремномъ его заключеніи. Вратиславъ тоже страдаетъ, жестоко и безвинно, не только физически, но и духомъ, потому что въ лицѣ его—также человѣкъ культурнаго быта и высшаго, по той эпохѣ, развитія, попадаетъ въ тяжкую обстановку самой грубой среды какую только можно себѣ представить: но ни въ одномъ словѣ у него не слышится ропота и ожесточенія: напротивъ того, вся простая и трогательная повѣсть его страданій проникнута духомъ кротости и смиренной, благочестивой покорности Промыслу.

Разсказъ Вратислава относится къ критическому моменту въ исторіи оттоманскаго владычества. Султанъ Амуратъ III, при которомъ посольство въѣхало въ Константинополь, держалъ еще въ полнотѣ силы и военной славы скипетръ отца своего Селима и дѣда Солимана великаго; но при Магометѣ III обнаружилось уже дѣйствіе разрушительныхъ началъ турецкаго управленія, которыя должны были рано или поздно привлечь оттоманскую имперію къ упадку и разложенію. Однако въ ту пору Порта грозила еще западной Европѣ страшною опасностью, и въ самомъ Римѣ еще не казалась пустымъ словомъ угроза Солимана, что онъ придетъ кормить коней своихъ на алтарѣ храма св. Петра. Что касается до сопредѣльныхъ съ Портою государствъ, то ихъ отношенія къ Турціи были уже полувассальныя. Не столько заботились о вооруженномъ сопротивленіи турецкой силѣ, сколько о томъ, какъ бы утолить ее данью и взятками. Римскій цесарь платилъ Портѣ ежегодную дань,—Ве-

неція платила дань, Венгрія и Трансильванія, Молдавія и Валахія; наконецъ самая Польша не избавилась вовсе отъ того же позора. Вѣна въ 1529 году едва-едва избавилась отъ турецкаго завоеванія, и теперь далеко не была еще въ безопасности; цѣлыя двѣ трети Венгріи съ крѣпостями по Дунаю были отвоеваны турками. До самаго 1606 года султанъ не соглашался еще вести переговоры съ императоромъ, какъ съ равнымъ монархомъ, и даже не допускалъ рѣчи о *мирномъ договорѣ*. Порта допускала только возможность давать отъ себя *перемиріе*, или *капитуляцію*, и въ граматахъ писалось, что перемиріе «всемилостивѣйше жалуется отъ неизмѣнно побѣдоноснаго султана неизмѣнно побѣждаемому и невѣрному вѣнскому кралю».

Турція была въ ту пору для христіанскаго міра подлинно непреоборимою силой, и главнымъ образомъ потому, что Турція представлялась въ единствѣ государственной мысли, религіознаго сознанія, и дѣйствія, а христіанскій міръ весь состоялъ изъ госу-

дарствъ враждовавшихъ другъ противъ друга непримиримою враждой религіозной и политической, въ непрерывной войнѣ, въ постоянномъ отношеніи ненависти, грубаго насилія и обмана. Все XVI столѣтіе преисполнено соглашеній между державами и проектовъ о всеобщей войнѣ противъ Порты и объ изгнаніи турокъ изъ Европы: можно сказать, что это господствующая идея вѣка. Папа не разъ принимается съ жаромъ проповѣдывать государямъ и народамъ крестовый походъ противу враговъ христіанства. Но тотъ же самый вѣкъ былъ вѣкомъ владычества іезуитовъ и вѣкомъ похода, предпринятаго въ средѣ самой Европы и во внутренней жизни каждаго государства—католическимъ фанатизмомъ противу протестанстства и всякаго иного вѣроисповѣданія, противъ свободы вѣрованія и богослуженія повсюду. Весь христіанскій Западъ раздѣлился на ея, и Порта очень хорошо знала, что покуда враги ея враждуютъ между собою и такъ неистово и безпощадно истреб-

ляютъ другъ друга, покуда государи преслѣдуютъ огнемъ и мечемъ, во имя вѣры, изгоняютъ и истребляютъ массы своихъ подданныхъ,—ей нечего опасаться соединеннаго нашествія, а съ каждымъ изъ враговъ порознь Порта не видѣла затрудненія справиться. Мало того—тѣже государи, враждуя между собою, искали въ видахъ своей политики, союза съ Портою—на гибель врагамъ своимъ, другимъ христіанскимъ державамъ: и такъ чего было ей опасаться отъ западной Европы? Внимательно наблюдая за отношеніями, Порта въ переговорахъ своихъ съ австрійскимъ врагомъ бывала всегда тѣмъ податливѣе и уступчивѣе, и тѣмъ осмотрительнѣе въ военныхъ нашествіяхъ, чѣмъ болѣе представлялось вѣроятностей къ мирному соглашенію между державами, и на оборотъ. Въ особенности благопріятна было для Порты великая, наполняющая цѣлое столѣтіе вражда между Габсбургскою монархіей—и Франціей съ одной стороны,—Англіей съ другой. Въ лицѣ Карла V и Фи-

липпа II Турція видѣла себѣ опасныхъ противниковъ которыхъ надобно было опасаться, отъ которыхъ приходилось терпѣть; Порта вела почти непрерывную брань съ тѣмъ и съ другимъ, равно какъ и со всѣми преемниками императорской власти; но въ лицѣ того и другого Габсбургская монархія стремилась къ безусловному политическому преобладанію на Западѣ, къ владычеству надъ Италіей, къ утвержденію римско-католической вѣры, и къ искорененію всякой иной вѣры повсюду, куда только могла достигнуть власть римскаго императора и испанскаго короля. Рѣшительными, непримиримыми врагами того и другого становятся католическая держава Франція, и Англія, представительница протестантизма. Отсюда дружба оттоманской Порты съ Англіей и Франціей, въ которыхъ она видѣла себѣ явныхъ или тайныхъ союзниковъ противъ общаго врага, и посланники обѣихъ державъ получили съ того времени вѣсъ и вліяніе въ совѣтахъ Дивана и въ политикѣ великихъ визирей.

Вотъ почему и французскаго посла и посланника Елисаветы Бертона мы видимъ, по разсказу Вратислава, въ станѣ султановомъ, на походѣ его къ Эрлау; оба они присутствуютъ при взятіи этой крѣпости и при слѣдовавшей за тѣмъ рѣшительной побѣдѣ Турокъ у Керестеца; въ Константинополѣ, при торжественномъ въѣздѣ султана, французскій посолъ говоритъ ему поздравительную рѣчь по турецки и подноситъ драгоцѣнные подарки.

Но и кромѣ разъединенія нельзя было въ ту пору христіанскимъ западнымъ державамъ побороть Турцію и сломить могущество Порты, потому что онѣ не могли выставить противъ нея крѣпкаго и истиннаго нравственнаго начала. Христіанство, во имя коего предпринимали онѣ свое вооруженіе и призывали къ оружію,—было въ устахъ ихъ словомъ лицемѣрнымъ безъ дѣйствительнаго значенія: въ дѣйствительности оно означало туже власть меча и грубаго насилія, тоже начало, котораго держалась Порта. Оно означало безусловное, насильственное владычество рим-

скаго католичества и Iезуитовъ, съ отрицанiемъ всякаго иного вѣрованiя и всякой свободы совѣсти: въ этомъ смыслѣ замѣна власти Солимана, Селима, Амурата, властью Карла, Фердинанда, Филиппа, или тѣхъ малыхъ Венгерскихъ, Трансильванскихъ, Молдавскихъ тирановъ, которые превосходили самыхъ турокъ и звѣрскимъ варварствомъ и дикимъ сластолюбiемъ и необузданностью самовластiя,—не принесло бы освобожденiя ни прикарпатскому ни при-балканскому краю, а угрожало тамошнему населенiю игомъ еще тяжеле и несноснѣе турецкаго. Въ этомъ смыслѣ, и въ виду нынѣ происходящихъ событiй, едвали кто, кромѣ крайнихъ латинянъ, пожалѣетъ о томъ, что не удались задуманные въ XVI столѣтiи планы завоеванiя Константинополя и изгнанiя турокъ изъ Европы.

Въ современныхъ извѣстiяхъ европейскихъ дипломатовъ и путешественниковъ о Турцiи нерѣдко встрѣчаются горькiя сожалѣнiя о христiанскихъ обычаяхъ и нравахъ, сравнительно съ турецкими. Во внутренней

политикѣ турецкое правительство безъ сомнѣнія было несравненно болѣе чѣмъ христіанское, благопріятно для свободы вѣрованія: въ Турціи почти не слышно было о поголовныхъ гоненіяхъ за вѣру въ то время, когда въ Италіи и въ Испаніи тысячи и десятки тысячъ людей погибали въ ужасахъ междуусобной религіозной войны и въ страшныхъ казняхъ инквизиціи; изъ разсказа Вратиславова видно, что во многихъ турецкихъ городахъ оставалось значительное число христіанскихъ церквей всякаго исповѣданія (въ Константинополѣ считалось ихъ тогда свыше 400), тогда какъ подъ католическою властью считалось безбожнымъ дѣломъ и великимъ преступленіемъ допущеніе хотя бы одного протестантскаго храма въ городѣ; и Фердинандъ австрійскій подъ страхомъ смертной казни запрещалъ протестантское богослуженіе во всѣхъ своихъ владѣніяхъ. Венеціанскій посланникъ Тревизано пишетъ въ 1554 году: «поистинѣ слѣдуетъ признать, что въ туркахъ видно болѣе живаго духа вѣры и страха

Божія нежели въ христіанахъ. При каждомъ случаѣ, въ счастьи и въ несчастьи, хвалятъ они величіе Божіе, и всѣ дѣла свои начинаютъ во имя Того, отъ благости коего исходитъ всякое благо въ дѣлахъ человѣческихъ». Одинъ изъ товарищей Вратиславовой неволи, аптекарь Зейдель пишетъ: «сожалѣнія достойно, что между нами христіанами такъ мало видится страха Божія и любви христіанской, и распространяются такіе страшные и скверные пороки, что и описывать ихъ совѣстно. Но я долженъ отдать туркамъ справедливость, что на походѣ и въ лагерѣ они живутъ и держатъ себя гораздо благочестивѣе въ своей вѣрѣ, богобоязливѣе, умѣреннѣе, тише, и вообще гораздо лучше нежели наши. Самъ я испыталъ и видѣлъ, бывши съ ними на походѣ цѣлые 5 мѣсяцевъ, какой у нихъ добрый порядокъ и повиновеніе». Было еще важное преимущество государственной турецкой политики, о которомъ не разъ отзываются современники съ удивленіемъ и похвалою—это необыкновенное

искуство и внимательная забота въ воспитаніи и приготовленіи способныхъ людей для главнѣйшей государственной ихъ цѣли, т. е. для военнаго дѣла: этому искуству, по мнѣнію многихъ, турки обязаны были своимъ военнымъ превосходствомъ надъ христіанскими державами. «Сколько разъ,—говоритъ посланникъ императора Фердинанда Бусбекъ, приходилось мнѣ горько сожалѣть, что наши нравы и обычаи въ одномъ отношеніи не похожи на турецкіе. У турокъ есть такое свойство, что когда достанутъ способнаго, талантливаго человѣка, они радуются тому точно великой драгоцѣнности, и тотчасъ прилагаютъ, ничего не щадя, всю заботу и всевозможное стараніе къ его воспитанію, особливо когда считаютъ его способнымъ для воинскаго дѣла. А мы поступаемъ совсѣмъ иначе. Мы радуемся развѣ когда попадется намъ красивая собака, хорошій соколъ, статная лошадь, и подлинно не щадимъ тогда никакихъ заботъ чтобы ухаживать за ними, выхолить ихъ до возможнаго совершенства.

А о человѣкѣ съ особеннымъ талантомъ нѣтъ у насъ большой заботы; мы и не думаемъ какъ бы воспитать его. Безъ сомнѣнія пріятно и полезно имѣть хорошее, выдрессированное животное; но человѣкъ неизмѣримо выше всякаго скота. Турки понимаютъ это, и считаютъ за первое благо и счастье человѣка хорошо воспитаннаго и приготовленнаго къ своему званію». Извѣстно, что основная сила турецкаго войска и самаго государственнаго управленія заключалась въ корпусѣ янычаръ, который наполнялся изъ лучшихъ, отборныхъ силъ мѣстнаго христіанскаго населенія, путемъ самаго тщательнаго воспитанія въ особо устроенныхъ государственныхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ.

Съ тѣхъ поръ прошло безъ малаго три столѣтія. Военный станъ, составлявшій всю силу и крѣпость государственнаго устройства оттоманской Порты, давно уже распался. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли или потеряли значеніе всѣ *положительныя* качества мусульманскаго управленія, дававшія

ему относительную цѣну въ XVI столѣтіи. Остались одни отрицательныя его качества — продажность, хищничество, жестокость высшихъ и нижнихъ чиновниковъ: къ нимъ присоединилась и усилила ихъ язва сластолюбія, роскоши и лживыхъ формъ, привитая Турціи европейскими ея цивилизаторами. Остались еще, въ виду разложившагося политическаго организма Турціи—враждующіе, своекорыстные «*интересы*» западныхъ европейскихъ державъ, задерживающіе освобожденіе новаго, молодаго, выростающаго въ силу племени, изъ подъ тяжкаго и безсмысленнаго ига. И, черезъ три столѣтія, по прежнему, мы видимъ что и въ диванѣ и въ походномъ станѣ турецкомъ пребываютъ, подъ видомъ друзей и совѣтниковъ, послы французскій и англійскій, и «своего прибытка смотрятъ», лукаво мудрствуя объ интересахъ Европы и о поддержаніи беззаконной хищнической власти надъ несчастными племенами и народами православнаго Востока.

Іюль, 1877 года.

[illegible]

[illegible]

Д[illegible] Г[illegible] [illegible]
отдали [illegible]
родные [illegible]
[illegible] въ [illegible]
восточн[illegible] [illegible]
[illegible]
слонъ въ [illegible]
Б[illegible] с. [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] для [illegible]

[illegible]
тогда [illegible] со [illegible]

въ Константинополь, имѣлъ отпускной пріемъ у Его Цесарскаго Величества и у Эрцгерцога Арноста (Эрнеста); и такъ втораго октября, распростившись съ милыми друзьями, сѣли мы на корабли и дошли по Дунаю до Висамунда, Ракусскаго (австрійскаго) города въ четырехъ миляхъ отъ Вѣны; здѣсь ожидалъ насъ господинъ Ракусскій, по имени Унфердагтъ, мы пріѣхали къ нему въ замокъ, гостили у него, и онъ принялъ и угощалъ насъ прекрасно. Въ томъ городѣ оставались мы два дня, дожидаясь нѣкоторыхъ грамать и остальныхъ подарковъ, назначенныхъ для раздачи у турецкаго двора, пока ихъ изготовили и прислали къ намъ.

Когда и это все было готово, пошли мы отъ Висамунда до Коморна и прибыли въ Коморнъ 4 октября. Оттуда напередъ послано было на Острехову къ Магомету Беку извѣстить о пріѣздѣ господина посла, чтобы для большей безопасности выслалъ намъ на переѣздѣ суда съ проводниками; между тѣмъ господинъ посолъ имѣлъ угощеніе у намѣстника въ Коморнѣ Эразмуса Броуна. Послѣ обѣда прохаживались мы по городу и прохлаждались до 7-го дня, когда пришло извѣстіе, что турки выѣхали принять насъ въ обычномъ мѣстѣ у красивой долины. И такъ мы вскорѣ въ тотъ же день выѣхали изъ Коморна, а прово-

нась пѣшихъ солдатъ, безъ ружей, только съ

съ начальникомъ ихъ, около 300 человѣкъ,

нашихъ венгерскихъ около 50 на коняхъ,

а по Дунаю 15 судовъ, по три пушки на каждой ладьѣ, и венгерскихъ солдатъ по 25 съ ружьями, флагами и знаменами, и такъ, ѣдучи по Дунаю, черезъ нѣсколько часовъ увидѣли мы турецкія суда, всего числомъ десять.

Суда турецкія были во всемъ ровныя и подобныя нашимъ, только на носу у нихъ у каждаго судна было по одной пушкѣ, а у насъ по двѣ; навстрѣчу намъ выѣхало около ста турецкихъ конниковъ, въ отличномъ уборѣ и вооруженіи, и какъ они насъ завидѣли, такъ дали конямъ шпоры и поскакали къ самому берегу Дуная. Тутъ панъ Креквицъ велѣлъ пристать ладьямъ и вышедъ на берегъ, поздоровался съ турками пріязненно; вскорѣ сѣли мы на судахъ и обѣдать вмѣстѣ съ ними. Всякому человѣку, кто прежде того не видывалъ, дивно было смотрѣть какіе у турокъ статные кони, копья со знаменами, сабли отдѣланныя серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями, великолѣпныя одежды, красныя и синія, узды, сѣдла и попоны позлащенныя; вѣроятно они нарочно для этого случая были въ такомъ нарядѣ. Пока турецкіе начальники съ нашимъ посломъ обѣдали, наши гусары съ турецкими прохаживались по долинѣ и пріятельски разговаривали, а конюхи ихъ въ это время держали коней и копья. Тутъ поднялась ссора между однимъ нашимъ и однимъ турецкимъ гусаромъ, до того, что ужъ хотѣли колоть другъ друга и ломаться копьями, но начальники запретили имъ и они отложили драку,

хотя были очень раздражены другъ противъ друга, и мы сами, бывъ тутъ, всячески старались не допуетить ихъ до драки.

Послѣ обѣда распростились мы со своими конвойными, а турки приняли насъ въ свою охрану, и привязавъ свои ладьи къ нашимъ, довели насъ тягою по Дунаю до Острехова *). Тутъ Магометъ Санджакъ (такъ называется онъ отъ освященнаго знамени санджакъ съ позолоченною верхушкой, которое присвоено конницѣ) прислалъ намъ для охранной стражи трехъ янычаръ.

Янычары во всей турецкой области въ большомъ почетѣ: они турецкаго цесаря дворяне и пѣшая гвардія, которой состоитъ при султанѣ 12,000. На всѣхъ окраинахъ и во всѣхъ земляхъ его распредѣлены они противъ непріятелей и для того, чтобы защищать и охранять жидовъ и христіанъ отъ безправнаго насилія въ народѣ. Одежда у нихъ длинная, почти до пятъ, вся изъ сукна, безъ шелку, потому что шелкъ носить имъ неприлично; на шапкѣ носятъ точно рукава суконные, которые болтаются на головѣ въ обѣ стороны; одинъ конецъ виситъ сзади и спускается на спину: спереди надъ челомъ *бляха* серебряная вызолоченная, усажена вся жемчугомъ и простыми каменьями, а въ военное время натыкаютъ въ нее перьевъ. Янычары

*) *Гранъ*, тоже крѣпость по Дунаю: до этого мѣста простирались въ ту пору турецкія владѣнія въ Венгріи.

эти набираются изъ дѣтей христіанскаго народа, живущаго подъ турецкою властію; набираютъ ихъ по нѣскольку сотъ черезъ два года въ третій, малыхъ ребятъ лѣтъ осьми, девяти и десяти, и приставлены доктора, которые должны каждаго разсмотрѣть въ лицо и разсудить, къ чему каждый мальчикъ можетъ быть со временемъ годенъ. Самые лучшіе берутся въ службу турецкому цесарю, другихъ разбираютъ паши и иные турецкіе начальники; остальныя, тупыя головы, отдаются за дукатъ въ Анатолію и въ Азію, до урочнаго времени, лѣтъ до осьмнадцати, и не дольше двадцати, и живутъ тамъ въ нуждѣ, выростаютъ въ холодѣ, въ голодѣ, въ зноѣ, въ наготѣ, и всѣ съ ними обращаются какъ со псами; только кто котораго приметъ, тотъ повиненъ, буде живъ принятый мальчикъ, представить его къ цесарскому двору въ вышеписанныя лѣта, а если умеръ, то долженъ заявить кадію либо судьѣ въ томъ краю, у котораго тотъ мальчикъ записанъ, чтобы онъ, по заявкѣ, выключилъ его изъ списка. И всѣхъ ихъ, какъ только будетъ имъ около двадцати лѣтъ, натерпятся горя, обгорятъ на солнцѣ и навыкнутъ ко всякой работѣ, привезутъ въ Константинополь изъ всѣхъ мѣстъ, куда они распредѣлены были. Тутъ самые крѣпкіе и суровые изъ нихъ записываются въ младшіе янычары и отдаются въ команду старшимъ, подъ ихъ надзоромъ пріучаются стрѣлять, рубиться саблями, бросать копья, скакать черезъ рвы, лазить на стѣны и исполнять всякую службу, что старшій прикажетъ;

каждый въ полномъ повиновеніи у своего старшаго и долженъ ему кушанье варить, дрова колоть и исполнять для него всякую потребу до тѣхъ поръ, покуда войны нѣтъ. И который пойдетъ со старшими на войну, долженъ тому служить, за кѣмъ записанъ, разбивать палатки, ходить за верблюдами, смотрѣть за вьюками и все исправлять, какая бы ни случилась потреба и работа. А когда случится битва или приступъ, они идутъ впереди, и одинъ передъ другимъ старается себя выказать. Потомъ, кто изъ тѣхъ молодыхъ людей покажетъ свою храбрость, того принимаютъ въ чинъ старыхъ янычаръ, а младшій по немъ долженъ ему служить, какъ и онъ служилъ прежде, и ему повиноваться. Изъ нихъ потомъ выходятъ жестокіе злодѣи, и изо всѣхъ турецкихъ солдатъ они самые безжалостные къ христіанамъ, а боевые люди они самые неукротимые, и въ нихъ цесарь турецкій имѣетъ самую надежную себѣ охрану. Все это написалъ я про янычаръ и про ихъ житье потому, что послѣ самъ своими глазами видѣлъ въ Константинополѣ, какъ они съ младу должны привыкать не къ роскоши, а ко всякому труду, и выходятъ изъ нихъ самые лучшіе воины. Въ первый разъ видѣлъ я янычаръ, когда они приходили цаловать руку послу и становились къ нему на службу.

За позднимъ часомъ не могли мы говорить о цесарскихъ дѣлахъ у Санджакъ Бега, но по его приказу угощали насъ довольно мясомъ, виномъ, рыбою и ку-

рами. Тутъ въ первый разъ привелось намъ спать на коврахъ и на войлокахъ, такъ какъ не было съ нами никакихъ перинъ или матрацовъ, и всякъ долженъ былъ устроивать себѣ ночлегъ какъ только могъ.

Рано утромъ 8 числа прислалъ Санджакъ Бегъ къ нашимъ людьямъ пятнадцать прекраснѣйшихъ турецкихъ коней съ великимъ убранствомъ и богатыми сѣдлами: каждое сѣдло было обито серебромъ позолоченнымъ и украшено дорогими каменьями и жемчугомъ. На коняхъ поѣхали впереди особы рыцарскаго чину, которыя съ паномъ посломъ отправлялись въ Константинополь; за ними служебные люди по два въ рядъ, съ дарами для Санджакъ Бега, а потомъ четыре отрока рыцарскаго чина, несли передъ паномъ посломъ оружіе, именно: одинъ — саблю отдѣланную въ серебро съ позолотой, съ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; другой — ружье, также отдѣланное въ серебро съ позолотой и съ драгоцѣнными камнями; третій — сѣкиру венгерскую, по рукояти выложенную жемчугомъ и цвѣтными каменьями, а четвертый несъ чеканъ (копье) венгерскій весь позолоченный и отлично отдѣланный цвѣтнымъ каменьемъ. За ними ѣхалъ панъ посолъ на прекрасномъ, бѣломъ какъ снѣгъ, турецкомъ конѣ, а позади — его гофмейстеръ. . . . .

Проѣхавъ такъ нѣкоторое время, увидали мы Санджакъ Бегову прекрасную ставку, довольно большой домъ, и доѣхавъ до него, сошелъ панъ посолъ съ коня и пошелъ вверхъ, а мы за нимъ; тутъ Санджакъ Бегъ

пана посла ждалъ и указалъ ему сѣсть противъ себя на стулѣ. Около Санджакъ Бега стали его подручные начальники и вои, а мы за паномъ посломъ. Тогда панъ посолъ подалъ Санджакъ Бегу грамату отъ Его Цесарскаго Величества, панъ ее съ великой учтивостію принялъ и за тѣмъ самъ сѣлъ, а панъ посолъ передалъ ему дары отъ Цесарскаго величества, именно: триста большихъ талеровъ двойныхъ, да ковшъ серебряный вызолоченный, да умывальникъ серебряный же вызолоченный.

Послѣ этой церемоніи было намъ дозволено идти въ замокъ Остреховскій и осмотрѣть его: въ немъ жилъ въ прежнее время архіепископъ; дойдя до костела въ которомъ турки отправляютъ свое богослуженіе, видѣли мы прекрасную капличку, всю внутри обложенную мраморомъ, и тутъ въ углубленіи стоялъ прекрасный мраморный образъ благовѣщенія пресв. Маріи, составленный изъ разноцвѣтнаго мрамора. Оттуда по высокой лѣстницѣ поднялись на гору до другой прекрасной каплицы, въ которой были живописные образа святыхъ. Возлѣ той каплицы былъ прекрасный и превеликій дворецъ, а во дворцѣ написаны изображенія прежнихъ королей венгерскихъ. А за дворцомъ есть прекрасная галерея, вся уставлена мраморными столпами, и изъ нея далеко видно въ поле и на долину даже до дунайскаго берега. Внизу подъ той галлереей есть знаменитый колодезь въ скалѣ вытесанный, и такой глубокій, что если бросить туда камень,

то довольно ждать надобно пока услышишь какъ онъ упалъ въ воду; а вода дивно проведена на гору изъ Дуная, и провесть ее стоило большихъ денегъ. Преудивительный этотъ колодезь; онъ стоилъ много тысячъ дукатовъ венгерскому архіепископу, который здѣсь обыкновенно имѣлъ свое пребываніе. И такъ осмотрѣвши все что стоило видѣть, вернулись мы къ ладьямъ и пообѣдали. Послѣ обѣда, вмѣстѣ съ своими провожатыми, значитъ съ тѣми десятью лодками, къ которымъ наши были прицѣплены, поѣхали мы по Дунаю мимо замка Вишеграда, который стоитъ на большой высотѣ по правому берегу, и къ вечеру прибыли въ Вацовъ (Вайценъ) гдѣ была епископская резиденція: тамъ, хотя самого епископа въ ту пору не было, однако намъ приготовили отъ него угощеніе.

9 числа рано утромъ мы выѣхали и черезъ 3 часа завидѣли Budинъ *). Когда на полмили подошли къ Будину, послалъ паша Будинскій на встрѣчу намъ 19 лодокъ и судовъ въ большомъ нарядѣ разукрашенныхъ флагами, и какъ скоро тѣ суда до насъ доѣхали, выстрѣлили намъ салютъ изо всѣхъ пушекъ и ружей, а наши также имъ отвѣчали, и то было по нѣсколько разъ. Дивно было намъ видѣть, какъ по всему Дунаю стояло разставлено всего 29 судовъ, украшенныхъ такимъ множествомъ знаменъ и флаговъ, точно маковымъ цвѣтомъ: всего было ихъ на тѣхъ корабляхъ до 700;

*) Буда, Офенъ.

и смотрѣть весело. Когда пришли ближе къ Будину, стали стрѣлять со всѣхъ судовъ, а когда вышли на берегъ, велѣлъ паша Будинскій знатно угостить насъ всякимъ кушаньемъ и питьемъ и всякой потребностью и дать намъ янычарскую стражу.

10 числа рано поутру прислалъ паша къ ладьямъ 12 прекрасныхъ коней, знатно убранныхъ чепраками, сѣдлами, стременами и другимъ позлащенымъ убранствомъ; на нихъ поѣхали посолъ съ дворянами рыцарскаго чина такимъ же порядкомъ какъ было въ Острeховѣ, на предмѣстье, къ дому паши, сквозь два ряда солдатъ, которые разставлены были по обѣ стороны улицы. А когда пріѣхали къ дому, тутъ стояли вплоть до самаго крыльца янычары, числомъ около 200, составлявшіе тѣлохранительную стражу паши. Прійдя въ самый дворецъ увидѣли мы пашу сидѣвшаго на подушкѣ, на полу устланномъ дорогими коврами; около него сидѣли главные совѣтники и воинскіе начальники, иные же стояли. Напротивъ паши стоялъ червленый бархатный стулъ, на которомъ сѣлъ панъ посолъ послѣ того какъ подалъ руку пашѣ, а мы, всего человѣкъ 50 свиты, стали за паномъ посломъ; вся превеликая зала была по полу покрыта и по стѣнамъ обвѣшена коврами.

Когда панъ Крекивицъ подалъ пашѣ грамату отъ Его Цесарскаго Величества, паша всталъ съ мѣста, поцѣловалъ грамату и, подержавъ ее надъ головой на своемъ тюрбанѣ, оставилъ въ рукахъ у себя. Тутъ

панъ посолъ передалъ ему дары, именно: три тысячи талеровъ великихъ, двѣ большія чаши серебренныя, на подобіе полумѣсяца, умывальникъ серебренный позолоченный съ тазомъ и прекрасные часы боевые. По отдачѣ тѣхъ даровъ долго переговаривалъ онъ съ пашею, при чемъ жаловался на нѣкоторыхъ солдатъ турецкихъ за набѣги и пограбленія имущества, и просилъ чтобы то прекращено было и заповѣдано на будущее время. И отдалъ еще ему посолъ письмо отъ Арнюста Эрцгерцога Австрійскаго, которое онъ принялъ охотно, однако не съ такимъ почтеніемъ какъ цесарскую грамату: пока все это происходило, прошло часа три, и мы долго стояли. Паша съ своей стороны подарилъ послу кафтанъ суконный золотомъ шитый, и онъ въ знакъ уваженія тутъ же надѣлъ тотъ кафтанъ на себя, и такъ въ немъ пошелъ къ лодкамъ.

Пріѣхавъ назадъ къ своимъ судамъ, узнали мы, что одинъ изъ нашего общества, Волохъ, именемъ Микула де Белло, родомъ съ острова Крита или Кандіи, потурчился: панъ посолъ взялъ его съ собой изъ Вѣны по великой и неотступной его просьбѣ, такъ какъ онъ увѣрялъ что у него братъ живетъ въ плѣну у турокъ, и онъ хотѣлъ отъискать его, чтобы выкупить изъ неволи и увезти съ собою моремъ въ христіанскую сторону. Этотъ Волохъ, покуда мы у папи были, ушелъ съ корабля къ янычарамъ, которые намъ даны были на стражу и разбили станъ свой на берегу у Дуная; нищъ съ ними, завелъ знакомство, объявилъ,

что хочетъ быть туркомъ, и для увѣренія снялъ съ головы свою шапку, топталъ ее ногами и разрѣзавъ бросилъ въ Дунай, а околышъ разорвалъ на куски.— Когда онъ это сдѣлалъ, янычары принесли тюрбанъ или турецкую круглую шапку, надѣли ему на голову и отвели его въ городъ. А этотъ самый Волохъ часто выказывалъ великую набожность, часто вздыхалъ и даже слезы проливалъ о лютой погибели своего брата, и даже не задолго передъ тѣмъ, въ ту пору какъ мы по Дунаю ѣхали, исповѣдывался и принималъ святѣйшая святыхъ отъ алтаря; за всѣмъ тѣмъ бездѣльникъ измѣннически продалъ душу свою и потурчился.

Въ тотъ же день паша прислалъ нарядную лодку за паномъ посломъ, просить его къ себѣ; и онъ поѣхалъ, взявъ съ собою только 5 особъ, и повезъ съ собою въ подарокъ пашѣ прекрасные съ выкладкою пистолеты и большаго бѣлаго англійскаго пса,—что самъ получилъ въ даръ отъ Его милости Эрцгерцога Арноста.

Между тѣмъ, пока панъ посолъ довольно долго оставался у паши, мы осматривали теплыя ванны, находившіяся неподалеку отъ нашихъ судовъ, и въ нихъ мылись. Ванны эти знамениты и роскошно устроены, изъ природныхъ горячихъ источниковъ, такихъ горячихъ, что едва въ нихъ усидѣть можно. У турокъ онѣ слывутъ необыкновенно полезными для здоровья, отъ того, что сами по себѣ горячія, и содержатся въ большой чистотѣ; кто въ нихъ моется, имѣетъ прислугу и

прочія удобства за положенную плату. Передъ купальнями большой крытый передбанникъ, уставленный вокругъ широкими скамьями, гдѣ люди раздѣваются и оставляютъ платье. Посрединѣ этой комнаты устроенъ большой мраморный бассейнъ, а изъ нея ходъ въ настоящую купальню, которая не столько похожа на купальню сколько на круглую часовню (капеллу) и все въ ней, и стѣны и полъ обложено и обдѣлано оловомъ и разноцвѣтнымъ мраморомъ. А самое купальное мѣсто точно котелъ, около 43 шаговъ въ окружности, и въ немъ вода глубокая, такъ что будетъ по шею человѣку средняго роста. А кто не можетъ такъ глубоко стоять въ водѣ, для тѣхъ въ томъ мраморномъ котлѣ есть двѣ мраморныя лавки, одна повыше, другая пониже, такъ что можно на одной сидѣть по грудь въ водѣ, на другой по поясъ, и на третьей, то есть на самомъ краю, по колѣна. Если кто хочетъ плавать или прохлаждаться въ водѣ, и для этого есть мѣста достаточно. И есть еще въ той купальнѣ девять полукруглыхъ выступовъ, и въ каждомъ по два истока мраморныхъ съ кранами, изъ которыхъ можно напустить горячей, а изъ другаго студеной воды и потомъ спускать ту воду. Словомъ сказать, такихъ пріятныхъ и роскошныхъ купаленъ много видали мы въ Турціи, и въ нихъ не разъ мылись.

Есть еще въ томъ краю другія двѣ, такія же круглыя купальни, въ которыхъ могутъ мыться и прохлаждаться больные, слабые и недостаточные люди. Изъ этихъ

котловъ или ваннъ каждую ночь вода выпускается, мѣсто вымывается до чиста и на утро напускается чистая вода, зачѣмъ смотрятъ начальные турки, а если провѣдаютъ, что банщикъ въ чемъ нибудь не соблюлъ чистоты, или что не спускаетъ воду каждую ночь, то онъ подвергается жестокому наказанію. Это я своими очами видѣлъ въ Константинополѣ, гдѣ одинъ банщикъ, противъ того дома гдѣ мы жили, въ султанскихъ баняхъ, уличенъ былъ въ томъ, что давалъ людямъ ручники не чистые, и субаша, верховный у нихъ судья, приговорилъ его къ такому наказанію: велѣть дать ему тысячу палочныхъ ударовъ, именно по спинѣ двѣсти, по пятамъ триста, по задней части двѣсти и по брюху триста ударовъ, такъ что онъ послѣ наказанія весь вздулся и распухъ, и нельзя было распознать въ немъ человѣческаго вида. Иному можетъ показаться, что это неправдоподобно и выдумано, но это точно такъ, и я еще въ другой разъ, когда былъ въ неволѣ, видѣлъ какъ одному нѣмцу давали тысячу ударовъ, о чемъ буду ниже разсказывать. Объ этихъ баняхъ, какъ онѣ прекрасно устроены и въ какой чистотѣ содержатся, я описываю потому, что въ Сербіи и во Ѳракіи, да и во всемъ турецкомъ государствѣ несчетное количество бань и наблюдается въ нихъ великая чистота. Турки, соблюдая законъ своего Алкорана, ежедневно моются, и жены при свадьбахъ себѣ выговариваютъ, и при нихъ остается полная свобода, чтобы мужья не запрещали имъ ходить въ

баню, такъ какъ и у пророка Магомета въ законѣ сказано, что жены въ особенности должны соблюдать чистоту.

14-го числа была пятница, который день турки святятъ, какъ мы у себя недѣлю (воскресенье), и мы видѣли какъ паша съ великою славою ѣхалъ въ мечеть. Впереди ѣхало около 800 янычаръ, потомъ много чаушовъ и нѣсколько сотъ спаговъ, то есть наѣздниковъ, а за ними самъ паша ѣхалъ въ суконномъ золотомъ шитомъ нарядѣ; часа съ два оставался онъ въ мечети, и потомъ возвратился домой тѣмъ же порядкомъ. Послѣ обѣда ходили мы на верхъ въ городъ, который вмѣстѣ съ замкомъ стоитъ на горѣ, по правому берегу Дуная; въ городѣ есть старинныя венгерскія зданія. Долго было бы описывать тотъ городъ: я скажу только о томъ, что самъ видѣлъ. Городъ Budинъ лежитъ въ веселомъ и необыкновенно красивомъ мѣстѣ, въ богатой и плодородной странѣ, на верху скалы, которая съ одной стороны покрыта виноградниками, а съ другой спускается къ Дунаю, текущему мимо города, а на противномъ берегу Дуная виденъ городъ Пештъ. За нимъ и около него лежитъ широкая и далекая равнина, на которой бывало избраніе венгерскихъ королей. Въ предмѣстьи у Будина въ прежнее время было много знатныхъ домовъ, королевскіе дворцы и первыхъ вельможей; но всѣ они теперь въ разрушеніи и въ упадкѣ, а кое-гдѣ еще держатся съ подпорками, и тамъ живутъ одни турецкіе солдаты.

Эти солдаты не получають жалованья на дневное себѣ пропитаніе, и не имѣя ничего, не имѣютъ нужды устраивать себѣ домашнее жилье, а довольствуются немногимъ, лишь бы найти уголъ, гдѣ можно въ сухомъ мѣстѣ поставить коней и постлать себѣ ложе. И во всемъ турецкомъ государствѣ мало найдется устроенныхъ домовъ и дворцовъ, развѣ въ большихъ городахъ у пашей и у главныхъ начальниковъ—только у нихъ есть изрядно выстроенные и убранные дома, простой же народъ живетъ обыкновенно въ хижинахъ и шалашахъ. Большіе господа и паши издерживаются на сады, на бани, на красивыхъ коней, на женъ, на платье, а прислуга ихъ сама устраиваетъ себѣ домъ для помѣщенія.

Однажды, когда мы шли въ городѣ мимо турецкаго храма, увидѣли десятерыхъ турокъ, какъ они, собравшись въ кругъ, держали другъ друга за руки, а въ серединѣ круга стоялъ ихъ священникъ. Всѣ они, вмѣстѣ обернувшись въ кругъ, кричали одно: аллахъ, аллахъ!, точно: Боже услыши насъ,—такимъ громкимъ голосомъ, что далеко было слышно, и такъ долго, что осипли всѣ. Турки вѣрятъ, что если кто въ томъ крикѣ уснетъ и что ему привидится, то будетъ пророчество, которое въ свое время оправдается и выйдетъ на дѣлѣ.

Тутъ же въ городѣ зашли мы и въ христіанскій костелъ, гдѣ проповѣдникъ кальвинскій отправлялъ богослуженіе. При томъ костелѣ есть высокая башня

съ колоколами, куда всходятъ по 150 ступенямъ, а звонить въ колокола не смѣютъ. На той башнѣ есть часы боевые—первые, какіе мы видѣли въ Турціи и послѣдніе: у турокъ вообще не бываетъ часовъ (кромѣ малыхъ боевыхъ, которые посылаютъ имъ купцы христіане), и обращаться съ ними не умѣютъ. Иные правятъ день по солнцу, а ночь по мѣсяцу, а въ городахъ есть у нихъ талисманы, то есть священники или капелланы, которые размѣриваютъ часы дневные мѣрками воды, и поэтому считая время, кричатъ громкимъ голосомъ съ высокихъ круглыхъ башенъ, стоящихъ при костелахъ, и зовутъ людей къ службѣ Божіей, вмѣсто звону, въ костелъ.

Въ первый разъ поднимается крикъ съ башни, на разсвѣтѣ; во второй разъ скликаютъ народъ въ средній часъ между восходомъ солнечнымъ и полуднемъ; въ третій разъ, въ полдень; въ четвертый, по вечеру, и въ послѣдній разъ на закатѣ солнечномъ; притомъ возвышаютъ они голосъ изо всей мочи, и когда кричатъ, сами уши себѣ затыкаютъ. Въ Константинополѣ, гдѣ вообще живутъ люди въ нѣгѣ и въ праздности, талисманы или священники семь разъ въ день созываютъ народъ къ моленью, но къ нему обязываются только дворяне, начальные люди да купцы, а не ремесленники, которые неповинны, кромѣ доброй воли, совершать моленіе чаще пяти разъ въ день. А не можетъ кто въ храмѣ молиться, тотъ молись гдѣ хочетъ, въ домѣ у себя, на работѣ, въ полѣ, гдѣ его

застигнетъ священническій крикъ. Крики эти похожи на то, какъ у насъ кричатъ погонщики воловъ, или какъ жиды у себя въ школахъ; кто самъ не испыталъ, тому трудно и повѣрить, какъ далеко слышенъ бываетъ этотъ крикъ. Въ другой разъ, когда мы ходили осматривать городъ и потомъ возвращались назадъ къ судамъ, видѣли того волошскаго отступника, который себя потурчилъ, какъ его провожали въ городъ турки въ великомъ собраніи: впереди него около 300 турецкихъ солдатъ съ длинными ружьями—они выражали свою радость, а нѣкоторые стрѣляли; за ними ѣхало нѣсколько всадниковъ, повидимому изъ начальныхъ людей; потомъ шло пятеро знаменщиковъ съ красными знаменами; затѣмъ шла неблагозвучная турецкая музыка съ дудками, гуслями и бобжами, и, наконецъ, самъ несчастный отступникъ валахъ на красивомъ конѣ; возлѣ него съ каждой стороны по одному—начальные турки, а онъ въ серединѣ, и былъ на немъ кожухъ, красной матеріей крытый, на лисьемъ мѣху, на головѣ турецкая шапка съ перьями, въ рукѣ держалъ стрѣлу, и одинъ палецъ поднялъ высоко къ верху въ объявленіе своей турецкой вѣры. Въ заключеніе ѣхало нѣсколько трубачей, которые безъ перерыву трубили, потомъ до трехъ сотъ турецкихъ гусаръ, въ полномъ нарядѣ и вооруженіи; они то скакали, то поворачивали коней и дѣлали разныя движенія въ изъявленіе великой радости. Доѣхавъ до городскихъ воротъ, остановились въ нихъ съ великимъ крикомъ,

а кричали три раза всѣ вмѣстѣ: аллаха, иллаха, Мугаметъ ресулахъ, то-есть — единъ богъ истинный, и кромѣ его нѣтъ бога, и Магометъ верховный пророкъ его—чинили исповѣданіе вѣры и по три раза выстрѣлили; потомъ опять тѣмъ же порядкомъ проѣхали мимо нашихъ судовъ; все это выдѣлывали они безъ сомнѣнія намъ на зло и на досаду.

Сказывалъ намъ одинъ чаусъ, нѣмецъ изъ Аугсбурга родомъ, который также нѣсколько лѣтъ тому назадъ потурчился, что паша тому валаху коня подарилъ и назначилъ ему въ жалованье по 20 аспровъ на день. Только это вещь не вѣроподобная, чтобы онъ ему назначилъ такую большую дачу: и между янычарами первые люди не получаютъ такого большаго жалованья, а другіе насъ увѣряли, что этому человѣку черезъ годъ едва достать себѣ хлѣба на пропитаніе. А можетъ быть тотъ чаусъ нарочно намъ разсказывалъ, не соблазнится ли его рѣчами кто нибудь изъ насъ, чтобы перейти къ туркамъ; но слава Богу, избавилъ насъ Господь Богъ, того не случилось.

Послѣ обѣда пошли мы осмотрѣть замокъ будинскій; у первыхъ воротъ стояло нѣсколько солдатъ на караулѣ. Пройдя мимо ихъ, вышли мы на прекрасную четвероугольную площадку, гдѣ по обѣ стороны разставлены были пушки, всего тридцать, да на землѣ лежало ихъ двадцать безъ колесъ; въ числѣ тѣхъ тридцати иныя были такія огромныя, что человѣку

можно было влезть въ нихъ. Турки намъ о тѣхъ пушкахъ сказывали, что онѣ привезены въ Будинъ, когда взятъ былъ Сигетъ, оттуда. Отъ той площадки вышли мы черезъ другія ворота на другую площадку, а затѣмъ еще черезъ третьи ворота на третью площадку. На той третьей площадкѣ сдѣланъ прекрасный бассейнъ, куда вода снизу поднимается восемью трубами, но когда мы были, воды не было. Внутри того бассейна есть надпись нѣмецкая старая, высѣчена старинными буквами, и гербъ австрійскій. Оттуда, поднявшись на гору, прошли мы въ прекрасную пространную галлерею, и по ней въ круглую комнату, гдѣ была нѣкогда церковь короля Матвѣя; а изъ той церкви ходъ въ другую комнату, въ которой король Матвѣй Корвинъ имѣлъ свою библіотеку, и въ ней на стѣнѣ написанъ ходъ свѣтилъ небесныхъ съ планетами и противъ нихъ два созвѣздія, а внизу написаны стихи:

Cum Rex Matthias suscepit Sceptra Boëmae
Gentis, erat similis lucida forma poli.

«Когда король Матвѣй принялъ скипетръ народа богемскаго, таковъ былъ видъ свѣтилъ небесныхъ».

Возлѣ библіотеки былъ покой королевскій, гдѣ жили венгерскіе короли. Онъ красиво расписанъ и обвѣшенъ по стѣнамъ прекрасными коврами, и поставленъ тутъ будто тронъ, коврами покрытый, на которомъ садится паша, когда пріѣзжаетъ въ замокъ и держитъ совѣтъ свой. Потомъ, спустившись внизъ, взошли мы по де-

ревянным ступенямъ на гору до превеликой и прекрѣнко устроенной башни: тутъ въ это время, сказывали намъ турки, содержалось до 70 христіанскихъ плѣнниковъ, которымъ нельзя никакимъ способомъ, — развѣ особливою волею Божьей, выйти на свободу, потому что нечѣмъ выплатить имъ за себя, а выкупъ за нихъ положенъ великій. Около той башни бастіоны, а на нихъ стоятъ три пушки съ колесами, и въ числѣ ихъ одна вылита по приказу епископа Остреховскаго. Потомъ пришли въ большой дворецъ, но въ немъ ничего не было замѣчательнаго; напослѣдокъ повернули мы внизъ къ Дунаю и прошли черезъ мостъ, устроенный на большихъ ладьяхъ, шаговъ на 600 длиною,— до города Пешта, что на другомъ берегу, противъ Будина. Есть въ немъ купцы христіанскіе и турецкіе, но строеніе плохое, и ничего красиваго мы въ немъ не видѣли, и потому возвратились вскорѣ на корабли свои. Въ тотъ же день пріѣхалъ къ намъ въ Будинъ курьеръ изъ Вѣны.

13 октября потребовалъ паша пана посла съ тѣмъ курьеромъ къ себѣ и прислалъ за нимъ свои ладьи, на которыхъ поѣхалъ посолъ съ 6 особами. Окончивъ это дѣло, панъ нашъ самъ ѣздилъ въ Будинъ, гдѣ нашъ капелланъ служилъ святую обѣдню въ христіанскомъ костелѣ. Послѣ обѣда отплыли мы изъ Будина; паша далъ намъ своего капиджи пашу да четырехъ чаусовъ, чтобы проводили насъ безопасно въ Константинополь, да четырехъ янычаръ для охраны.

Чаусы несутъ повинность коммисарскую, для посылокъ, и исполняютъ всякія порученія отъ султана или отъ паши, и должность эта считается въ народѣ очень почетною. Дали намъ 6 судовъ, на которыхъ тѣ чаусы ѣхали, а наши суда къ своимъ привязали. Кромѣ того сзади насъ шло еще одно судно со множествомъ плѣнныхъ христіанъ невольниковъ, которыхъ везли на продажу въ Константинополь, только съ ними говорить турки намъ не позволяли. Первую ночь провели мы на ладьяхъ своихъ, приставъ къ берегу въ красивомъ луговомъ мѣстѣ.

14-го числа рано отплыли мы отъ берега и подъѣхали къ большой деревнѣ на правомъ берегу Дуная, по имени Садумъ; тутъ увидѣли мы въ первый разъ турецкую гостинницу, называемую караванъ-сераемъ; крыша у нея вся оловянная, какъ бываетъ всегда у гостинницъ. Въ полдень пристали къ виноградникамъ и обѣдали; къ вечеру пріѣхали въ деревню Мала Пакса, на правомъ берегу, и тутъ ночевали.

15-го числа ѣхали мимо Великой Паксы; это прекрасивое мѣстечко на правомъ берегу, и въ немъ караванъ-серай съ гостинымъ домомъ, да двѣ христіанскія церкви. Въ полдень обѣдали, и тутъ, для безопасности, связали всѣ ладьи свои одни съ другими, чтобы такъ плыть до самаго Бѣлграда. Къ вечеру приплыли въ мѣстечко Толну: это самое послѣднее мѣстечко венгерское, гдѣ живутъ до сихъ поръ большею частью все христіане, подъ турецкою властью, имѣ-

ютъ свою церковь, кальвинцеваго проповѣдника и школу для дѣтей. Тутъ достали мы преотличнаго вина и наполнили на дорогу свои фляги.

16-го числа, пообѣдавъ на судахъ, пристали въ сумерки къ мѣстечку Сереміанъ (Сирмія), гдѣ есть христіанская церковь, только въ запустѣніи и почти совсѣмъ разрушена, однако христіане отправляютъ еще въ ней свое богослуженіе; тутъ ночевали.

17-го числа пріѣхали опять въ роскошное луговое мѣсто, по обоимъ берегамъ Дуная, и увидѣли множество всякой птицы, утокъ, гусей, лебедей, журавлей, и иные стали стрѣлять себѣ дичь. Цѣлый день ѣхали прекрасными лугами и ночевали у деревни Перикмарта (Принтварть) по правому берегу Дуная 18-го числа выѣхали лишь около 10-го часа, по той причинѣ, что одно судно, на которомъ были у насъ кони съ поклажею, едва отчалило отъ берега, сѣло на песчаную мель и никакъ не могло сняться; наконецъ, при помощи трехъ турецкихъ кораблей, удалось снять его. Ночевали опять въ прекрасныхъ лугахъ. 19-го числа, раннимъ утромъ приплыли къ тому мѣсту, гдѣ рѣка Драва въ полумили отъ Эрдеда, впадаетъ въ Дунай, потомъ проплыли и мимо Эрдеда: тутъ замокъ на горѣ по правому берегу Дуная, а внизу большая деревня. Подъ вечеръ пристали къ Вальновару и тутъ часъ пробыли. Мѣстечко прекрасное подъ замкомъ, и замокъ хорошъ; есть тутъ деревянный мостъ, который турки наводятъ во время розлива, чтобы можно было по су-

ху имѣть сообщеніе съ твердой землею. Тутъ угостились мы хорошо пищею и виномъ; къ вечеру миновали деревню Содинъ, на правомъ берегу, и здѣсь видѣли большой замокъ въ развалинахъ. Недалеко оттуда въ лугахъ заночевали. 20-го числа прошли мимо Мостина; наверху разрушенный замокъ, подъ замкомъ деревня, на правомъ берегу, и въ ней церковь христіанская. Потомъ видѣли Иллоа, на правомъ же берегу, милое, веселое мѣстечко, съ замкомъ на горѣ. Въ прежнее время была тутъ епископская столица. Дальше, на томъ же берегу, деревня Панестра, со старымъ замкомъ въ развалинахъ, потомъ мѣстечко Сервесъ, на горѣ, съ замкомъ. На ночь пристали къ Петровару, иначе Петрварадину: большой замокъ на горѣ, съ укрѣпленіями, а внизу мѣстечко; тутъ мы ночевали и запаслись виномъ и припасами.

21-го числа рано прошли мы Карловицъ, на правомъ берегу Дуная: большое мѣстечко и въ немъ двѣ христіанскія церкви греческаго закона, а третья — католическаго. На лѣвомъ берегу видѣли мы Титель; городъ, какъ намъ сказывали, прекрасный, съ замкомъ на горѣ. Потомъ шли мимо Селемка — стоятъ на превысокой горѣ почти все развалины; только иныя старыя башни еще держатся. Подлѣ того разореннаго замка есть мѣстечко окруженное стѣною, со множествомъ башенъ, и нѣкоторыя еще не разрушены. Напротивъ того мѣстечка по лѣвую руку течетъ рѣка Тисса чрезъ седмиградскую землю въ Венгрію, и въ Дунай впадаетъ.

22-го числа на разсвѣтѣ увидѣли мы по правую руку на Дунаѣ мѣстечко Семенъ; а не вдалекѣ оттуда показался Бѣлградъ, съ той стороны, съ которой впадаютъ въ Дунай рѣки Тисса и Драва, и Бѣлградъ лежитъ въ томъ мѣстѣ гдѣ рѣка Свина или Сава соединяется съ Дунаемъ. Тутъ въ крайнемъ углу предгорья стоитъ старый городъ древняго строенія, огражденъ двумя стѣнами и многими башнями; съ двухъ сторонъ къ нему текутъ тѣ рѣки, о которыхъ выше помянуто. На той сторонѣ города, въ твердой землѣ, на возвышеніи стоитъ прекрасный замокъ со множествомъ высокихъ башенъ, сложенъ весь изъ тесанаго камня. Предмѣстье пространное и въ немъ множество домовъ, а живутъ разные народы—турки, греки, жиды, угры, далматы, седмиградчане и иные. Такъ и во всѣхъ почти земляхъ турецкихъ предмѣстье бываетъ больше города, и само кажется точно большой городъ. Въ этомъ городѣ нечего смотрѣть замѣчательнаго; только купеческій домъ, въ которомъ купцы имѣютъ свои товарные склады; домъ четвероугольный, весь покрытъ оловомъ, устроенъ со сводами и склепами для сохранности товаровъ, а внутри галерея съ кладовыми и лавками. Въ срединѣ того дома площадка сдѣлана, а въ ней большой бассейнъ, въ который течетъ жолобомъ вода черезъ большой круглый камень, а на томъ камени высѣчена надпись: Qui crediderit et baptizatus fuerit salvus erit. Anno 1588. Кто вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ. Есть еще въ томъ городѣ кри-

мѣчательный домъ, гдѣ христіанскіе невольники продаются. Купцы христіане не имѣютъ здѣсь нарочнаго храма, а всѣ католики отправляютъ свое богослуженіе въ одномъ домѣ и священника содержатъ на свой счетъ.

Въ замокъ не хотѣли всѣхъ пустить, и только видѣли мы на стѣнахъ множество пушекъ; однако по просьбѣ и ради подарковъ отъ пана посла пустили насъ съ дядей его и съ однимъ чаусомъ въ замокъ, только ничего замѣчательнаго не хотѣли намъ показать; видѣли мы только что укрѣпленъ онъ сильно и не легко взять его. Турки, на памяти предковъ нашихъ, непремѣнно хотѣли и всячески усиливались добыть себѣ этотъ городъ и замокъ, сперва султанъ Амуратъ, потомъ Магометъ, сынъ его, который завоевалъ Константинополь; только тогда Венгры и крестовые рыцари удачно его обороняли, такъ что всѣ усилія варварскаго народа остались втунѣ. Напослѣдокъ, въ 1520 г. султанъ Солиманъ, въ началѣ своего царствованія обложилъ его съ великимъ войскомъ, и по случаю неспособности короля Людовика, бывшаго тогда въ малолѣтствѣ, да по несогласію и раздорамъ венгерскихъ вельможъ, которые сами стали ссориться и вести брань между собою, городъ и замокъ оставлены безъ защиты, не снабжены сильнымъ войскомъ, такъ что Солиманъ почти что безъ труда и нечаянно захватилъ его. Сюда потомъ, точно въ отворенныя ворота, и ринулось на Венгрію все то бѣдствіе, которое нынѣ весь этотъ на-

родъ терпитъ. Тутъ въ самомъ началѣ пораженъ на смерть венгерскій король Людвикъ; подобнымъ же образомъ взятъ главный городъ Будинъ, седмиградская земля завоевана; Остреховъ и другія крѣпости взяты, королевство бывшее прежде въ великой славѣ, попало въ неволю; сосѣдніе народы живутъ въ великомъ страхѣ, а мы несчастные чехи черезъ эту войну у венгерцевъ много потерпѣли бѣдъ и напастей; изъ-за этой войны въ Венгріи, несчетныя суммы денегъ изъ земли нашей вышли, несчетное число знаменитыхъ людей, нашихъ милыхъ братьевъ чеховъ побито и осталось въ Венгріи, и вся Венгерская земля того никакъ не стоитъ. Если же намъ Господь Богъ не пошлетъ свою чудесную помощь, страшно какъ бы эти главные враги наши не утвердились сначала въ Австріи, а потомъ и въ нашей милой сторонѣ, — отъ чего избави насъ милостію своею всесильный Боже! *) Къ тому же нѣтъ добраго согласія, истинной любви и вѣрности между нами, оскудѣла правда въ чехахъ, и доблести отцовскія сгибли; если и есть такіе, то очень мало ихъ осталось. Кому же стать на защиту родной земли, чтобы чужіе народы въ нее не вторглись и не загубили бы наше славное

---

*) Чего опасался добрый юноша отъ турокъ, то пришло вскорѣ съ другой стороны отъ цесарскихъ людей, когда, послѣ бѣлогорской битвы Австрія принялась искоренять въ Богеміи чешскую народность.

ческое королевство? Однако я уже слишкомъ распространился объ этомъ: пора вернуться къ Бѣлграду.

24-го числа, до отъѣзда нашего изъ Бѣлграда, возникли неудовольствія между паномъ посломъ и Копиджи пашою, который къ намъ былъ приставленъ, потому что онъ долженъ быть по уговору снабжать насъ достаточнымъ продовольствіемъ, но того не исполнялъ и дурно насъ продовольствовалъ, а искалъ своего прибытка. По этому случаю хотѣлъ панъ посолъ отправить ѣздоваго въ Будинъ и пашѣ на него пожаловаться; однако тотъ Капиджи, зная вину свою, и имѣя въ такихъ дѣлахъ хитрость, такъ устроилъ, что не могли мы и за большія деньги достать ѣздоваго. За это панъ посолъ на него сильно гнѣвался, и грозилъ ему, что если онъ не станетъ лучше продовольствовать, то будетъ на него жаловаться при дворѣ турецкаго цесаря. Этой угрозы испугался Капиджи и обѣщалъ, что за все вознаградитъ насъ и впредь будетъ доставлять намъ доброе продовольствіе.

Въ Бѣлградѣ изготовили мы себѣ все что нужно было для сухопутнаго путешествія, и 27 числа, снявши съ кораблей вѣнскія наши повозки съ конями, сѣли въ тѣ повозки и поѣхали сухимъ путемъ отъ Бѣлграда въ Константинополь. По лѣвую сторону на дунайскомъ берегу остался за нами замокъ Смедерево, гдѣ было нѣкогда пребываніе сербскаго деспота, и въ тотъ же

день мы пріѣхали на первый ночлегъ въ Исарлакъ или Малую Полянку *).

28-го числа встрѣтился намъ по дорогѣ новый чиновникъ паши Будинскаго, называемый у турокъ Дефтердаромъ. Должность его состоитъ въ томъ, что онъ держитъ у себя денежную казну своего начальника и выдаетъ по его приказу на нужныя потребности. Ѣхало при немъ нѣсколько турокъ на коняхъ а за нимъ 5 молодцовъ, которые несли его копья и прочее оружіе, потомъ верблюды, нѣсколько муловъ и повозка съ его женами. Къ вечеру пріѣхали въ Великую Полянку, и тамъ первый разъ имѣли ночлегъ въ турецкой гостинницѣ возлѣ своихъ коней, такъ какъ въ простѣйшихъ гостинницахъ нѣтъ иныхъ лучшихъ покоевъ.

Здѣсь, кажется мнѣ, у мѣста сказать о тѣхъ турецкихъ гостинницахъ или караван-сераяхъ, въ которыхъ мы на дорогѣ останавливались: онѣ достойны примѣчанія. Это большое строеніе, больше въ ширину нежели въ длину, и въ серединѣ устроено широкое ровное мѣсто, на которомъ проѣзжіе люди складываютъ свою поклажу и ставятъ верблюдовъ и муловъ своихъ. Вокругъ этого мѣста идетъ пристѣнокъ, вышиной около 3 футовъ, точно лавка приставлена къ стѣнамъ, на которыхъ держится все строеніе. Подѣланы тутъ

*) Здѣсь былъ передовой турецкій постъ въ Сербіи, до взятія Бѣлграда.

отница и печи, на которыхъ проѣзжіе люди готовятъ себѣ кушанье, а отъ верблюдовъ, муловъ и коней ничѣмъ инымъ они не отдѣлены, только этимъ пристѣнкомъ; да и коней своихъ привязываютъ они къ пристѣнку такъ близко, что скотина тутъ же возлѣ нихъ держитъ свою морду, и стоитъ передъ своимъ господиномъ, когда онъ грѣется или ужинаетъ, точно служитель, готовый и на службу, и сама ѣстъ кормъ изъ дорожной посудины, такъ какъ нѣтъ у нихъ тутъ устроенныхъ яслей; такъ близко та скотина стоитъ къ господину своему, что можетъ прямо изъ рукъ у него брать хлѣбъ или яблоко или иную пищу. На томъ пристѣнкѣ проѣзжающіе стелятъ себѣ постель такимъ образомъ: сперва кладутъ коверъ, который берутъ съ собою въ дорогу для этой надобности и привязываютъ на коня; потомъ на коверъ стелятъ свой таламанъ или суню, вмѣсто подушки кладутъ конское сѣдло подъ голову, а длинною подбитою сукней, въ которой обыкновенно ходятъ и ѣздятъ, покрываются на ночь вмѣсто одѣяла. Уложившись такимъ способомъ, спятъ такъ любо, что никакихъ пуховиковъ ненужно. Ничего тутъ не бываетъ тайнаго, все дѣлается въявь, и развѣ кто пользуется ночною тьмою, когда хочетъ укрыться отъ чужихъ очей.

Таковыхъ гостиницъ много въ Турціи, только нашъ панъ посолъ не радъ былъ имѣть въ нихъ ночлегъ, отъ того что куда мы ни пріѣзжали, всѣ бывшіе тутъ турки очи на насъ выпяливали и дивились нашимъ

обычаямъ, да и отъ того еще, что и отъ людей и отъ скотины смрадъ бывалъ немалый. Поэтому вездѣ мы высматривали, нельзя ли устроить пану нашему ночлегъ въ какой нибудь христiанской хижинѣ, но тутъ мѣсто было такъ тѣсно и узко, что часто негдѣ было и маленькую кровать поставить. А когда панъ посолъ гдѣ нибудь устраивался, мы сами располагались на ночь на повозкахъ, подъ повозками и гдѣ только могли, на коврахъ и постилкахъ. Кое-гдѣ ночевали мы въ турецкихъ госпиталяхъ (страннопрiимныхъ домахъ): они изряднаго строенiя, крыты оловомъ и для дорожныхъ людей очень удобны, потому что въ нихъ есть всегда много пустыхъ комнатъ, которыя ни для кого не заказаны, а отворяются равно для всякаго, и для христiанина и для жида и для богатаго и для бѣднаго; тутъ обыкновенно останавливаются въ дорогѣ паши, санджабеги и другiе турецкiе господа; въ такихъ госпиталяхъ мы очень хорошо и покойно проводили ночь и высыпались вдосталь. Въ тѣхъ госпиталяхъ, по заведенному обычаю, турки даютъ и пищу всякому, кто туда прiѣдетъ; когда придетъ время къ ужину, одинъ изъ госпитальныхъ приставниковъ несетъ крынку или большое блюдо, круглое и плоское, только по краямъ приподнято пальца на два; а на блюдѣ стоитъ полная миска вареной каши, ячменной или рисовой, и большой кусокъ баранины; вокругъ миски нѣсколько хлѣбовъ, а иногда еще приносятъ миску меду въ сотахъ. И намъ тоже подавали,

только панъ посолъ не рѣшался кушать, но мы, какъ у всѣхъ въ нашемъ обществѣ были здоровые желудки, не отказывались, и намъ приносили и другую и третью миску. Что приходилось по вкусу, то мы ѣли, а поѣвши давали служителю по нѣскольку асировъ; также давали мы денегъ и всѣмъ нашимъ туркамъ, которые съ нами ѣхали. Проѣзжій человѣкъ можетъ даромъ пользоваться такимъ угощеніемъ три дня, а потомъ долженъ выѣхать до другой гостинницы. Эти госпитали имѣютъ большія угодья и доходы, ибо знатные и набожные паши и знатные господа турецкіе даютъ деньги на такія заведенія, укрѣпляютъ за ними доходы, и покупая имѣнія при своей жизни, отказываютъ имъ по смерти немалыя денежныя суммы.

29-го числа пріѣхали мы въ Будиосинъ; простая деревня и гостинница не очень хорошая. Тутъ встрѣтили мы шестерыхъ христіанъ, взятыхъ турками въ Веспринѣ въ Венгріи: ихъ вели въ городъ Софію на рынокъ для продажи. Вечеромъ панъ посолъ потребовалъ себѣ четырехъ чаусовъ или коммисаровъ и при янычарахъ объявилъ имъ, что ему доставляется негодное продовольствіе, тогда какъ отъ паши Будинскаго дана была Капиджи пашѣ на расходъ не малая сумма денегъ; и что онъ долѣе не хочетъ терпѣть, чтобы люди его морились голодомъ. Затѣмъ велѣлъ принести къ себѣ сундукъ, въ которомъ везены были наличныя деньги для турецкаго цесаря, приказалъ при всѣхъ открыть его и вынувъ одинъ кошелекъ, въ которомъ лежало

около 200 копъ мейсенскихъ; на эти деньги приказалъ купить провизіи и всего нужнаго и сказалъ, что будетъ жаловаться турецкому двору на того Кациджи пашу и деньги будутъ съ него взысканы или съ того, на кого онъ вину сложитъ. И чаусы ничего на это не возразили, только подтвердили, что Кациджи поручено снабжать насъ всѣмъ нужнымъ продовольствіемъ. На этомъ же пути, подалѣе, указывали намъ турки съ высокой горы развалины моста Траяна цесаря римскаго.

30-го числа пріѣхали мы въ Ягодню, большое и красивое село. При самомъ въѣздѣ въ него стоитъ прекрасная турецкая мечеть, крытая оловомъ; есть тутъ и большой караванъ-серай, гдѣ мы поставили своихъ коней, но сами не хотѣли оставаться въ тамошнемъ смрадѣ, а ночевали у крестьянъ. Противъ нашей гостинницы былъ другой турецкій храмъ, а передъ нимъ выложенный бѣлымъ мраморомъ бассейнъ, въ которомъ турки по обычаю своему моются и очищаются, прежде чѣмъ войдутъ въ храмъ: гдѣ бы они ни молились, если не помывшись молятся, то нѣтъ въ молитвѣ ихъ святости. Также и обувь оставляютъ у храма и входятъ въ него босикомъ. Трудно повѣрить, какую чистоту они наблюдаютъ въ тѣхъ храмахъ. Ни паутинъ, ни всякой иной нечистоты они не терпятъ, христіанину не позволяютъ ни за какіе подарки войти въ храмъ, пса, или иную скотину не пускаютъ. Они входятъ въ храмъ, снявъ обувь, съ великимъ смире-

ніемъ и униженіемъ, ложатся распростершись на земь, цѣлуютъ ее и молятся въ такомъ сокрушеніи, какъ бы Бога передъ собой очами видѣли. Никто не двигается и по храму не проходитъ, другъ съ другомъ не разговариваютъ, и ничего не слышно кромѣ молитвеннаго сокрушенія. Во всѣхъ храмахъ полъ покрытъ коврами или рогожами, на которыхъ по обычаю стоятъ голыми ногами или на колѣняхъ, или сидятъ скрестивъ подъ собою ноги. Никакого сморканья и плеванья не слышно: все то они за великій грѣхъ считаютъ. Еслибы кому случилось невольно и забывшись харкнуть или плюнуть на землю и т. п., тотчасъ бѣжитъ вонъ изъ храма и очищаетъ себя омовеніемъ. Коротко сказать: эти поганые своимъ благочестіемъ превосходятъ насъ христіанъ, а мы, имѣя познаніе истиннаго Господа Бога всемогущаго, должны бы во дни и въ нощи восхвалять его святую милость, что пришли къ правому познанію, и больше имѣть усердія во святыхъ молитвахъ.

31-го числа недалеко отъ Ягодни переправились мы черезъ рѣку Мораву, а та рѣка отдѣляетъ Сербію отъ Болгаріи.—Прекрасная тутъ сторона, только запустѣла, потому что турки мало воздѣлываютъ землю, а больше разоряютъ и запускаютъ, и одни только обыватели изъ христіанъ занимаются полевыми работами. Коней своихъ и повозки перевезли мы черезъ рѣку на лодкахъ, и пріѣхали на ночь въ село Резонъ, бѣдное и разоренное: въ немъ не нашлось устроенной гостин-

ницы, и мы должны были проводить ночь, иные въ хижинахъ, а иные подъ повозками и подъ открытымъ небомъ.

1-го числа ноября мѣсяца пріѣхали мы къ рѣчкѣ Ниссѣ; она оставалась у насъ по правую руку, пока мы доѣхали до города. Здѣсь считается пол-пути отъ Вѣны до Константинополя. Пріѣхавши въ гостинницу, выпрягли коней и повели купать ихъ въ рѣчку, которая въ этомъ мѣстѣ течетъ и шириной будетъ шаговъ на 50; въѣхали въ нее безъ опасенія, какъ вдругъ служитель пана Гофмана нечаянно попалъ въ глубину, коня у него сбило и онъ сталъ звать на помощь; одинъ изъ повозчиковъ протянулъ ему шестъ, но онъ такъ крѣпко ухватился за тотъ шестъ, что и самъ сбился съ коня и повозчика сшибъ; кони выплыли, но людямъ невозможно было помочь, и оба утонули, Панъ посолъ велѣлъ потомъ отыскать тѣла, вытащить изъ воды и похоронить. На берегу той рѣчки видѣли мы въ одномъ мѣстѣ, гдѣ часто находятъ римскія древности, мраморный столбъ и на немъ надпись латинскими буквами, только буквы обились и мы не могли разобрать ее. Нисса городъ не послѣдній и довольно многолюденъ; тутъ мы ночевали.

3-го числа пріѣхали въ мѣстечко Куричесме; нѣтъ въ немъ хорошей гостинницы. По лѣвую руку течетъ рѣчка Жукова.

4-го числа выѣхали рано и подъ вечеръ видѣли мѣстечко Пиротъ, но нигдѣ не останавливаясь, обѣдали

въ повозкахъ, что у кого было. У того мѣстечка на горѣ разоренный замокъ, однѣ только стѣны держатся. На ночь пріѣхали въ Камбродъ, большое село, также безъ гостинницы.

5-го числа ночевали въ селѣ Бобицѣ, а на другой день пріѣхали въ городъ Софію. Большой городъ и многолюдный; въ немъ живетъ Беглербегъ земли греческой. Прежде принадлежалъ онъ королямъ венгерскимъ, потомъ деспотамъ или князьямъ, пока родъ ихъ въ турецкую войну не прекратился. Беглербегъ поручилъ своему чаусу принять насъ. Рано поутру прислалъ онъ нѣсколько прекрасныхъ коней къ нашей гостинницѣ; на нихъ сѣли главныя особы нашего посольства, а панъ посолъ сѣлъ на превосходнаго, собственнаго коня Беглербегова: сѣдло на этомъ конѣ, уздечка и вся сбруя украшены были драгоцѣнными каменьями, цѣной на много тысячъ. На тѣхъ коняхъ турецкихъ ѣхали мы тѣмъ же порядкомъ какъ въ Будинѣ; у дома Беглербегова стояли длинными рядами янычары, числомъ до ста, а по другую сторону спаги, до самыхъ покоевъ. Большая палата была вся убрана сверху до низу прекрасными персидскими коврами, порединѣ сидѣлъ на стулѣ Беглербегъ, а противъ него сѣлъ тоже на стулѣ панъ посолъ. За Беглербегомъ стояло двое мальчиковъ, похожіе на красивыхъ дѣвочекъ, въ златотканыхъ сукняхъ съ широкими рукавами, которые ушиты драгоцѣнными камнями. У самого Беглербега былъ на

головѣ большой тюрбанъ со страусовымъ перомъ; видъ онъ имѣлъ важный, сановитый, лицо веселое и пріятный взглядъ: такого ласковаго на видъ турка мы еще не видѣли; онъ весьма знатная особа, и женится, какъ сказывали намъ турки, на дочери турецкаго цесаря. Когда панъ посолъ подалъ ему грамату, онъ принялъ ее съ великой учтивостью, весело разговаривалъ съ посломъ, и по всему видно было, что онъ человѣкъ придворный. Затѣмъ панъ посолъ передалъ ему дары отъ его цесарскаго величества — два кубка серебряныхъ съ позолотой, и большіе серебряные съ позолотой боевые часы въ видѣ турецкой чалмы, и на нихъ еще стоялъ конь, поворачивая глазами во всѣ стороны, а когда били часы, тотъ конь ударялъ копытомъ и разѣвалъ морду, а подъ конемъ двигались змѣи и ящерицы позолоченыя.

Когда мы вернулись въ гостинницу, прислалъ къ намъ Беглербегъ спросить пана посла, не привезъ ли онъ ему по прежнему обычаю двѣ тысячи двойныхъ талеровъ, и неужели-де онъ Беглербегъ хуже чѣмъ были его предмѣстники? Но панъ посолъ велѣлъ извиниться, что на сей разъ нѣтъ для него готовыхъ денегъ, есть только для султана, но что послѣ будетъ онъ за то вознагражденъ. Беглербегъ по той причинѣ былъ такъ лакомъ до денегъ, что недавно еще получилъ свою должность, и долженъ былъ немалыя деньги уплатить за нее; ибо у туровъ за деньги все достать можно. Въ этомъ городѣ была у насъ превосходная

природы красивыхъ и воздѣланныхъ, и живучи здѣсь, довольно долго оставались неподвластны греческому цесарю. Въ одномъ сраженіи разбили они Балдуина, старшаго графа Фландрскаго, который завоевалъ Константинопольское царство, а однако не могли одолѣть турецкой силы, побѣждены и должны были бѣдственно покориться турецкому игу, которое тяжело несутъ и донынѣ. Языка они славянскаго, такъ что мы чехи съ ними разговаривать можемъ.

9-го числа ѣхали мы все горами, а въ полдень настигъ насъ чаусъ отъ Беглербега и привезъ съ собой тѣ часы что ему подарены были: Турки, не умѣя съ ними обращаться, перетянули заводъ и испортили пружину, такъ что нашъ часовой мастеръ долженъ былъ чинить ее на ночлегѣ. Прежде чѣмъ выбрались на равнину около Филиппополя, должны были ѣхать по узкой дорожкѣ на прекрутомъ верху, и тутъ посреди дороги стоитъ стѣна съ воротами, Дервентъ Капи, что значитъ ворота тѣснаго пути. Въ этихъ мѣстахъ жилъ послѣдній деспотъ или князь болгарскій Марекъ Карловичъ (Марко Кралевичъ); только все это мѣсто совсѣмъ запустѣло, и въ развалинахъ, такъ что нигдѣ нѣтъ пріюта. Ночевали мы въ селѣ Яникѣ, безъ гостинницы.

10-го числа увидѣли рѣку Гебрусъ, недалеко отсюда вытекающую изъ горы Родопской, и прекрасный каменный мостъ черезъ ту рѣку, которую турки называютъ Марицею. Къ вечеру пріѣхали въ городъ Фи-

липпополь. Городъ стоитъ на одномъ изъ трехъ холмовъ, которые отдѣляются, точно отрѣзанные, отъ прочихъ горъ, и поставленъ точно корона, на верху, такъ что видъ на него чудесный. На предмѣстьи есть другой деревянный мостъ черезъ рѣку Гебрусъ, которая течетъ у самаго города; тутъ близко нашли мы и гостинницу и пробыли въ томъ мѣстѣ другой день.

12-го числа, выѣхавши изъ Филиппополя, видѣли мы пшеницу на мокрыхъ мѣстахъ около рѣки. На равнинѣ видно множество кургановъ или холмовъ, похожихъ на могилы, и турки сказывали, что это могилы насыпанныя на память о битвахъ, которыя происходили на этихъ поляхъ, и подъ ними лежатъ люди, убитые въ сраженіяхъ. Въ тотъ день ѣхали мы черезъ прекрасный мостъ, сложенный изъ четвероугранныхъ камней, черезъ рѣку Гемусъ, а потомъ ѣхали по пріятному прекрасному лѣсу, и оставивъ рѣку влѣво отъ себя, ночевали въ деревнѣ Папасли, гдѣ нѣтъ хорошей гостинницы. Въ этой деревнѣ встрѣтилъ насъ чаусъ изъ Константинополя и привезъ пану послу письмо отъ господина Печа, который уже нѣсколько лѣтъ сряду жилъ тамъ резидентомъ (повѣреннымъ въ дѣлахъ) отъ цесаря, и ждалъ съ нетерпѣніемъ когда пріѣдетъ панъ посолъ замѣстить его, а онъ можетъ вернуться домой.

13-го числа пріѣхали въ деревню Усумъ Савасъ: тутъ выстроена изрядная гостинница съ хорошими комнатами, и мы здѣсь ночевали. На другой день

пріѣхали въ прекрасную деревню Гармондилъ, гдѣ длинный мостъ на 160 шаговъ, и ночевали въ хорошей, оловомъ крытой гостинницѣ.

15-го числа путь нашъ лежалъ вдоль по рѣкѣ Гебрусу: она была у насъ по правую руку, а по лѣвую горы Гами, которыя тянутся до самаго моря (Понта); ѣхали черезъ славный каменный мостъ, называемый мостомъ Мустафы паши; построенъ на 22 сводахъ, кладеныхъ, а длиною будетъ шаговъ 404. Ночевали въ деревнѣ Симпрѣ: тутъ гостинница хорошая и храмъ турецкій.

16-го числа пріѣхали въ городъ Адріанополь, по турецки Эндрене. Городъ основанъ императоромъ Адріаномъ, и по его имени называется, а до него назывался Ореса. Лежитъ онъ въ томъ мѣстѣ гдѣ Гебрусъ сливается съ притоками своими Туніей и Гардой, и течетъ оттуда въ Эгейское море, которымъ Азія отдѣляется отъ Европы. Городъ самъ по себѣ, въ стѣнахъ, не очень великъ, и предмѣстье у него не пространное, а выросъ онъ изъ запустѣлости въ нынѣшній знатный видъ—тѣми домами, которые турки настроили. Черезъ рѣку построенъ предлинный каменный мостъ. Гостинница у насъ была не очень хорошая, но другихъ зданій хорошихъ много, потому что послѣ Константинополя это первый городъ въ томъ краю.

17-го ноября отдыхали мы въ Адріанополѣ и осматривали городъ, но нечего тамъ смотрѣть, только го-

стинницы да два прекрасные камонные храма: внутри круглые, и въ нихъ три ряда галлерей, съ превеликими столпами изъ бѣлаго и краснаго мрамора. Вокругъ галлереи идетъ желѣзный обручъ, и на немъ повѣшено 336 прекрасныхъ стеклянныхъ лампадъ; а выше надъ ними другой обручъ и на немъ повѣшены прекрасные хрустальные шары. Еще выше опять вторая галлерея и вокругъ нея такой же обручъ съ лампадами, а надъ ними опять на обручѣ хрустальные шары. На третьей, самой верхней галлереѣ, тоже на желѣзномъ обручѣ лампады, а посрединѣ на самомъ верху виситъ большой позолоченный шаръ. И всѣ тѣ галлереи украшены пречудесными мраморными столпами; а въ нижней галлереѣ мѣсто устроено точно выступомъ, гдѣ садится цесарь турецкій. Сказывали намъ турки, что тѣ лампады горятъ денно и нощно, всего ихъ будетъ съ 2000, и выходитъ на нихъ масла деревяннаго 60 фунтовъ въ сутки. Посреди церкви устроены два малые бассейна изъ бѣлаго мрамора, и вода проведена туда трубами, а возлѣ сдѣлана изъ бѣлаго мрамора каѳедра, входъ на нее по 25 ступенямъ, только на нее никто не входитъ кромѣ самаго у нихъ верховнаго священника, когда онъ читаетъ и объясняетъ алкоранъ. Этотъ новый храмъ велѣлъ султанъ Селимъ построить съ такимъ великолѣпіемъ въ ту пору, когда завоевалъ онъ королевство Кипрское, и опредѣлилъ на ту церковь большую сумму изъ доходовъ съ того королевства: каждый годъ деньги эти и

присылаются въ Адріанополь. Около храма 4 превысокія и тонкія башни, и въ нихъ, также какъ въ храмѣ, галлереи въ три ряда, одна выше другой; отсюда священники сзываютъ народъ на молитву, и когда приходитъ великій ихъ праздникъ, называемый Байрамъ, всѣ эти башни освѣщаются ночью лампадами. Съ этихъ башенъ смотрѣли мы видъ на весь городъ. Въ городѣ, на томъ берегу рѣки есть дворецъ цесаря турецкаго, гдѣ имѣлъ пребываніе султанъ Селимъ, только туда не хотѣли пустить насъ.

18-го числа выѣхали изъ Адріанополя и ночевали въ мѣстечкѣ Гапсалѣ; тутъ красивая мечеть, гостинница и страннопріимный домъ, который выстроилъ Магометъ паша и приписалъ къ нему большіе доходы. Въ этомъ домѣ каждому, какъ выше сказано, дается, до третьяго дня, миска рису или крупъ, съ кускомъ баранины.

19-го числа проѣзжали мы мѣстечко Эски Баба, съ красивою мечетью и гостинницей, которую устроилъ Али паша: въ той гостинницѣ стоялъ Бегъ изъ земли молдавской, который прежде былъ тамъ воеводою. Отъ другаго молдавскаго воеводы былъ на него сдѣланъ доносъ турецкому цесарю, будто онъ замышляетъ поднять мятежъ и отвести народъ отъ подданства; султанъ послалъ за нимъ и хотѣлъ его казнить; а онъ, видя что спасенья нѣтъ, чтобы избыть смерти, потурчился и захотѣлъ принять магометанскую вѣру, только бы ему удержать власть въ землѣ молдавской. Этотъ

потурченный воевода съ нѣсколькими тысячами турокъ разбилъ свой станъ въ этомъ мѣстечкѣ и въ окрестностяхъ, гдѣ мы хотѣли было ночевать. А тотъ воевода, который на него доносилъ султану, услышавъ что онъ опять возвращается на мѣсто, бѣжалъ со всѣмъ своимъ имуществомъ въ христіанскія земли. И такъ не могли мы въ томъ мѣстечкѣ остаться на ночь, а доѣхали до деревни Булгагіумъ и тамъ ночевали: тутъ живутъ все греки.

20-го числа проѣхали мѣстечко Бургасъ; оно лежитъ въ низинѣ; при въѣздѣ въ него каменный мостъ, 130 шаговъ длиною. Повсюду за Адріанополемъ, гдѣ мы ни ѣхали, видѣли множество цвѣтовъ, чему не мало дивились, потому что въ ту пору былъ уже мѣсяцъ листопадъ (ноябрь). Въ греческой землѣ такое множество цвѣтущихъ нарциссовъ и гіацинтовъ и такой отъ нихъ сильный запахъ, что у непривычнаго человѣка можетъ заболѣть голова отъ того запаху. Тюльпанъ турецкій хотя и не имѣетъ сильнаго запаху, но многіе разводятъ его за красоту и разнообразіе красокъ. Турки очень любятъ цвѣты, и хоть они вообще скупы на всякую трату, не жалѣютъ употребить нѣсколько аспровъ или крейцеровъ на хорошіе цвѣты. Пану послу и намъ тѣ цвѣты не мало денегъ стоили: всякій разъ когда янычары или другіе турки приносили намъ цвѣты въ даръ, надобно было за то давать имъ по нѣскольку аспровъ, чтобы показать, что мы цѣнимъ ихъ подарокъ.

И въ правду, кто хочетъ у турокъ жить, тотъ не иначе можетъ держаться какъ деньгами, и кто къ нимъ въ домъ входитъ, тому тотчасъ приходится развязывать кошель и не прежде завязывать его, пока совсѣмъ оттуда выйдетъ; кто хочетъ что разузнать или видѣть, тому не надобно жалѣть денегъ, а за деньги долженъ добывать себѣ пріемъ и любезность и все чего только желаетъ. И что бы ни предприни мали, все у нихъ отсюда происходитъ, и кромѣ денегъ, нѣтъ ни тамошнимъ жителямъ ни чужимъ народамъ инаго средства укротить или убѣдить турокъ. Деньги дѣйствуютъ на турокъ, точно какой волшебный заговоръ, иначе невозможно имѣть съ ними обхожденія или чего нибудь отъ нихъ добиться. Безъ денегъ чужеплеменные люди и не могли бы жить между ними или пріѣзжать въ тѣ края, и нѣтъ у нихъ ни стыда ни конца и мѣры принимать подарки и деньги. Паши и другіе начальные люди, когда имъ волей не даютъ подарковъ, не боятся сами черезъ посыльныхъ своихъ требовать себѣ подарковъ, а не рѣдко и прямо берутъ взятки изъ рукъ въ руки. Такъ однажды въ Константинополѣ, когда панъ посолъ хотѣлъ имѣть свиданіе и переговоръ съ Синанъ пашою, мы ждали не малое время передъ его пріемною комнатой и стояли вмѣстѣ съ турками: въ ту пору подошелъ къ той же пріемной одинъ пастухъ крестьянинъ, изъ потурченныхъ полоняниковъ, съ жирнымъ бараномъ на плечахъ, и сталъ передъ самыми дверьми, чтобы его видно было какъ

станутъ отворять двери, и все торчалъ на одномъ мѣстѣ, пока наконецъ паша его увидѣлъ, тотчасъ приказалъ пустить его къ себѣ, и тутъ же принялъ отъ него барана: такъ то вышло, что пастухъ получилъ у него аудіенцію прежде нежели посолъ цесарскій. Коли правду сказать, и не дошелъ бы панъ посолъ до такой бѣды, когда бы не слишкомъ скупился и щедро давалъ бы деньги, видя что у турокъ всякая любезность за взятки покупается; отъ того-то и мы несчастные натерпѣлись такихъ бѣдъ, о чемъ будетъ разсказано на своемъ мѣстѣ.

Въ тотъ же день доѣхали мы до Каристра: то простая деревня безъ гостинницы. Отсюда панъ посолъ отправилъ ѣздоваго въ Константинополь повѣстить о своемъ пріѣздѣ Печу, тамошнему повѣренному въ дѣлахъ отъ цесаря. 21-го числа пріѣхали мы въ мѣстечко Чурли или Корли: кстати припомнить, что въ этомъ мѣстѣ происходила у султана Селима несчастная битва съ отцомъ своимъ пашою; онъ успѣлъ укрыться съ поля сраженія только съ помощью коня своего каравулика, что значитъ черный волкъ, и убѣжалъ къ перекопскимъ татарамъ, гдѣ правилъ тесть его. Черезъ нѣсколько лѣтъ однако Селимъ досталъ себѣ царство съ помощью великихъ даровъ и подкуповъ, свергъ отца своего и въ этомъ же мѣстечкѣ велѣлъ отравить его, какъ пространно повѣствуется въ турецкихъ лѣтописяхъ. Ночевали мы въ этомъ мѣстечкѣ и тутъ въ первый разъ увидѣли море, которое было все вправо отъ насъ во время пути.

22-го числа, не доѣзжая мѣстечка Селебріи, видѣли мы въ развалинахъ остатки стараго вала, который по повелѣнію послѣднихъ царей греческихъ возведенъ былъ отъ того мѣста до самаго Дуная, для того чтобы весь край тотъ огражденъ былъ, и жители константинопольскіе были въ безопасности отъ вторженія чужеземцевъ и варварскихъ народовъ. Въ Селебріи приводилъ насъ въ восхищеніе пріятный и великолѣпный видъ на тихое море; и я, съ другими еще изъ нашей компаніи, никакъ не могъ удержаться, чтобы не побѣжать къ самому морю безъ позволенія и безъ вѣдома пана посла и гофмейстера: такъ хотѣлось поглядѣть въ волю на море, котораго я до тѣхъ поръ еще не видывалъ. Прибѣжавши на берегъ морской, дивились мы много на дельфиновъ и иныхъ рыбъ, какъ онѣ плавали и играли въ водѣ, и сбирали красивыя раковины и камушки, такъ что совсѣмъ забыли дорогу, какъ вернуться назадъ въ мѣстечко. Между тѣмъ турки изъ мѣстечка увидѣли на морѣ чайку или корабль морскихъ разбойниковъ, какъ онъ плылъ прямо къ берегу съ распущенными парусами; чаусы указывали на тотъ корабль пану послу и предупреждали съ опасеніемъ, чтобы не позволялъ своимъ людямъ отходить далеко, такъ такъ морскіе разбойники по ночамъ пристаютъ къ берегу и высматриваютъ, нельзя ли кого похитить и увезти съ собою. Какъ скоро объявлено было это запрещеніе, открылся проступокъ мой и моихъ товарищей; тутъ, узнавши что

мы ушли къ морю, чаусы и янычары тотчасъ сѣли на коней, и съ крикомъ поскакали къ морю, а мы въ то время дивились на корабль, который приближался уже къ берегу и былъ недалеко:—наскакавъ на насъ они ухватили насъ и погнали въ мѣстечко. Съ корабля злодѣи пустили на берегъ три выстрѣла, а одинъ изъ янычаръ выстрѣлилъ по нимъ изъ ружья. Привели насъ къ пану послу, и нѣкоторые, старшіе, были наказаны, а меня назначено наказать курбачемъ, такъ какъ въ томъ мѣстѣ не растетъ лоза и неоткуда взять розги. Прежде всего панъ посолъ строго мнѣ вытоваривалъ, напоминая, что родные мои поручили меня ему, съ тѣмъ, чтобы я во всемъ былъ ему вѣренъ и послушенъ, такъ чтобы онъ никогда не имѣлъ повода и бранить меня, не то что наказать. И готовъ бы я былъ все исполнять по мысли его, по крайнему своему разумѣнію, и день и ночь передъ всѣми другими старался бы ему служить и угождать во всемъ. Впрочемъ, былъ онъ очень добръ и ласковъ со мною; а я, чувствуя грубую вину свою, могъ только передъ нимъ каяться и увѣрять, что до смерти своей не хочу и не стану ничего подобнаго дѣлать безъ воли его и вѣдома. Просили за меня и турки, приписывая вину мою молодости и неразумію, такъ что я освобожденъ былъ отъ наказанія, только вычитана была вся вина моя строго. Такъ то мое легкомысліе и нетерпѣливость моя, непремѣнно посмотрѣть море—едва не привели меня къ бѣдѣ: взяли бы меня тѣ злодѣи морскіе

и продали бы Богъ знаетъ куда, если бы во время не свѣдали люди и не пришли бы на помощь.

Ночевали мы въ томъ же мѣстѣ, а 23-го числа пріѣхалъ ѣздовой отъ господина Печа. На ночлегъ пріѣхали въ городъ Понте Грандо: тутъ, черезъ рукавъ морской есть длинный каменный мостъ, всего будетъ длиной въ 787 шаговъ, на 28-ми каменныхъ сводахъ. 24-го пріѣхали въ мѣстечко Понте Пиколо, что значитъ малый мостъ, такъ какъ здѣсь проѣзжать надобно по небольшому мосту. Тутъ два залива морскихъ чудеснаго вида, и, кажется, лучше этого мѣста не сыскать бы въ подсолнечной, когда бы оно воздѣлано было трудомъ человѣческимъ и природнымъ искуствомъ тамошняго народа. Но нынѣ лежитъ оно пусто, точно сирота оставленная плачется на свою горькую долю въ рабствѣ у варвара господина: люди на ней злые враги, и ненавидитъ ихъ она и до конца съ ними не смирится. Видѣли мы какъ тутъ ловятъ рыбу въ морѣ большими сѣтями. Поймали при насъ великое множество преотличной рыбы и продали намъ больше чѣмъ было нужно. Въ это мѣстечко прислалъ господинъ Печъ своего гофмейстера встрѣтить насъ и приготовить намъ какъ можно лучше угощеніе.

25-го числа въ три часа мы выѣхали, а около 9 часовъ завидѣли константинопольскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, доктора Печа, съ нимъ было много турокъ и людей его свиты на коняхъ; намъ на встрѣчу послано было около 40 конныхъ чаусовъ или дворянъ турец-

каго цесаря, а по встрѣчѣ, ѣхали они впереди насъ до Константинополя. Увидавъ другъ друга, господа посланники сошли съ коней и обнялись съ великою радостью, какъ будто старинные друзья; и подлинно, господинъ Печъ былъ очень веселъ: онъ предвидѣлъ, что у турокъ готовится что-то неладное, и радовался, что вскорѣ можетъ возвратиться отсюда въ христіанскую сторону.

На томъ пути выбыло у насъ двое людей изъ свиты, писарь кухонный, да венгерскій портной: они захотѣли впередъ насъ пріѣхать въ Константинополь и сошли съ дороги, но захвачены были турками, которые, связавъ ихъ, доставили въ султанскій загородный домъ, а сами поѣхали въ Константинополь спросить потихоньку у Бостанджи паши, что дѣлать съ захваченными людьми. А между-тѣмъ, венгерскому портному удалось развязаться и развязать своего товарища: такъ, освободившись отъ узъ, они скрылись и на третій ужь день явились къ намъ въ Константинополь; сколько ни было у нихъ денегъ, не меньше какъ по 30 дукатовъ у каждаго, все отобрали турки, и когда бы не удалось имъ развязать себя, навѣрное турки завезли бы ихъ куда нибудь за море и продали бы въ неволю.

Въ тотъ день долго ѣхали мы черезъ городъ Константинополь до назначенной гостинницы: это было четвероугольное зданіе изъ тесанаго камня, крытое оловомъ. Когда въѣдешь въ нее черезъ большія во-

рота, прямо будетъ чистый, просторный дворъ, и по обѣ стороны воротъ каменныя ступени лѣстницей ведутъ въ верхнюю каменную галлерею, а внизу кухня, винный погребъ и конюшня на 200 лошадей. Вверху на галлереи кругомъ устроены и отдѣланы хорошо свѣтлицы, съ печами; панъ посолъ помѣстился окнами на улицу, а мы размѣстились въ маленькихъ комнатахъ, по три и по четыре вмѣстѣ, кому съ кѣмъ хотѣлось и было удобнѣе. Кто поѣдетъ ко двору султана, долженъ ѣхать мимо той гостинницы: она находится на главной улицѣ и стоитъ на такомъ выгодномъ мѣстѣ, что отъ нея широкій видъ во всѣ стороны,

Что касается до мѣстоположенія города, мнѣ кажется, онъ самою природою предназначенъ къ тому. чтобы въ немъ быть царскому престолу; лежитъ онъ въ Европѣ, но въ виду у него и Азія и Египетъ, по правую руку Африка, и хотя она не примыкаетъ къ Константинополю, но сообщается съ нимъ моремъ, по которому удобно доплыть до нея. По лѣвую сторону Понтъ Эвксинскій съ озеромъ Меотійскимъ (Азовскимъ), которое турки иначе именуютъ Карантегизе, то есть Черное море. У тѣхъ водъ по берегамъ живутъ многочисленные народы, и въ нихъ изливается со всѣхъ сторонъ множество рѣкъ, и все, что та земля ни родитъ людямъ на житейскую потребу, все можетъ быть съ удобствомъ доставляемо на судахъ въ Константинополь. Съ одной стороны городъ достигаетъ до Пропонтиды или до моря св. Георгія; съ другой стороны

пристань судамъ и рѣка, которую Страбонъ называетъ по подобію Золотымъ Рогомъ; съ третьей стороны къ твердой землѣ городъ стоитъ какъ будто на полуостровѣ, и цѣлый хребетъ предгорія уступами спускается къ морю или къ заливу.

Изъ самой средины Константинополя пріятный видъ на море и на гору Олимпъ, которая лежитъ въ Азіи и вся бѣлѣется отъ снѣгу. Въ морѣ великое множество рыбъ, которыя плывутъ изъ Меотійскаго озера или Чернаго моря, черезъ Босфорскій проливъ въ Эгейское и въ Средиземное море, а отсюда опять въ Черное море; такой здѣсь родъ рыбъ и въ такомъ множествѣ идетъ она, что въ самую мелкую сѣть, куда бы ее ни закинули, можно наловить ее въ изобиліи. Оттого здѣсь ловится и продается много всякаго рода рыбъ, какъ-то: мегалеріи, линей, угрей, скумбріи, сардинъ и другихъ безъ числа. Рыбаки обыкновенно бываютъ изъ грековъ, и умѣютъ хорошо приготовлять рыбу (въ прокъ); турки употребляютъ рыбу хорошо приготовленную, только ту, которую почитаютъ чистой; впрочемъ, не каждый природный турокъ, кромѣ ренегатовъ или потурченныхъ христіанъ, любитъ рыбу. А лягушекъ, черепахъ, раковъ, устрицъ и тому подобныхъ природный турокъ не только ѣсть, но и трогать не станетъ. И въ алкоранѣ туркамъ заповѣдано не касаться нечистыхъ рыбъ и не пить вина, и никто изъ природныхъ турокъ, какого бы онъ ни былъ званія, ни за что не станетъ пить вино, только пьютъ

ренегаты или потурченные: такіе, когда прихаживали къ намъ, цѣлую ночь пили, уходя домой передъ разсвѣтомъ, и всячески потомъ упрашивали насъ, чтобы мы никому про то не сказывали. Распутная молодежь и солдаты—тѣ не слушаютъ порядковъ, когда зайдутъ въ христіанскія гостинницы, наѣдятся въ волю, а платить не хотятъ, и хозяинъ не смѣетъ ничего сказать имъ, если не хочетъ быть битъ. А когда напьются, не попадайся имъ христіанинъ либо жидъ: если нѣтъ при немъ янычара, бросаются на него и бьютъ, рѣжутъ и сѣкутъ саблей. А если провѣдаютъ про то, бываетъ имъ наказаніе палками за то, что смѣли вино пить.

Возвращаюсь къ нашему дому. Панъ посолъ хотѣлъ имѣть пріемъ и аудіенцію у Ферхата паши верховнаго: былъ онъ родомъ албанецъ, огромнаго роста, лицомъ черенъ, зубатый и сердитъ видомъ. Надо было передать дары отъ его милости цесарской, и такъ оба посла, новый и прежній, и мы съ ними, поѣхали къ Ферхату тѣмъ-же порядкомъ, какъ было въ Будинѣ и въ Софіи. Мы цѣловали руку у него и у всѣхъ другихъ пашей при томъ бывшихъ; затѣмъ нашъ посолъ подалъ ему цесарскую грамату, которую онъ учтиво принялъ, а еще того учтивѣе принялъ дары: три тысячи двойныхъ талеровъ, два умывальника серебряные позолоченые, съ лоханями, два большіе ковша позолоченные, еще двѣ большія чаши такія-же, два большіе жбана серебряные съ позолотой, двѣ большія

фляги серебряныя позолоченыя; большіе часы въ видѣ коня позолоченаго, на конѣ сидитъ турокъ въ тюрбанѣ; четвероугольные часы съ боемъ, на нихъ два мужа стоятъ и кланяются, и ротъ открываютъ во время боя; шестигранный шаръ съ бужиканомъ или турецкою палицей, въ немъ тоже часы съ позолотой, и проч. Отъ того Ферхата поѣхали мы еще къ визирю Магомету, бывшему начальнику двора у прежнихъ султановъ, и, поцѣловавъ у него руку, поднесли ему дары отъ его цесарской милости—умывальникъ серебряный позолоченый съ лоханью, два большіе ковша серебряные съ позолотой, большіе часы въ видѣ морскаго коня, украшеннаго разнаго вида раковинами. Онъ былъ венгерецъ родомъ, потурченный, и, отправивши у него все, что слѣдовало, вернулись мы къ себѣ въ гостинницу.

На другой день ѣздили мы еще кътремъ пашамъ: одинъ былъ чаусъ, родомъ хорватъ и женатъ на дочери турецкаго султана, другой Ибрагимъ паша, тоже хорватъ родомъ, третій Чикулъ паша, родомъ волохъ изъ Мессины, и въ то время занималъ должность капитана или верховнаго гетмана надъ морскими силами. Поцѣловавъ у нихъ руку, подали мы каждому по тысячѣ талеровъ, серебряную позолоченую лохань съ умывальникомъ, серебряную позолоченую чашу въ видѣ мѣсяца, два большіе ковша съ двойною позолотой, и часы въ видѣ эѳіопа, ведущаго на привязи

англійскаго пса, и еще другіе часы: на тѣхъ турокъ сидитъ на конѣ и за нимъ еще турокъ льва убиваетъ: всѣ тѣ фигуры двигались, конь билъ ногою и каждую минуту ворочалъ глазами. А другимъ начальникамъ гофмейстеръ и драгоманъ или толмачъ пословъ свезли дары попроще.

КНИГА ВТОРАЯ.

Пребыванiе цесарскаго посольства въ Константинополѣ.

Эти трое пашей и множество другихъ, равно какъ и иные турецкiе начальники, всѣ изъ христiянъ взятыхъ въ дѣтствѣ или уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и потурченныхъ; однако, хотя они и изъ христiанскаго рода, и многiе довольно долго жили въ христiанской вѣрѣ, христiяне не видятъ отъ нихъ расположенiя и покровительства, и есть чему подивиться, что они достигаютъ такого высокаго званiя; во всей имперiи турецкаго султана, и во всѣхъ какiя ни есть подъ нимъ королевствахъ и княжествахъ они управляютъ и все держатъ своимъ искуствомъ и разумомъ, потому что на нихъ возложено все управленiе въ землѣ турецкаго султана. И покуда кто изъ нихъ живъ, дотолѣ и въ славѣ, а когда умретъ, все что есть у него, хотя бы на миллiоны, отбирается въ султанскую казну: — „ты былъ моимъ рабомъ, — такъ говоритъ ему султанъ, — черезъ меня разбогатѣлъ, а по смерти твоей все что у тебя есть, должно ко мнѣ возвратиться". Дѣти не получаютъ въ наслѣдство никакого имѣнiя, — развѣ отецъ передастъ имъ при жизни наличныя

деньги, или устроить на какую должность, или выпросить имъ отъ султана какой нибудь тимаръ то есть помѣстье, либо доходное мѣсто. Но не слыхалъ я ни про одного пашу, и не видывалъ ни въ Константинополѣ, ни во всей турецкой землѣ ни одного паши, кто бы былъ изъ природныхъ турокъ, а всѣ они взяты отъ христіанскихъ родителей въ юныхъ годахъ, либо сами по своей волѣ потурчены.

О Чикулѣ пашѣ разсказывали намъ, что онъ, будучи 12 лѣтъ отъ роду, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ захваченъ былъ на одномъ кораблѣ, и турки обѣщали ему, что если онъ потурчится, то пустятъ отца на свободу: онъ такъ и сдѣлалъ, хотя помочь отцу. Тогда турки пустили отца, но онъ, вернувшись домой съ позоромъ, на третій день умеръ, а потурченный сынъ, испробовавъ воли турецкой и роскоши, не захотѣлъ уже христіянства, сталъ возвышаться, сдѣланъ пашей и начальникомъ флота, и теперь великій врагъ христіанамъ; это показалъ онъ въ битвѣ у Ягера (Эрлау) въ Венгріи въ 1596 году, когда наши солдаты ворвались въ турецкій лагерь, и тутъ онъ со своими пятнадцатью ренегатами на нашихъ ударилъ, принудилъ бѣжать, и былъ причиной погибели многихъ нашихъ чеховъ и доблестныхъ мужей.

Синанъ паша, который въ ту пору былъ мазулъ, то есть въ немилости, лишенъ всѣхъ своихъ должностей и жилъ не у дѣлъ въ своемъ помѣстьи, и который потомъ былъ причиною нашего тюремнаго заключе-

нія,—и Ферхатъ паша, у котораго мы имѣли первую по пріѣздѣ аудіенцію, были оба родомъ изъ Албаніи, двоюродные братья, и пасли свиней. Они были взяты вмѣстѣ съ другими дѣтьми и отданы въ султанскій сераль или дворецъ, главному повару, для обученія поваренному искусству. Но на Синанѣ пашѣ скоро обозначилось, что ему готовится другая судьба: однажды, высмотря часъ когда султанъ Селимъ долженъ былъ выѣхать на прогулку, и научившись говорить по турецки, палъ онъ на землю передъ султаномъ и сталъ униженно просить его, чтобы велѣлъ взять его съ братомъ съ кухни и обучить чтенію и письму. Султанъ поглядѣлъ на него, мальчикъ ему понравился, и онъ велѣлъ исполнить его просьбу. Когда взяли ихъ обоихъ съ кухни, вскорѣ научились они читать и писать по турецки съ такимъ успѣхомъ, что Синанъ сталъ отличаться отъ всѣхъ прочихъ ребятъ искуствомъ, силою и пріятностью рѣчи. Услышавъ о томъ, султанъ велѣлъ обучать его верховой ѣздѣ, бѣганью, паленью и стрѣлянью изъ лука, и въ этомъ онъ показалъ такое отличное искусство передъ самимъ султаномъ, что удивилъ его и всѣхъ его придворныхъ; тогда сдѣлали его *итчогданомъ*, то есть придворнымъ пажомъ. Придя затѣмъ въ совершенный возрастъ, добился онъ того, чтобы послали его на войну съ однимъ пашою, и тутъ показалъ такую храбрость, что передо всѣми отличился. За это сдѣлали его агою или гетманомъ, и тутъ онъ такъ показалъ себя, что много разъ приписывали

ему побѣду: такъ на островѣ Кипрѣ у Фамагусты онъ нанесъ много бѣдъ христіанамъ. Потомъ былъ беглербегомъ, опять пашою, напослѣдокъ верховнымъ визиремъ. Онъ былъ при осадѣ Мальты, воевалъ противъ персіянъ, нѣсколько лѣтъ оставался въ милости, но за нѣсколько недѣль до нашего пріѣзда въ Константинополь, не знаю по какой причинѣ, смѣщенъ со всѣхъ должностей. И во все время пока везло ему счастье, оставался онъ вѣрнымъ пріятелемъ брату своему Ферхату, не забывалъ его, помогалъ возвышаться и наконецъ довелъ его до верховной должности; такъ что въ наше время Ферхатъ назначенъ былъ верховнымъ визиремъ на мѣсто Синана.

О томъ Ферхатѣ разсказывалъ намъ еще панъ повѣренный Печъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Печъ былъ секретаремъ у цесарскаго посла въ Константинополѣ, а Ферхатъ пашою, — умеръ цесарскій посолъ (панъ Австрійскій изъ Чичинка), тѣло его отвезли въ Австрію, а цесарь Рудольфъ, зная этого Печа за годнаго человѣка, рѣшилъ назначить его на убылое мѣсто за посла и подтвердить ему полномочіе. Тутъ, какъ бываетъ при дворахъ обычай поздравлять съ назначеніемъ въ должность, то и Ферхатъ послалъ своего гофмейстера къ пану Печу поздравить его и пожелать ему счастья въ новой должности. Гофмейстеръ при этомъ сдѣлалъ пану Печу намекъ, что надобно поднесть пашѣ въ подарокъ тысячу талеровъ да хорошенькій ковшикъ: ковшикъ ему послали, а

деньги не послали. Когда Ферхатъ назначенъ былъ верховнымъ визиремъ, послалъ онъ за паномъ докторомъ Печемъ, и сталъ сильно приступать къ нему,— отчего задерживаютъ и не платятъ ему ежегодную дань, которая у нихъ называется трибутомъ. А панъ Печъ возражалъ ему и доказывалъ, что еще срокъ не пришелъ, и что трибутъ никогда еще не задерживали; впрочемъ обѣщалъ, что пошлетъ одного изъ своихъ чиновниковъ въ Вѣну и станетъ просить, чтобы выслали трибутъ скорѣе. Тогда визирь, видя что привязаться не къ чему, сказалъ ему черезъ толмача такое слово: откуда-де краль вѣнскій, (кралемъ Вѣнскимъ именуютъ они нашего цесаря, а цесаремъ не хотятъ его именовать и говорятъ, что ихъ султанъ самъ цесарь римскій, такъ какъ столица римскихъ цесарей перенесена была изъ Рима въ Константинополь)—откуда взялъ такую власть, что убогаго писаря назначаетъ и уполномочиваетъ повѣреннымъ въ дѣлахъ къ знаменитому двору турецкаго цесаря? На это панъ Печъ, ни мало не смутясь, отвѣтилъ: если султанъ его имѣетъ власть изъ пастуха и свинопаса сдѣлать верховнаго пашу, то и его государь и цесарь римскій такую же власть имѣетъ писаря посломъ сдѣлать, и кого ему угодно, того и послать въ Константинополь ко двору султанскому. Ферхатъ, разсмѣявшись, подивился смѣлой его рѣчи и ничего ему не отвѣтилъ, а только обратившись къ предстоявшимъ, сказалъ по турецки: каково! каково хитеръ поганый гяуръ!

8 просинца (декабря) рано утромъ велѣлъ панъ посолъ Креквицъ накладывать на возъ деньги 45000 двойныхъ талеровъ и послалъ ихъ впередъ къ султанскому замку съ своимъ драгоманомъ. Около 9 часовъ вечера оба посла поѣхали къ султану прежде описаннымъ порядкомъ, со своими дворянами, которые ѣхали впереди попарно и везли дары; часы и серебряныя вещи. По пріѣздѣ къ замку, у первыхъ воротъ увидѣли мы около ста вооруженныхъ солдатъ называемыхъ капиджи, то есть привратная стража. Эти капиджи въ родѣ того, что гаширы или лейбъ-гвардія при дворѣ римскаго цесаря; урядники у нихъ имѣютъ должность коммисаровъ, т. е. отправляются съ порученіями, а иногда употребляются и вмѣсто палачей; когда происходитъ у двора какая смѣна пашей, или велитъ султанъ кого нибудь изъ придворныхъ вельможъ удавить, всѣ такія порученія выполняютъ обыкновенно капиджи. Отъ того должность ихъ у турокъ въ важномъ почетѣ. Когда пропустили насъ на первый дворъ за воротами, увидѣли мы по обѣ стороны прекрасные дома: въ тѣхъ домахъ живутъ придворные ремесленники и рабочіе, и дѣлаютъ всякъ свое издѣліе, въ родѣ того, какъ у насъ въ Прагѣ передъ дворцомъ. Затѣмъ доѣхали мы до другихъ воротъ: тамъ стояли также сторожа, и тутъ всѣ мы должны были слѣзть съ коней. За этими воротами жилище султаново, и туда ни одного человѣка, хотя бы и пашу, не пропустятъ на конѣ, а всѣ

должны слѣзать и итти во дворецъ пѣшкомъ. На этомъ второмъ дворѣ стояло множество, нѣсколько сотъ великолѣпныхъ коней, турецкихъ и арабскихъ, всѣ покрыты вышитыми коврами и всѣ блестѣли золотомъ и драгоцѣнными камнями; держали ихъ ребята, и всѣ, какъ у насъ въ Прагѣ бываетъ въ торжественные дни, ждали выхода господъ своихъ. Всѣ эти конюхи стояли тихо и чинно, не слыхать было ни крику, ни смѣху, ни разговоровъ; а когда отъ котораго коня явится соръ, тотчасъ особливые къ тому приставленные люди тотъ соръ собираютъ и заметаютъ; потомъ у нихъ тотъ конскій навозъ на солнцѣ сушатъ, толкутъ, просѣиваютъ сквозь сито и употребляютъ на подстилку лошадямъ, потому что въ Константинополѣ не откуда достать соломы на подстилку. Потомъ и наши, научившись отъ турокъ, дѣлали своимъ конямъ такую подстилку, и кони такъ къ ней привыкли, что съ охотою на нее ложились все равно какъ на солому.

Сойдя съ коней, паны послы шли черезъ ворота пѣшкомъ до третьяго двора, а мы за ними, а на встрѣчу имъ вышли, принять ихъ, двое пашей, изъ рады султанской. У тѣхъ воротъ стояло нѣсколько сотъ янычаръ. Отсюда тѣ двое пашей привели пословъ въ раду или диванъ, а мы стали у входа; тутъ послы всѣмъ пашамъ должны были объявить, что они султану говорить будутъ, съ тѣмъ, чтобы ничего лишняго не говорили, кромѣ того, что пашамъ объявлено.

Двое пашей, сложивъ руки на-крестъ на груди, вышли изъ той радной палаты, и пошли къ султану доложить о панѣ послѣ. Этотъ третій дворъ превеликій и пречистый; противъ самыхъ воротъ султанскіе покои; а съ двухъ сторонъ, и съ третьей, гдѣ ворота, надстроены высоко два терема: по правую руку живутъ комнатные евнухи, а по лѣвую руку жены султанскія. Отъ воротъ до самыхъ султанскихъ покоевъ стояло по правую руку тысячи двѣ или три янычаръ, всѣ въ чалмахъ и въ разноцвѣтныхъ сукняхъ, точно росписаные; а по лѣвую руку столько же спаговъ или конныхъ солдатъ, только они стояли пѣши, безъ коней. И хотя тутъ было нѣсколько тысячъ народу, не слыхать было ни крику, ни шуму, ни разговоровъ, а всѣ стояли въ такой тишинѣ, что подлинно на диво; и тѣ самые янычары, которые на войнѣ такъ буйны и своевольны, тутъ стояли, каждый передъ своимъ начальникомъ, въ такомъ послушаніи, какъ и ребята не стоятъ передъ учителями, не двигаясь, точно вытесанные изъ мрамора. Когда двое пашей вошли въ рядъ между янычаръ и спаговъ, стали, сложивъ руки на груди, дѣлать поклоны склоняя голову, сначала направо, янычарамъ, потомъ налѣво, спагамъ; въ отвѣтъ на то и они всѣ, склоняя головы почти до колѣнъ, оставались въ такомъ положеніи пока паши, мимо ихъ проходили. Протомъ, когда паши доложивъ султану, что послы цесарскіе просятъ быть допущены къ цѣлованію руки,

возвращались тѣмъ же путемъ къ посламъ, происходили опять тѣмъ же порядкомъ поклоны направо и налѣво, янычарамъ и спагамъ. Вернувшись, давали посламъ наставленіе, какъ имъ и начальнымъ ихъ людямъ держать себя въ присутствіи султана, и подтвердили пану послу, чтобы не бралъ съ собою большой свиты, такъ что онъ приказалъ итти за собой однимъ людямъ дворянскаго и рыцарскаго чина. Серебряныя вещи, назначенныя въ даръ, янычары держали въ рукахъ передъ султанскимъ покоемъ, такъ чтобы онъ могъ ихъ видѣть.

Такъ за тѣми пашами пошли впередъ паны послы, а за ними мы въ серединѣ между рядами, и творили учтивые поклоны на обѣ стороны, снявъ шапки съ головы и склоняя головы; они же намъ съ своей стороны отдавали поклоны. У самыхъ покоевъ вышелъ къ намъ на встрѣчу съ поклономъ и привѣтствіемъ Капиага, евнухъ и начальникъ двора, и повелъ насъ въ большую палату, которая вся была обвѣшана дорогими персидскими коврами, прошитыми золотомъ и серебромъ. Тутъ опять паши пошли черезъ одну комнату къ султану, и, возвратившись, стали пана нашего спрашивать, не имѣетъ ли при себѣ ножа или какого оружія. И по отвѣтѣ обоихъ пословъ, что ничего подобнаго при нихъ нѣтъ, ухватили оба паши пана посла съ каждой стороны за руку (этотъ обычай заведенъ у нихъ съ того времени, какъ одинъ хорватъ, испросивъ себѣ аудіенцію, умертвилъ султана Му-

рата, въ отмщеніе за смерть своего сербскаго государя Марка Деспота), комнатные служители отворили имъ двери, завѣшанныя чудесными коврами съ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Паши, проведя пана посла къ султану, учинили передъ нимъ низкій поклонъ, а панъ посолъ долженъ былъ сдѣлать видъ какъ будто падаетъ на колѣна, только паши по султанову велѣнью все время его держали и на колѣна стать не дали. Тутъ же приведенъ былъ драгоманъ, толмачъ турецкій, изъ потурченныхъ христіанъ, и держалъ рѣчь въ краткихъ словахъ къ султану отъ имени посла.

Во-первыхъ выразилъ поздравленіе отъ его цесарской милости, а потомъ передалъ султану съ поклономъ цесарскую грамату, поцѣловавъ ее прежде: ту грамату султанъ передалъ Магомету пашѣ, то есть своему канцлеру, и спросилъ здоровъ ли нашъ цесарь. Послѣ этой церемоніи панъ посолъ отступилъ въ сторону. Тѣмъ же порядкомъ приведенъ былъ панъ Печъ, и, поцѣловавъ у султана руку, также отошелъ въ сторону. Потомъ стали служители проводить всѣхъ насъ по одиночкѣ въ тотъ же покой къ султану (но прежде обыскивали каждаго, нѣтъ ли при немъ оружія, впрочемъ мы, зная, что то будетъ, оружія не имѣли при себѣ); подходя, мы цѣловали рукавъ у султана, и затѣмъ выводили насъ вонъ. Султанъ сидѣлъ на возвышеніи съ полъ-локтя отъ полу, и на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ онъ, и около, все было

обложено великолѣпною золотою парчой, унизанной жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; впрочемъ, весь этотъ покой не могу описать подробно, потому что въ короткое время нельзя было все высмотрѣть, да и глядѣли мы больше на лицо султанское нежели на убранство залы; замѣтилъ только, что висѣли съ потолка шары, и былъ отъ нихъ такой блескъ, какъ будто всѣ были покрыты драгоцѣнными камнями.

Когда все это было отправлено, мы тѣмъ же порядкомъ вернулись черезъ диванъ, и оба паши пригласили пановъ пословъ къ обѣду: имъ въ особомъ покоѣ поставили столъ и обѣдали они сидя на стульяхъ; но у турокъ не въ обычаѣ ѣсть за столомъ, и на стульяхъ не сидятъ они. Насъ угощали въ открытомъ залѣ, и всѣ сидѣли на полу, на прекрасныхъ коврахъ. Прежде чѣмъ дали намъ обѣдать, видѣли мы какъ подавали кушанье султану. Прежде всего вошли кравчіе, человѣкъ съ двѣсти, всѣ въ одинаковыхъ краснаго цвѣта сукняхъ, а на головѣ у нихъ чалмы на подобіе янычарскихъ, обшитыя по краямъ золотомъ, и стали они рядомъ отъ кухни вплоть до покоя султанскаго, и тотчасъ всѣмъ поклонъ отдали наклоненіемъ головы. Стояли они тѣсно другъ возлѣ друга, точно намалеванные, а когда пришелъ часъ обѣда, главный кухарь принесъ съ кухни мису фарфоровую покрытую другой мисой, и передалъ другому, кто возлѣ него стоялъ, другой передалъ третьему, и такъ далѣе, пока дошла миска до послѣдняго, кто стоялъ у сул-

танскаго покоя. Тутъ опять стоялъ другой рядъ служителей и одинъ передавалъ другому тѣмъ же порядкомъ, и такъ безъ всякаго шума и звука блюдо подавалось быстро на султанское мѣсто. Такимъ точно образомъ множество этихъ людей стало рядомъ и къ тому мѣсту, гдѣ должны были обѣдать послы, и они передавали другъ другу блюда, подаваемыя на столъ. И намъ поставили такимъ образомъ на полу на коврикахъ около 70 блюдъ, а ковры покрыты были, вмѣсто скатерти, персидскою, прекрасно вышитою кожей. Кушанья намъ были такія: курица вареная и жареная, рисовая каша, пилавъ сладкій, жареная баранина, салатъ изъ травъ и пр.; каждому изъ насъ положены были крашеныя ложки, а ножей не было, и вина тоже. Когда кто хотѣлъ пить, подходилъ турокъ съ кожанымъ мѣхомъ персидскимъ, наливая черезъ серебреное позолоченое горлышко въ позолоченые ковшики сладкую лимонную воду съ сахаромъ, по ихъ названію арабшербетъ, и подавалъ гостямъ. Эта вода очень мнѣ понравилась.

Просидѣвъ за обѣдомъ съ полчаса, встали мы отъ обѣда, тогда нѣкоторые изъ янычаръ взяли отъ насъ дары для султана и отнесли въ свое мѣсто. Дары были такіе: лохань большая серебреная позолоченая съ умывальникомъ; такой же умывальникъ другой, съ прекрасной чеканкой и рѣзьбою, и лахань, двѣ большія чаши для воды, яблоки серебреные съ позолотой, отдѣланные цвѣтами, два большіе ковша серебреные

позолоченные въ видѣ турецкой чалмы, ковшъ большой съ крышею, еще двѣ чаши большія и два жбана серебреные позолоченые мастерской работы, два подсвѣчника большіе, двѣ миски большія, фляга въ видѣ мѣсяца,—все серебреное позолоченое, часы въ видѣ шестиграннаго шара обдѣланнаго цѣнью, которая двигалась прехитрымъ способомъ всякій разъ, когда часы били; часы въ видѣ башни, на которой во время боя показывались и бѣгали разныя фигуры; другіе часы съ рѣзьбой боевые; большіе четыреугольные часы мастерскаго дѣла; когда они били, турки вонъ выбѣгали, на коняхъ скакали, сражались, а когда кончался бой, опять скрывались; еще часы съ волкомъ, у волка гусь въ зубахъ, и когда начинался бой, волкъ убѣгалъ прочь, а за нимъ турокъ гнался съ ружьемъ и при послѣднемъ ударѣ стрѣлялъ изъ ружья по волку; еще большіе часы четвероугольные, на нихъ турокъ глазами ворочалъ, головой и губами двигалъ. Послѣ обѣда вернулись мы къ себѣ въ гостинницу тѣмъ-же порядкомъ какимъ поутру ѣхали къ султану.

Вотъ списокъ всѣхъ особъ нашего посольства, пріѣхавшихъ въ Константинополь.

Фридрихъ изъ Кревкицъ, посолъ цесаря римскаго Рудольфа II; Андрей Гофманъ; Юрій Леопольдъ изъ Ландавъ; Каспаръ Альбрехтъ изъ Туна; Фридрихъ Маловецъ; Гебгардтъ Вельцеръ; Янъ Фридрихъ изъ Креквицъ, пана посла братъ; Янъ Фридрихъ изъ Обергейма; Каспаръ изъ Гоэнфюрста; Индрихъ Швей-

пацъ; Снилъ Заградецкій; Францишекъ Юрковичъ; Конрадъ Преторіусъ, докторъ медицины; Янъ Пертольдъ; Янъ Сельцеръ; Янъ Капль изъ Бургауза; Вилемъ Вратскій; Янъ Рейхардъ изъ Стампаха; Юрій Рейтеръ; Ладиславъ Мертенъ, гофмейстеръ (правитель дома), который потомъ потурчился; Бернардъ Шахнеръ, конюхъ; Янъ изъ Винора, капелланъ; Габріель Иванъ, секретарь; Янъ Кандльпергеръ, под-секретарь. *Дворяне*: Евстафій изъ Пранку; Юрій Лассота.—*Коморники* (камеръ-юнкеры): Вольфъ Адамъ Пругкъ; Янъ Маковецъ; Марко Рейндлеръ; Сигмундъ Финкъ; Мелихаръ изъ Креквицъ. *Камеръ-пажи*: Янъ Бернардъ Перлингеръ; Я, Вацлавъ Вратиславъ изъ Дмитровичей; Степанъ Лангъ; Бальтазаръ изъ Копета; Каспаръ Маликъ, толмачъ; Павелъ Керцемандль, тафельдекеръ; Лука Мемингеръ, закупщикъ; Индрикъ Яйнъ, буфетчикъ; Себастіанъ Гусникъ, слесарь; Фридрихъ Зейдель, лекарь; Кристофъ Гасъ, брадобрѣй; Власій Цирентолеръ, золотыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеръ; Михаилъ Фишеръ, живописецъ; Кристофъ Варозда, венгерскій портной; Янъ Эдеръ, серебреникъ; Даніилъ Райскій, причетникъ; Кристофъ, первый поваръ; прочіе повара: Янъ Тингль, Филипъ Пексаръ, Яковъ Бренкъ. Пирожникъ—Вавринецъ Шмитъ. Конюхи: Янъ Гальпахъ; Исакъ Котъ; Янъ Покъ, Киліанъ Бернскій, кузнецъ Кристофъ Чиканъ, каретникъ; Янъ Борнамисса; Петръ Веберъ; Янушъ Кракакъ, Янъ Раухъ. Это служители пана посла, кромѣ той прислуги, которая шла при обозѣ и вернулась назадъ съ паномъ Печемъ.

Когда мы вернулись въ гостинницу, всѣ стали устроиваться, каждый у себя въ комнатѣ, такъ какъ служебные люди пана Печа уступили намъ свои покои, а сами собирались уже въ путь отъ Константинополя до Вѣны. Панъ Печъ, пробывъ тутъ еще недѣли двѣ, откланялся у Паши и простившись съ нами уѣхалъ изъ города съ великой радостью, такъ какъ онъ предугадывалъ, что готовятся смуты и перемѣны у турокъ.

По отъѣздѣ пана Печа, посолъ нашъ каждый день держалъ у себя открытый столъ, и кто только хотѣлъ изъ начальныхъ христіянъ и турокъ, могъ у него обѣдать, такъ что мы ни на одинъ день не оставались безъ турецкихъ гостей и познакомились со многими ихъ обычаями, что намъ послѣ и пригодилось. Отъ двора султанскаго былъ намъ данъ главный чаусъ для охраны и безопасности и долженъ былъ смотрѣть, чтобы съ нами бѣды не случилось и чтобы никто не входилъ къ намъ въ домъ безъ позволенія и вѣдома панскаго. Это былъ человѣкъ старый, заслуженный; а нашъ панъ долженъ былъ продовольствовать его содержаніемъ, платить ему помѣсячно жалованье и два раза въ годъ дѣлать ему платье. Въ его вѣдѣніи было еще три служителя, и всѣ они отъ дому не отходили: онъ самъ жилъ у самыхъ воротъ внизу, а надъ нимъ, на верху, его служебники, такъ что они всегда могли видѣть кто ходитъ около дома, и кто казался имъ подозрителенъ, того не впускали. Кромѣ этого

чауса дано было намъ еще четверо изрядныхъ янычаръ на охранную стражу, и для того чтобы провожать насъ когда куда пойдемъ или поѣдемъ въ городѣ либо за-городъ; имъ тоже шло отъ пана посла содержаніе, мѣсячная плата и двѣ пары платья въ годъ съ серебреною отдѣлкой. Отъ ихъ аги или гетмана имъ наказано было крѣпко смотрѣть, чтобы съ нами какого худа не случилось. Отъ султана же турецкаго назначено было намъ на каждый день содержаніе: четверть вола, два барана, шесть куръ, мѣра рису, сахару, меду, конскаго корма, кореньевъ, соли и вина; одинъ турокъ возилъ намъ каждый день воду въ кожаныхъ мѣхахъ, и тому тоже панъ посолъ давалъ содержаніе и жалованье за службу. Отъ нечего дѣлать учились мы музыкѣ, кому на чемъ хотѣлось, а иные учились стрѣлять въ цѣль изъ лука.

Нѣкоторымъ изъ насъ сильно хотѣлось видѣть храмъ св. Софіи, и такъ однажды взяли мы съ собой янычара, чтобы осмотрѣть, и достигли того, что начальный янычаръ пустилъ насъ поглядѣть въ видѣ особенной милости; а между прочимъ и потому, что дали ему денегъ. Храмъ тотъ былъ нѣкогда выстроенъ Юстиніаномъ XIII цесаремъ, и строилъ онъ его много лѣтъ сряду съ великими издержками, а турки сдѣлали изъ него себѣ мечеть. Зданіе круглое и превысокое, на подобіе римскаго храма, именуемаго Пантеономъ, который выстроенъ Агриппой, а нынѣ именуется ротунда; только церковь св. Софіи много его

выше. По срединѣ превысокій сводъ и круглый куполъ, изъ котораго и свѣтъ проходитъ въ церковь. Въ ней три прекрасныя галлереи, одна выше другой, украшены великолѣпными мраморными столбами, пречудныхъ красокъ, и такими толстыми, что два человѣка едва могутъ одинъ столпъ обхватить; внутри горитъ много тысячъ прекрасныхъ лампадъ: словомъ сказать, нигдѣ еще мы не видывали такого великолѣпнаго храма. Сказываютъ, что въ христіанское время храмъ былъ много обширнѣе отъ множества построекъ, которыя давно уже пришли въ ветхость и разобраны, только остался въ прежнемъ видѣ хоръ и средняя часть зданія. По подобію этого храма выстроены почти всѣ турецкія церкви. Въ томъ храмѣ есть еще образъ Пресвятой Троицы вверху близь султанскаго мѣста, прекрасно сдѣланый мусіей (мозаикой) изъ цвѣтныхъ камешьевъ; турки оставили его, только всѣмъ лицамъ на образѣ глаза выкололи, а султанъ Селимъ выстрѣлилъ въ него, и одному лицу прострѣлилъ руку, и та стрѣла до сихъ поръ тамъ остается.

Возлѣ того храма гробницы турецкихъ цесарей, нѣкоторыхъ женъ ихъ и дѣтей, видомъ какъ круглыя часовенки, покрыты оловомъ. Каждаго султана и султанши гробница покрыта пурпуровою парчой съ золотыми изголовьями. Въ головахъ у каждой гробницы поставлена чалма изъ самаго лучшаго и тонкаго полотна, которую они при жизни носили, съ страусо-

выми перьями, и кромѣ того у каждой въ головахъ стоятъ двѣ большія восковыя свѣчи въ подсвѣчникахъ, сдѣланныхъ на маперъ заостреннаго шара, только свѣчи при насъ не горѣли. У гробницы султана Солимана съ боку поставлена богатая сабля, украшенная драгоцѣнными каменьями, въ знакъ того, что онъ на войнѣ положилъ животъ свой. Въ тѣхъ часовняхъ, гдѣ положены умершіе, такое правило, что днемъ и ночью назначается по нѣскольку талисмановъ и дервишей или турецкихъ монаховъ, и они, сидя на полу, по турецкому обычаю, съ поджатыми на-кресть ногами, творятъ молитвы за умершихъ и поютъ жалобныя пѣсни. Есть чему тутъ подивиться, съ какимъ мастерствомъ устроенъ этотъ храмъ и около него эти погребальныя часовни. Со всѣхъ сторонъ у входа въ храмъ площадки, и на каждой прекрасный мраморный бассейнъ, гдѣ турки, передъ входомъ въ церковь, творятъ по обычаю своему омовеніе. И не только этотъ храмъ, но и всѣ почти соборныя ихъ церкви, какія мы видѣли, украшены прекрасными мраморными столпами, на удивленье всякому, кто прежде не видывалъ ничего подобнаго."

Въ тотъ же день смотрѣли мы еще у нихъ имареты или страннопріимные дома и бани, и въ баняхъ мылись. Хотя турки вообще не любятъ тратиться на строенія, но начальные люди даютъ большія деньги на мечети, на бани, на страннопріимные дома и гостиницы, и устроиваютъ ихъ великолѣпно. Пока

вернулись мы домой, довольно нагулявшись по городу, только не видѣли красивыхъ домовъ, и напрасно глазѣли по улицамъ, потому что ужасная тѣснота отнимаетъ у нихъ всякую пріятность. Въ числѣ памятниковъ древности есть обширное мѣсто стараго гипподрома, то есть размѣренная площадь для коннаго бѣга, и на ней поставлены два змѣя мѣдныхъ; стоитъ еще каменный столпъ четверогранный, къ верху заостренный. Видѣли мы еще два такихъ же столпа, одинъ напротивъ нашего караван-серая или гостинницы, а другой на площади, называемой Ауратбазаръ или женскій торгъ. На томъ столпѣ отъ низу до верху вырѣзана въ камнѣ вся исторія военныхъ дѣйствій цесаря Аркадія, и онъ самъ воздвигъ его, а наверху велѣлъ поставить свою статую Онъ больше и похожъ на пирамиду нежели на столпъ, потому что внутри его продѣланы ступени, по которымъ можно взойти на самый верхъ. А тотъ столпъ, который стоитъ противъ нашего посольскаго дома, весь, кромѣ низу и кромѣ верхушки, сложенъ изъ осьми цѣльныхъ кусковъ краснаго мрамора, и такъ они мастерски спаяны, что кажется все изъ одного камня, да такъ люди его и почитаютъ. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ камни сходятся, сдѣланы вокругъ обручи, и такъ, когда смотришь снизу, не видно спаекъ и все кажется точно вытесано изъ одного куска. Отъ частыхъ землетрясеній столпъ тотъ весь въ трещинахъ, но держится, потому что связанъ множествомъ желѣз-

ныхъ обручей и подпорокъ, точно опоясанъ. Сказываютъ, что на немъ стояла въ началѣ статуя Аполлонова, потомъ статуя царя Константина и наконецъ царя Θеодосія Старшаго. Но всѣ эти статуи снесло (по причинѣ большой вышины) вѣтромъ или землетрясеніями.

Видѣли мы въ Константинополѣ разной породы и пречудныхъ звѣрей, слоновъ, верблюдовъ, рысей, дикихъ кошекъ, гіенъ, леопардовъ, медвѣдей, львовъ, и такъ они были искусно укрощены и приручены, что ихъ водили по городу на цѣпяхъ и на привязяхъ. Видѣли также пресмыкающихся и птицъ, какихъ не видывали прежде; все это показываютъ люди, которые каждый день ходятъ съ ослами, конями, козлами и другими животными по ипподрому, называемому у турокъ алмайданъ. Тутъ происходятъ игры, стрѣляютъ изъ лука, тутъ сходятся бойцы, всѣ нагіе, только въ исподнемъ кожаномъ, намазаны масломъ, чтобъ не за что было ухватить и удержать ихъ; тутъ бѣгаютъ въ запуски между собой для забавы, и за деньги, если кто дастъ нѣсколько аспровъ.

Тутъ же однажды видѣлъ я турецкую набожность. Пришелъ на то мѣсто грекъ христіанинъ, и несъ въ клѣткѣ щеглятъ. Къ нему подошелъ турокъ, купилъ у него птицъ, и, вынувъ одну, сталъ какъ-то чудно смотрѣть вверхъ и внизъ и шепталъ что-то; потомъ, посадивъ птицу на ладонь, закричалъ: Алла! и пустилъ ее на волю. То же сдѣлалъ потомъ и съ ос-

тальными: вѣрно онъ думалъ, что принесъ великую жертву Богу и Магомету, освободивъ тѣхъ птицъ изъ неволи, и чаялъ себѣ отъ нихъ за то награды. Были тамъ еще какія то зеленыя птички ученыя; хозяинъ выпускалъ ихъ изъ клѣтки, и онѣ, издалека завидѣвъ, подлетали къ тѣмъ, у кого рука поднята была вверхъ, выхватывали у него носикомъ изъ пальцевъ маленькую монету, и приносили хозяину; а онъ за то давалъ птичкѣ маленькое зернышко и сажалъ ее въ клѣтку, а потомъ тѣмъ же порядкомъ выпускалъ другую птичку. Было у этого турка до 15 такихъ птичекъ и мы потратили на нихъ не мало аспровъ. Изъ этого можно видѣть, что и турокъ, такъ-же какъ и у насъ есть праздные люди, которые разными штуками выманиваютъ деньги.

На этомъ мѣстѣ, покуда былъ миръ между нашимъ цесаремъ и султаномъ, каждую пятницу, въ праздничный день турецкій, въ хорошую погоду, съѣзжалось множество молодыхъ турецкихъ наѣздниковъ, дворянъ, около восьми или девяти сотъ, всѣ въ великолѣпномъ убранствѣ, въ длинныхъ бархатныхъ или парчевыхъ суконкахъ, у всѣхъ богатыя сабли, уздечки и сѣдла, у всѣхъ чудесные кони,—одни на коняхъ ѣдутъ, у другихъ ведутъ коней въ поводу, у каждаго въ рукѣ длинное древко въ родѣ копья, съ добрый палецъ толщиною, а у сѣдла деревянный крюкъ. Съѣзжаясь вмѣстѣ, становились они рядомъ на двѣ стороны другъ противъ друга на коняхъ, какъ наши

ребята становятся на играхъ, только пѣшіе, и выѣзжали другъ на друга, размахивая копьями; но ежели кто попадалъ за черту, того брали въ плѣнъ и уводили въ сторону. Иные роняли древки свои на землю, и потомъ на всемъ скаку доставали ихъ съ земли тѣми деревянными крючьями, а иные соскакивая съ коней, показывали свою ловкость, и потомъ прямо, не вступая въ стремя вскакивали прямо на сѣдло. Гнались другъ за другомъ и когда настигали противника, хватали его за руку и обращались назадъ, а тотъ, кого гнали, пускался гнать въ свою очередь и металъ свое древко сзади въ противника. Они заводятъ такія игры для того, чтобы пріучаться ловко метать копьемъ на войнѣ въ непріятеля. Надо было удивляться великой ихъ ловкости, которую всѣ, одинъ передъ другимъ старались выказать въ присутствіи пашей смотрѣвшихъ изъ оконъ, и множества простаго народа, сходившагося смотрѣть на нихъ. Здѣсь можно было видѣть самыхъ красивыхъ коней, покрытыхъ чудесными персидскими коврами, такъ какъ сюда собираются конюхи всѣхъ почти пашей, беговъ и другихъ вельможъ съ самыми лучшими ихъ конями; приводятъ въ поводу по 10, по 15 и больше, и держатъ ихъ, и если у кого изъ молодыхъ наѣздниковъ конь уморится, тотъ сейчасъ садится на свѣжаго коня. Былъ тутъ между наѣздниками одинъ молодецъ, у котораго велась любовь съ женою, а иные сказывали съ дочерью одного изъ пашей; у него стояло шесть

такихъ чудесныхъ коней, что кажется нельзя и быть красивѣе, и всѣ убраны золотомъ и дорогими каменьями. Такъ онъ былъ ловокъ, что никто не могъ превзойти его; съ коня своего точно летомъ соскакивалъ и такъ легко вскакивалъ на сѣдло, точно и до земли не дотрогивался, въ погонѣ за другими летѣлъ какъ птица, а его никто не могъ догнать. Копье свое металъ съ такой быстротою и уклонялся отъ чужаго такъ изворотливо, что едва можно глазамъ повѣрить; за то и заслужилъ онъ похвалу ото всѣхъ. Послѣ него первымъ былъ муренинъ или арабъ, служитель одного паши; и онъ выказалъ большую ловкость, только все не могъ съ тѣмъ молодцомъ сравняться, да не имѣлъ и такихъ добрыхъ коней. Такъ продолжались игры часа два или три; а когда кони уморились довольно набѣгавшись, тогда неумѣлыхъ штрафовали, а тѣмъ кто отличился, отъ начальства раздавались дары, пелены золотомъ шитыя, или лукъ со стрѣлами и другія вещи; затѣмъ всѣ мирно расходились. Въ этихъ собраніяхъ больше рыцарскаго молодечества нежели у насъ; а мы, когда сходимся между своими добрыми пріятелями, то ничего другаго нѣтъ у насъ на умѣ, только бы напиться да наѣсться и другъ друга тѣмъ и другимъ угощать, а ежели кто станетъ удаляться отъ этого пированья, надъ тѣмъ потѣшаемся и того поднимаемъ на смѣхъ. И вмѣсто того, чтобы пособлять другъ другу, заводимъ между собою брань, обиды, драки,—все что противно Господу Богу, а оттого по-

томъ происходятъ суды и свары. Но довольно говорить объ этомъ—помоги намъ Господи Боже исправиться.

Пустили насъ съ янычаромъ въ султанскія конюшни, и мы любовались не мало на прекрасныхъ его коней. Тутъ нѣсколько разныхъ конюшенъ: въ одныхъ главные кони самого султана, въ другихъ рысаки, иноходцы, лошаки для возки, дромадеры и жеребцы, которыхъ ежегодно приводятъ султану изъ Варваріи и Аравіи; они сначала совсѣмъ почти безъ гривы и безъ хвоста, точно молодые олени; ихъ пускаютъ въ свое время пастись на подножномъ корму, потомъ намазываютъ какою-то мазью, и у нихъ отростаетъ прекрасная густая грива. Турки раньше четырехъ лѣтъ не берутъ коней въ ѣзду, и отъ того они у нихъ крѣпче и выносливѣе, чѣмъ у насъ, потому что мы, чехи, истощаемъ своихъ коней еще съ раннихъ лѣтъ, когда они не пришли въ силу.

Ходили мы смотрѣть лѣтній домъ и загородный дворецъ султанскій, конечно, въ такую пору когда тамъ никого не было. То-то видѣли мы тутъ роскошныя мѣста, множество цвѣтовъ, широкіе луга, прелестныя долины, бѣгущіе отовсюду ручейки и рощицы, все почти природныя, а не насаженныя людскими руками. Тутъ кажется надо бы быть жилищу боговъ, и ученымъ людямъ нельзя выбрать себѣ лучшаго мѣста для уединеннаго размышленія. И такъ вдоволь налюбовавшись всѣмъ, что тутъ видѣли, и нарвавъ душис-

тыхъ цвѣтовъ, погоревали мы отъ всего сердца, что весь этотъ роскошный край, съ такими чудными мѣстами, долженъ оставаться подъ турецкимъ владычествомъ.

Потомъ смотрѣли сераль янычарскій, гдѣ они живутъ; онъ содержится въ большой чистотѣ и наполненъ ружьями, сабліями и начисто выполированными сѣкирами, въ суконныхъ чехлахъ. Здѣсь же на плацу, янычары тѣ, или ачамогланы занимаются всякими военными упражненіями. Недалеко отсюда главная мечеть, которую султанъ Магометъ, по взятіи Константинополя, велѣлъ выстроить на мѣстѣ прежняго христіанскаго храма Св. Апостоловъ Петра и Павла.

Есть еще въ Константинополѣ большіе сады стѣнами огороженные, и на тѣхъ стѣнахъ собираются кошки въ обѣденный часъ и ждутъ, чтобы мимоѣзжіе люди бросали имъ милостыню. Есть у турокъ такой обычай, что варятъ и жарятъ печенку и куски мяса, и носятъ по городу въ ведрахъ, по два ведра на шестѣ и кричатъ: кэди этъ, кэди этъ, то есть: *кошкамъ мясо!* И еще носятъ на плечахъ латки съ кусками жаренаго мяса и печенки, выкрикивая на всю улицу: тупекъ этъ, тупекъ этъ, то есть—*собачье мясо!* и за такимъ разнощикомъ бѣжитъ всегда множество собакъ, дожидаясь подачки. Турки раскупаютъ это мясо и раздаютъ собакамъ, а кошкамъ бросаютъ на стѣну: этотъ невѣрный и варварскій народъ думаетъ заслужить милость у Бога, за то что даютъ милостыню

и неразумной твари, кошкамъ, собакамъ, рыбамъ и птицамъ. За великій грѣхъ почитаютъ они убить и съѣсть пойманную птицу; но покупаютъ птицъ за деньги и выпускаютъ на свободу. Рыбамъ бросаютъ въ воду хлѣбъ. Кошки и собаки сбѣгаются во множествѣ цѣлыми стаями по улицѣ въ урочный часъ и въ обычныя мѣста, и тутъ имъ каждый день раздаютъ мясо и всякій кормъ; кошекъ кормятъ на тѣхъ стѣнахъ два раза—рано поутру и вечеромъ онѣ сбѣгаются стаями съ цѣлаго города, всѣмъ на поглядѣнье, и то сущая правда: мы не разъ ходили къ тѣмъ стѣнамъ, слушали кошачье мурлыканье, и съ великимъ смѣхомъ смотрѣли и дивились, какъ онѣ выбѣгаютъ изъ домовъ и сбираются всѣ въ одно мѣсто. Нѣсколько разъ видали мы, какъ турецкія бабы и старухи покупали куски мяса на тѣхъ лоткахъ, а не въ обыкновенной лавкѣ, хотя лавка была недалеко, и вздѣвши на длинный шестъ, подавали кошкамъ на стѣну, сами же въ это время бормотали какія-то турецкія молитвы. Еще носятъ на лоткахъ куски сыраго мяса: его турки покупаютъ для воронъ, которыя стаями слетаются и набрасываются на то мясо. И мы покупывали такое мясо на торгу, бросали воронамъ, и не мало потѣшались, глядя, какъ онѣ, другъ друга тѣсня, слетались на куски и хватали ихъ. Безчисленное множество этихъ воронъ слетается въ городъ и турки никому не позволяютъ стрѣлять ихъ или разгонять: воронъ считается у нихъ священною

птицей, отъ того что при пророкѣ ихъ Магометѣ, когда онъ началъ строить храмъ въ городѣ Меккѣ, вороны доставали ему все, въ чемъ онъ нуждался для строенія, какъ-то: песокъ, камни, известь, воду, и вѣрно помогали ему въ постройкѣ храма. И тѣло того блуднаго пророка погребено великолѣпно въ томъ же городѣ Меккѣ.

Есть въ Константинополѣ особенные люди, которые носятъ повсюду въ городѣ простую ключевую воду въ кожаныхъ сумахъ или мѣхахъ, и даромъ, ради Бога, раздаютъ ее, разливая изъ придѣланнаго горлышка въ ковши, кому угодно, кто хочетъ напиться, кто бы онъ ни былъ, турокъ-ли, христіанинъ или жидъ. Многіе по завѣщанью назначаютъ деньги на вѣчную плату такимъ водоносамъ.

По городу ходитъ очень много слѣпыхъ, и ходятъ вереницей, держась одинъ за другаго, человѣкъ по 10 и по 12 и по 15-ти, а впереди вожакъ водитъ ихъ отъ дому до дому и проситъ милостыни, но и самъ онъ мало видитъ, потому что на одинъ глазъ слѣпъ. Никто не отказываетъ имъ въ милостынѣ, и считаютъ ихъ за святыхъ людей, за то что они были въ Меккѣ, посѣщали и видѣли святѣйшій гробъ Магометовъ. И ослѣпли они отъ того, что увидѣвъ Мекку, не хотѣли уже больше ни на что глядѣть, и сами себя ослѣпили по своей волѣ; для этого берутъ раскаленное до красна желѣзо и, посыпавъ какимъ-то порошкомъ, держатъ надъ нимъ глазъ покуда онъ вытечетъ. Они

крѣпко вѣрятъ, что за то свое ослѣпленіе будутъ у Магомета въ великой милости, и другимъ туркамъ могутъ доставить у него великую милость.

Въ простомъ народѣ у турокъ много суевѣрій, и намъ случалось видѣть, какъ турки, гдѣ завидятъ на землѣ бумажку, бережно поднимаютъ ее и къ лицу подносятъ, похоже на то, какъ у насъ многіе дѣлаютъ съ хлѣбомъ, когда хлѣбъ на землѣ валяется, тотчасъ поднимаютъ и, поцаловавъ, убираютъ въ сторону, чтобы его не топтали. Когда мы допытывались что за причина такого уваженія къ бумагѣ, наши янычары сказывали намъ такую причину, что на бумагѣ-де пишется имя Божіе; они вѣрятъ, что въ послѣдній судъ, когда Магометъ захочетъ взять послѣдователей своихъ мусульманъ на небо изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они несутъ наказаніе за грѣхи свои, и ввести ихъ въ вѣчное блаженство, должны будутъ они идти къ нему босыми ногами по длинной раскаленной рѣшеткѣ,—и другой дороги нѣтъ, и тутъ-то совершится великое чудо: явится, невѣдомо откуда, имъ на помощь всякая бумажка, которую они сохранили, такъ что, ступая по этимъ бумажкамъ на раскаленную рѣшетку, они пройдутъ безопасно и не почувствуютъ боли. Отъ того янычары ставили намъ въ укоръ, когда видѣли, какъ наши люди обращаются съ бумагой, употребляя ее на всякое дѣло и на самыя низкія нужды, и уговаривали насъ не дѣлать этого. Тоже не терпятъ турки, чтобы розовый цвѣтъ валялся на землѣ

подъ ногами; какъ нѣкогда въ древности язычники выводили розу отъ Венеры, такъ эти суевѣрные люди вѣрятъ, что роза выросла изъ Магометова пота. Но довольно уже объ этомъ, чтобы не распространяться много обо всѣхъ этихъ вздорныхъ басняхъ.

Осмотрѣвши все, что можно было въ городѣ, выпросились однажды нѣкоторые изъ нашихъ дворянъ переправиться черезъ рукавъ морской въ городъ Галату, гдѣ живутъ купцы христіане, греки, валахи и другихъ націй: тутъ же имѣютъ свои гостинницы послы французскаго и англійскаго королей, тоже посолъ банатскій, рагузанскій и прочіе. И я, не хотя оставаться въ послѣднихъ, тоже выпросился ѣхать съ ними, только панъ посолъ приказалъ имъ всячески смотрѣть за мной и оберегать меня, такъ какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ молодые люди подвергаются не малой опасности. Переправлялсь черезъ проливъ, видѣли мы много разныхъ рыбъ, а въ городѣ пошли въ сопровожденіи двухъ янычаръ въ домъ къ одному нѣмцу Гансловгу, онъ былъ ремесломъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и работалъ на султанша; принялъ онъ насъ радушно и ласково. У него жила въ кухаркахъ гречанка, собою очень красивая и служила ему наложницей. Въ здѣшней сторонѣ никто не смѣетъ взять себѣ законную жену безъ формальнаго дозволенія и безъ денежной платы, а если хочетъ имѣть позволеніе взять себѣ жену по турецкому способу, то долженъ обратиться къ турецкому кадію или судьѣ и

заплатить ему немалыя деньги. Въ случаѣ дозволенія соблюдается такой обычай; кто хочетъ себѣ жену поять, приходитъ къ судьѣ вмѣстѣ съ тою особой, объявляетъ свое и ея имя, и долженъ означить передъ судьею, сколько онъ обязанъ дать ей вѣна, на случай если отпуститъ ее отъ себя, и сколько она приноситъ ему имущества и всякой движимости: все это пишется въ книгѣ. Когда онъ потомъ не захочетъ имѣть ее женою и жить съ нею, долженъ отдать ей вѣно и ея движимость, и она со всѣмъ тѣмъ имуществомъ уходитъ отъ него и можетъ выйти за другаго мужа, а онъ можетъ взять себѣ другую жену. Если есть у нихъ дѣти, то онъ обязанъ воспитывать ихъ и содержать.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ тотчасъ послалъ на рынокъ купить разныхъ рыбъ морскихъ хорошихъ; и велѣлъ приготовить намъ хорошій обѣдъ: этимъ занималась другая, жившая у него женщина, которая стряпала кушанье. И такъ обѣ эти женщины приготовили намъ отличный обѣдъ изъ устрицъ, капилонговъ, капиротундъ и всякихъ морскихъ рыбъ и превкусныхъ раковъ, съ отличнымъ соусомъ изъ лимоновъ, помгранатъ и померанцевъ: все это здѣсь очень дешево стоитъ, не дороже чѣмъ у насъ простые яблоки. Потомъ далъ намъ пить чудеснаго греческаго краснаго вина, и такъ усердно угощалъ тѣмъ виномъ, что всѣ мы, и наши янычары тоже, подвыпили. Я сначала совсѣмъ не хотѣлъ пить, но потомъ, слыша какъ всѣ

стали выхваливать вино, что никогда такого не пивали, далъ и я уговорить себя, и выпилъ въ великую охоту два ковшика, каждый будетъ въ полъ-зейделя: за то уже и помнилъ я потомъ это вино долго. Когда пришло время уходить, мы простились съ гостепріимнымъ хозяиномъ, и отблагодаривъ его съ просьбою пріѣхать и къ намъ, пошли назадъ къ морю; тутъ едва сѣлъ я въ лодку, голова у меня такъ сильно закружилась, что я не зналъ куда дѣваться. Крѣпкое вино такъ разобрало меня, и притомъ сильнымъ вѣтромъ такъ раздуло мнѣ голову, что когда вышли мы на берегъ, я совсѣмъ не могъ стать на ноги, и янычары должны были подъ руки вести меня по заднимъ и узкимъ улицамъ, чтобы не видно было народу. Когда пришли къ дому, некуда было уже укрыться, и тутъ панъ посолъ, увидѣвъ изъ окна, какъ меня ведутъ опьянѣлаго, разгнѣвался ужасно и тотчасъ же хотѣлъ наказать меня; но разсудивъ, что я самъ себя не помню, отложилъ до утра, а дворянамъ своимъ приказалъ, чтобы скорѣе упрятали меня отъ позора: они ему на то за меня докладывали, что я выпилъ всего одинъ ковшикъ вина.

На утро, едва разсвѣло, узнавъ отъ своихъ товарищей о своемъ добромъ поведеніи и о гнѣвѣ пана посла, всталъ я съ великимъ страхомъ, и тотчасъ принялся все убирать въ панскихъ покояхъ и со всѣмъ стараніемъ отправлять свою службу, въ надеждѣ снискать у пана милость, а дворянъ упрашивалъ, чтобы они

за меня у него заступились. Какъ онъ только проснулся и зазвонилъ, я тотчасъ прежде всѣхъ побѣжалъ къ нему, палъ къ ногамъ его и просилъ помилованія въ грѣхѣ своемъ. Но онъ съ превеликимъ гнѣвомъ сталъ мнѣ все выговаривать, что мои родные меня ему поручили и просили имѣть добрый надзоръ за мною, а я, выпросившись посмотрѣть городъ Галату, довелъ себя своимъ легкомысліемъ до такого сраму, опился на посмѣхъ туркамъ, и его привелъ въ жалость и гнѣвъ; потомъ говорилъ, къ чему могла меня привесть моя безпечность: если бы не спасъ меня Богъ, тѣ же янычары могли меня, человѣка молодаго, завести куда нибудь и продать, и онъ долженъ бы былъ потомъ отвѣчать за меня, а я де, не умѣючи еще на свѣтѣ жить, долженъ учиться и всячески смотрѣть за собою. Наконецъ сказалъ мнѣ, что его самого Богъ накажетъ за небреженіе, если онъ и меня оставитъ безъ наказанія, и такъ, для примѣра другимъ, слѣдуетъ меня наказать строго.

Тутъ послалъ онъ за гофмейстеромъ (управляющій домомъ), съ которымъ я на бѣду свою за день передъ тѣмъ повздорилъ, и велѣлъ дать мнѣ ударовъ пятьдесятъ добрыхъ курбачемъ; я опять, обнимая колѣна его, упрашивалъ, ради Бога, чтобы простилъ меня или хотя уменьшилъ мнѣ наказаніе. Но гофмейстеръ, вступя въ рѣчь, сталъ еще уговаривать пана посла: „если-де этимъ молодымъ людямъ давать поваровку въ безчинствѣ, то еще хуже станутъ себя вести“

только секретарь упросилъ за меня, чтобы мнѣ дали только 40 ударовъ. И такъ тотъ гофмейстеръ, тоже изъ товарищей моихъ, вмѣсто того, чтобы мнѣ помочь и заступиться за меня передъ паномъ, отсчиталъ мнѣ тѣ сорокъ ударовъ съ достаткомъ, желая еще помстить мнѣ, такъ что я весь залитъ былъ кровью и пролежалъ цѣлыя двѣ недѣли. Панъ посолъ, услышавъ потомъ про болѣзнь мою, самъ жалѣлъ, что велѣлъ наказать меня такъ строго, и говорилъ, что довольно было бы и 20 ударовъ. Такъ мнѣ то вино въ голову засѣло, что и во всю жизнь пилъ я его очень мало, а вскорѣ послѣ того и совсѣмъ не хотѣлъ пить, развѣ турецкій шербетъ.

Однажды панъ посолъ захотѣлъ осмотрѣть нѣкоторые острова около Константинополя, нанялъ лодки и проѣхалъ по проливу морскому къ морю, которое турки называютъ Караденгизъ или Караденисъ, то есть Черное море. Этотъ проливъ, называемый Понтомъ, выходитъ узкимъ гирломъ, и не пространною дорогой, къ Босфору Ѳракійскому, и многими извилинами идетъ около предгорія, а ѣзды оттуда до Константинополя одинъ день, а потомъ подобными же извилинами впадаетъ въ Пропонтиду. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ онъ въ Босфоръ, стоитъ по срединѣ большой камень и на камнѣ столпъ, а на подножьи написано латинскими буквами имя какого-то римлянина. Недалеко оттуда на европейскомъ берегу высокая башня, называется фаросъ, и на ней сверху огонь свѣтитъ ночью

мореплавателямъ. Близъ того мѣста впадаетъ въ море небольшой ручей, гдѣ находятся камни халкидоны и сардоники. Въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда указывали намъ узкое въ проливѣ мѣсто, гдѣ Дарій царь персидскій переправилъ войска свои противъ европейскихъ скиѳовъ. Почти въ срединѣ между тѣми двумя проливами морскими стоятъ два замка (крѣпости), одинъ въ Европѣ, а другой напротивъ его, въ Азіи. Этотъ послѣдній турки имѣли во власти своей прежде взятія Константинополя, а другой (тотъ самый, гдѣ мы сидѣли больше двухъ лѣтъ въ черной башнѣ въ тяжкомъ заточеніи, какъ ниже будетъ описано) выстроилъ и укрѣпилъ султанъ Магометъ, готовясь къ осадѣ Константинополя, велѣлъ тутъ устроить себѣ въ одной башнѣ покои, прекрасно отдѣланные мраморомъ, и жилъ въ нихъ до того времени, пока завоевалъ Константинополь. Нынѣ турки обратили эту прекрасную башню въ мѣсто заключенія для важнѣйшихъ узниковъ, что мы должны были такъ тяжко испытать на себѣ въ смутную пору. Къ этой тюрьмѣ приставлена большая стража, которая и живетъ въ мѣстечкѣ около башни: всего до 24 человѣкъ днемъ и ночью должны стеречь узниковъ, и на войну не ходятъ, а освобождены отъ нея для этой службы, подобно какъ у насъ служилые люди при городѣ Карлштейнѣ: все ихъ дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы смотрѣть за узниками. Кто попалъ въ эту черную башню, тому уже изъ нея не выходить до смерти,

развѣ особливымъ промышленіемъ Божіимъ, и не было еще примѣра, чтобы кто изъ нея освободился, кромѣ нашего случая, о чемъ сказано будетъ на своемъ мѣстѣ.

Вообще, въ Константинополѣ, ѣздили мы свободно на прогулку куда бы ни захотѣлось, въ прекрасные сады греческіе и турецкіе, пользовались всякими удовольствіями и могли доставать за деньги все чего только сердце хотѣло. Мы сами доставали себѣ въ морѣ устрицы и всякія раковины, и давали готовить ихъ; на островахъ здѣсь всякая водяная птица, множество журавлей: тутъ стрѣляли мы птицъ всякаго рода. Словомъ, было какъ царское житье, безъ всякаго недостатка; такъ жили мы слишкомъ годъ, такъ что намъ и домой не хотѣлось, и желали того только, чтобы такое веселое житье продолжалось у насъ до смерти.

Вотъ что случилось при насъ въ Галатѣ, городѣ лежащемъ противъ Константинополя. Сынъ извѣстнаго греческаго купца, молодой человѣкъ красавецъ собою, захотѣлъ жениться. Полюбилась ему дочь другого греческаго купца, дѣвица лѣтъ 16-ти, красавица; сговорившись съ родными ея и ближними, получилъ онъ согласіе, и уже день былъ назначенъ для брачнаго торжества. Женихъ, хотя устроить получше угощеніе для пріятелей, задумалъ поѣхать самъ на лодкѣ своей за хорошимъ сладкимъ виномъ на островъ Кандію, и простившись съ родными и съ невѣстой, спокойно

пустилася въ море. Между тѣмъ греческіе христіяне готовились къ какому-то большому празднику, и жены ихъ, въ томъ числѣ и та невѣста, отправились мыться въ свои бани. Надобно знать, что всѣ турецкія женщины не иначе выходятъ на улицу, какъ закутанныя, и на лбу у нихъ широкая повязка спускается на глаза пальца на два, такъ что онѣ могутъ видѣть каждаго, а ихъ никто узнать не можетъ. А христіанскія женщины гречанки не ходятъ въ такой закутѣ, какъ турчанки, и не закрываютъ лица, а только покрываютъ голову платкомъ, такъ что всѣ могутъ въ лицо ихъ видѣть.

И такъ эта несчастная красавица невѣста, идучи со всѣми въ баню, не чаяла себѣ никакой бѣды, и не закрываючи лица, беззаботно, какъ молоденькая еще дѣвочка, поглядывала во всѣ стороны. Въ это время ѣхалъ отъ двора султанскаго самый главный чаусъ, съ большою свитой служителей, въ великолѣпные сады свои, которыхъ было у него нѣсколько у самаго моря; увидѣлъ онъ ту невѣсту, и прельстившись на красоту ея, крикнулъ громкимъ голосомъ: Гай Гай преруселъ киси тай гай—«Какая прекрасная, чудесная дѣвица!», тутъ же соскочилъ съ коня, руку ей подалъ и сталъ распрашивать, куда идетъ и чья она дочь? Она увидѣвши такого важнаго и стараго турка (ему было уже около 80 лѣтъ), ускользнула отъ него, укрылась между женщинами, и ничего ему не отвѣчала; но другія женщины изъ учтивости объяснили ему, что идутъ онѣ

въ баню, а дѣвица эта невѣста, и кто ея родители. Онъ, хотя еще хорошенько посмотрѣть на нее, сказалъ, что хочетъ проводить ее, въ чемъ не могли онѣ ему препятствовать. Онъ пошелъ и все смотрѣлъ на нее, и чѣмъ дальше шли тѣмъ больше къ ней приставалъ съ своею лаской, наконецъ, проводивъ ихъ до бани, потрепалъ ее и сказалъ: алла, сакла, сенибенумъ дзанумъ; то есть: храни тебя Боже, душа моя! и сѣвъ опять на коня, поѣхалъ своею дорогой.

На другой день рано утромъ пріѣхалъ этотъ старый къ отцу дѣвицы и сталъ наединѣ говорить ему, чтобъ онъ отдалъ ему дочь въ жены, обѣщая назначить ей богатое вѣно и облагодѣтельствовать родныхъ ея. Отецъ старался уклониться отъ этого требованія, сказывалъ ему по истинной правдѣ, что дочь его помолвлена и назначенъ уже день свадьбы, и униженно просилъ его, чтобъ не прогнѣвался «я де человѣкъ простой и не стою того, чтобы мнѣ породниться съ такимъ вельможею и отдать дочь свою ему въ замужство». Выслушавъ тѣ рѣчи, турокъ сказалъ: такая красота не то что мнѣ достойна, а достойна того, чтобъ самъ султанъ полюбилъ ее; отъ того я и прошу тебя, отдай мнѣ дочь свою. Однакожь отецъ продолжалъ возражать, что онъ уже отдалъ дочь свою другому, и что уже нельзя того перемѣнить по христіанскому обычаю; тогда турокъ, разгнѣвавшись, сказалъ: такъ я тебѣ покажу, можно ли то перемѣнить или не можно. Прямо отъ него поѣхалъ онъ къ султанскому двору,

и выпросивъ у султана позволеніе взять въ жены христіянку, тотчасъ велѣлъ взять отца и мать той невѣсты и посадить въ тюрьму, а къ дѣвицѣ велѣлъ приставить въ домѣ у нея крѣпкую стражу; затѣмъ, созвавъ своихъ пріятелей, сталъ готовить свадебный пиръ, а къ ней въ домъ послалъ женщинъ турчанокъ съ богатыми матеріями и женскими уборами, и онѣ столько ей наговорили, что она мало по малу склонилась къ мысли быть его женою. Тогда выпустили изъ тюрьмы отца и мать ея.

Въ женитьбѣ у турокъ такой обычай. Когда какой молодой человѣкъ хочетъ жениться, онъ не самъ ищетъ себѣ невѣсту, а черезъ посредство знакомыхъ женщинъ; когда тѣ ему скажутъ, гдѣ есть хорошая, красивая и богатая дѣвица,—онъ не можетъ смотрѣть ее, являться въ домъ къ отцу и дѣйствовать явно, и ежели бъ онъ гдѣ ее въ лицо увидѣлъ, явно и не въ порядкѣ, то у турокъ считается за великій грѣхъ. Только наши янычары намъ сказывали, что сама дѣвица у турокъ не вытерпитъ, чтобы не дать знать о себѣ своему любезному или съ нимъ перемолвить слово, когда не явно, то тайно. Обыкновенно при домахъ здѣсь бываютъ сады, а въ садахъ открытыя бесѣдки или сѣни, гдѣ женщины занимаются вышиваніемъ ручниковъ и платковъ; а если у дѣвицы въ своемъ домѣ нѣтъ такого устройства, то идетъ въ домъ къ своей пріятельницѣ, и уговаривается съ своимъ любезнымъ или съ женщинами его посредницами,

о томъ, гдѣ онъ въ ту пору будетъ. На тѣхъ сѣняхъ и садится она, разрядившись какъ можно лучше, и занимается будто своимъ вышиваньемъ и распѣваетъ пѣсни, какъ будто ничего объ немъ не вѣдаетъ. Если же провѣдаютъ, что полюбилась она съ молодымъ человѣкомъ, всячески стараются тому способствовать. А когда она понравится жениху, онъ входитъ въ переговоры съ родителями и съ ближними людьми, и когда получитъ отъ нихъ согласіе, назначаютъ, когда быть свадьбѣ, онъ объявляетъ сколько даетъ ей вѣна, и даритъ разные подарки, и она должна объявить сколько ему приноситъ; все то записывается у судьи въ книги.

Въ день назначенный для брачнаго торжества, прежде всего женихъ посылаетъ за невѣстинымъ имуществомъ и пожитками,—если она богата, множество верблюдовъ и муловъ; на нихъ накладываютъ все, что она ему приноситъ, и покрываютъ красивыми коврами, а у самыхъ богатыхъ, везутъ въ красныхъ нарядныхъ чехлахъ. Потомъ, когда все ужь готово, женихъ дѣлаетъ угощеніе или обѣдъ пріятелямъ своимъ мужчинамъ—въ особливомъ домѣ, а женщинамъ въ своемъ, либо въ домѣ у отца своего. Послѣ кушанья женихъ съ своими пріятелями — садятся на коней, а женщины—въ повозки, а за невѣстой посылается красивый иноходецъ, какъ только можно изукрашенный: грива у него переплетена золотомъ, и сѣдло и все прочее въ самомъ лучшемъ нарядѣ; его ведетъ одинъ моло-

децъ, а четверо другихъ несутъ балдахинъ великолѣпно убранный (богатые употребляютъ большія деньги на это убранство): такъ всѣ, порядкомъ, отправляются за невѣстой. Женихъ подъѣзжаетъ съ трубами, съ бубнами и иною музыкой къ дому невѣсты, и сойдя съ коня, входитъ въ домъ, гдѣ собраны гости; тутъ долженъ онъ съѣсть что-нибудь, и выпить шербету; тогда отецъ невѣстинъ, взявъ ее за правую руку, передаетъ въ руку жениху, и его увѣщаетъ, чтобы ласковъ былъ къ ней. Тутъ сейчасъ подходятъ тѣ четыре молодца, пятый ведетъ иноходца, трубачи трубятъ, музыка играетъ, невѣста садится на нарядное сѣдло, и одинъ ведетъ коня подъ нею, а четверо нѣсутъ надъ нею балдахинъ. Вслѣдъ за нею ѣдетъ, тоже на конѣ, ближняя ея служительница, только безъ балдахина, и коня подъ ней не ведетъ никто. А впереди у невѣсты несутъ шесть превеликихъ свѣчей восковыхъ, однѣ высокія и другія пониже, въ подсвѣчникахъ, и тѣ свѣчи росписныя, украшены золотомъ и разными цвѣтами. Женихъ со своими и невѣстиными провожатыми ѣдутъ впереди, посреди между ними невѣста, а вслѣдъ за ними женщины, и всѣ ѣдутъ съ радостнымъ видомъ, кони подъ ними пляшутъ. По пріѣздѣ къ женихову дому, женихъ сходитъ съ коня, вводитъ невѣсту въ домъ и оставляетъ ее съ провожатыми женщинами, а самъ уходитъ въ другой покой со своими пріятелями.

Такъ и помянутый чаусъ ѣхалъ къ дому того хри-

стіанина за невѣстой съ пышными проводами—пріятели его на коняхъ и женщины въ повозкахъ, и все происходило по обычаю со всѣмъ великолѣпіемъ, лошаки везли богатые подарки въ красныхъ сафьянныхъ мѣшкахъ, покрытыхъ коврами, а невѣста ѣхала изъ отцова дома къ жениху на чудномъ, бѣломъ какъ снѣгъ конѣ, подъ балдахиномъ, съ громкою музыкой и съ превеликими свѣчами. Говорили тогда, будто она потурчилась, и за то далъ ей тотъ чаусъ домъ богатый на житье (другихъ кромѣ нея женъ у него не было), множество прислужницъ, и всѣмъ богато одарилъ ее.

Между тѣмъ милый женихъ христіанинъ закупилъ вино и въ радости возвращался домой, ничего не вѣдая о томъ, что случилось съ невѣстой въ его отсутствіе. Какъ пріѣхалъ въ Константинополь, такъ дошла до него поразительная и горькая вѣсть о томъ, что невѣста его вышла замужъ за другого; сталъ онъ горько оплакивать свое несчастье, а еще горше ему было, что она выбрала себѣ турка, приняла вѣру магометанскую и душу свою загубила. А по пріѣздѣ въ Галату, отецъ и мать ея съ плачемъ разсказали ему какъ было дѣло, и какъ они силой принуждены были отдать ее тому чаусу. И она, узнавъ, что ея возлюбленный вернулся домой, тотчасъ прислала ему жалостное письмо, и горевала о великомъ своемъ несчастьи, что принуждена была противъ своей воли и противъ воли родителей выйти замужъ за другаго, а

его умоляла всячески, чтобъ на нее не гнѣвался. И онъ написалъ ей отвѣтъ, въ такомъ смыслѣ: «Такъ какъ ты забыла о душѣ своей, и потурчилась, то мнѣ нечего больше сказать тебѣ, кромѣ того, что я сокрушаюсь о твоемъ отступничествѣ, и буду только стараться, сколько могу, гнать отъ себя всякую мысль объ тебѣ и забыть тебя совсѣмъ, потому что я любилъ тебя больше всего на свѣтѣ».

А она ему на это опять пишетъ: «Хоть я и турчанка по имени, но и теперь остаюсь, какъ была прежде, въ душѣ христіанкою и творю по прежнему обычныя свои молитвы». И упрашивала его, чтобъ ея не забывалъ, и пришелъ бы къ ней, что она въ такой то день будетъ въ такомъ то саду ждать его, что хочетъ она съ нимъ видѣться, хочетъ поглядѣть на милаго своего и изъ устъ въ уста разсказать ему какъ все случилось; притомъ увѣряла, что ему бояться нечего, и она все такъ устроитъ, что ему не будетъ никакого опасенія. Бѣдный юноша далъ уговорить себя и въ назначенный день явился одинъ въ указанное мѣсто. Не замедлила и она выйти въ садъ, гдѣ велѣла разбить зеленую палатку, а всѣхъ служителей отпустила на гулянье, оставивъ при себѣ одну только вѣрную женщину. Вошелъ онъ къ ней въ палатку, и она со слезами стала ему все разсказывать, просила его все простить ей и забыть, а сама увѣряла, что никогда его не забудетъ, и покуда жива, будетъ вдоволь помогать ему деньгами и всѣмъ чѣмъ только можетъ.

Съ полгода продолжались у нихъ эти свиданія: все это время улыбалось имъ счастье, которое ни у кого недолговѣчно. Она давала ему денегъ, и онъ одѣвался нарядно всѣмъ на удивленье: былъ онъ молодецъ собою, статный, высокаго роста, всего 24 лѣтъ отъ роду, и такой красавецъ, что подобнаго ему во всемъ томъ краю не было. Въ борьбѣ, во всякихъ играхъ не было ему равнаго по силѣ и ловкости; за то и любили его товарищи, не только изъ христіанъ, но и изъ турецкой молодежи. И такъ, надѣясь на себя, сталъ онъ мало по малу неостороженъ въ своихъ похожденіяхъ, и разъ кто-то подсмотрѣлъ его, когда онъ входилъ въ садъ къ чаусу. Донесли объ этомъ чаусу, и онъ, какъ человѣкъ знатный и богатый, обѣщалъ большую награду тому, кто извѣститъ его, когда тотъ христіанинъ въ саду у него будетъ. А какъ тамъ за деньги все достать можно, то и явилось тотчасъ не мало шпіоновъ, которые днемъ и ночью стали подсматривать за тѣмъ христіаниномъ, и высмотрѣли однажды часа за два передъ вечеромъ, какъ онъ входилъ въ садъ.

Узнавъ объ этомъ, чаусъ не рѣшился однако же захватить его днемъ: онъ слышалъ о силѣ его и ловкости, зналъ что онъ любимецъ и у христіанъ и у турокъ, и опасался, что не дадуть взять его. Онъ оцѣпилъ все мѣсто сильными молодцами, такъ чтобъ ему нельзя было мимо пройти, когда станетъ возвращаться домой; и такъ на обратномъ пути, когда онъ шелъ

ничего не опасаясь, его схватили и отвели въ тюрьму. Ночью чаусъ распорядился освидѣтельствовать жену свою, а на утро заявилъ судьѣ жалобу на нее за тайную связь съ христіаниномъ, и требовалъ суда обоимъ по закону. Самъ онъ объявилъ о томъ султану и пашамъ, съ горькими жалобами на свое несчастье и требовалъ скораго рѣшенія, ссылаясь на то, что они застигнуты на мѣстѣ преступленія. Много явилось и заступниковъ за виновныхъ, такъ что рѣшенье замедлилось слишкомъ на недѣлю; но никакія просьбы не дѣйствовали на чауса: какъ онъ прежде крѣпко любилъ жену свою, такъ теперь ее возненавидѣлъ, и постарался устроить дѣло такъ, что муфтій или верховный первосвященникъ утвердилъ смертный приговоръ обоимъ.

Когда огласилось повсюду, что поведутъ на смертную казнь обоихъ, такихъ молодыхъ и извѣстныхъ своею красотою, собралось въ тотъ день безчисленное множество народа. Церемонія казни была слѣдующая. Прежде всего пріѣхалъ на мѣсто паша, судья султанскій, за нимъ совѣтъ его, подсудки и урядники съ янычарскою стражей, съ бирючами и приставами. Потомъ приведенъ былъ изъ тюрьмы тотъ молодецъ со связанными руками; на шеѣ у него былъ желѣзный кругъ, и сквозь кругъ продѣты цѣпи, за которыя держали его съ той и съ другой стороны два молодые палача, чисто и нарядно одѣтые (должность палача не считается у нихъ безчестною); спереди и сзади

шла янычарская стража, а со всѣхъ сторонъ смотрѣло безчисленное множество людей верхомъ на коняхъ и въ повозкахъ. Какъ только появился преступникъ, поднялся великій крикъ въ народѣ: кричали и мужчины и женщины, какая жалость загубить такого молодца, и всѣ сердечно жалѣли объ немъ и упрашивали его потурчиться—«а мы де станемъ самого султана просить, чтобы даровалъ тебѣ жизнь». Но онъ рѣшительно отказался, и ни за что не хотѣлъ потурчиться. Когда вели его мимо дома чауса паши, послалъ паша своего чиновника сказать ему, что если онъ потурчится, то не только живъ останется, но и можетъ взять себѣ въ жены свою красавицу. Но юноша не далъ соблазнить себя, и отвѣчалъ ему, что онъ рожденъ отъ христіанскихъ родителей, крещенъ и выросъ христіаниномъ и христіаниномъ же умереть хочетъ.

Привели и жену изъ другой тюрьмы и посадили на мула; около нея шло множество женъ закутанныхъ, сама же она была безъ покрывала, и чудесные ея волосы были заплетены въ косы на двѣ стороны, и сзади еще одна коса висѣла; на ней была красная кармазинная сукня, а на шеѣ жемчужное ожерелье и въ ушахъ дорогія жемчужины; чудно какъ была она хороша и все время плакала такими горькими слезами, что у всѣхъ сердце надрывалось на нее глядя. Когда привели ее палачи къ сералю чауса паши, и объявили ей, что паша послалъ сказать молодому греку, про-

сила она палачей, нельзя ли подвесть ее поближе къ ея милому, а увидѣвши его, залилась слезами и долго не могла промолвить ни слова. Наконецъ, съ воплемъ произнесла имя его и стала по гречески просить и молить его, ради Бога, чтобы сжалился надъ младостью ихъ обоихъ, согласился бы потурчиться, и оба они жили бы вмѣстѣ много лѣтъ въ утѣхѣ и въ радости. Сказывали намъ потомъ греки, которые все то слышали, что она ему говорила. Вотъ каковы были ея рѣчи: Ахъ, сжалься, сжалься ты надъ моей юностью! вспомни, что мы были бы мужемъ и женой, когдабъ не случилось это несчастье. Проклятъ буди тотъ часъ, когда шла я тогда въ баню! Въ твоихъ рукахъ теперь и жизнь моя и смерть—не упрямься, ради Бога, прими что тебѣ предлагаетъ великій паша, смилуйся надъ нами, надъ родными нашими и ближними—неужели у тебя сердце каменное, что ты можешь насъ избавить и не хочешь? Подумай, какъ намъ въ юности нашей умирать; пусть еще солнце намъ свѣтитъ и мѣсяцъ ясный! Скажи одно слово, ради Бога, скажи, что хочешь потурчиться!» На все эти рѣчи онъ ей сказалъ одно, чтобъ она напрасно не старалась его уговаривать, а лучше поручила бы душу свою Господу Богу.

Когда услышали турки это слово, заскрежетали на него зубами и съ великимъ гнѣвомъ стали кричать: ахъ ты, проклятый измѣнникъ, песъ, такой-то красавицы ты не хочешь! И такъ съ великимъ крикомъ и

шумомъ провожали его на мѣсто казни, и она съ плачемъ ѣхала за нимъ на мулѣ, а жены турецкія и турки утѣшали ее и унимали. Привели ихъ, наконецъ, за Ункапи, то есть за Песочныя ворота, подъ самую деревянную висѣлицу; на ней висѣло шесть огромныхъ крючьевъ, и два палача, заворотивъ рукава, увязывали на ней веревки, которыми надо было подтягивать его вверхъ; тотчасъ стащили съ него сукню и прочее платье, оставивъ на немъ только полотняную исподницу, руки и ноги связали ему назадъ, и стали на тѣхъ веревкахъ подтягивать его на висѣлицу выше человѣческаго роста...

Въ эту минуту молодая гречанка только что выѣхала изъ воротъ, неподалеку отъ висѣлицы, и взглянувъ, обомлѣла. Придя въ себя, пришла она еще сказать ему слово, нельзя-ли еще уговорить его. Привели ее подъ висѣлицу, и она, поднявъ руки кверху, еще разъ долго съ плачемъ говорила ему, припоминаючи всю ихъ прежнюю любовь другъ къ другу съ самаго дѣтства, и опять умоляла его сказать одно только слово, что хочетъ быть туркомъ. „Твое ли это сердце,—говорила она, прежде было такое жалостливое ко мнѣ, а теперь превратилось въ камень! Что на умѣ у тебя? Что при себѣ держишь и мнѣ ни слова не хочешь вымолвить? Ахъ, буди проклята любовь та, что я къ тебѣ имѣла!“ Наконецъ разгнѣвавшись, что онъ ей ни слова не говоритъ и не соглашается потурчиться, всю любовь свою къ нему пе-

ремѣнила на злобу, и стала говорить такія слова: „не стоилъ ты того, песъ, чтобы я тебя такъ любила, измѣнникъ, поганый, жидъ! умирай же, когда самъ хочешь умирать,—и за тебя я невинно терплю лютую смерть—кто меня теперь избавитъ! Ахъ, кто меня утѣшитъ, добрые люди!“ И опять лишилась чувствъ.

Турки, видя что преступникъ не хочетъ потурчиться, съ гнѣвомъ заскрежетали на него зубами, и стали кричать, требуя чтобы его тотчасъ подняли на крюкъ. Тогда два палача стали на висѣлицу, подняли его на полъ локтя надъ крюкомъ и вонзили на крюкъ. Тутъ все множество женъ и мужчинъ обступило со всѣхъ сторонъ молодую женщину, и конечно, еслибы не было на мѣстѣ сильной стражи, не дали бы они утопить ее, а ежелибъ тутъ былъ тотъ чаусъ, то кажется, случилось бы съ нимъ тоже, что съ древнимъ Орфеемъ, который разорванъ былъ на куски разсвирѣпѣвшими женщинами, или турки, которые разразились на него страшною бранью, побили бы его каменьями. Но пока преступница творила свои молитвы, всѣхъ женщинъ разогнали отъ нея, и онѣ разбѣжались съ воплемъ и плачемъ, а она уже сама себя не помнила и стояла, какъ полотно блѣдная. Тутъ палачъ ссадилъ ее съ мула, связалъ ей двумя полотенцами руки и ноги, обвязалъ третье вокругъ пояса, потомъ снесъ ее и положилъ въ небольшую лодку на дно, и отъѣхавъ не далеко отъ берега (висѣлица стояла на самомъ берегу) продѣлъ ей длинный шестъ сквозь поясъ, на томъ

шестѣ спустилъ ее изъ лодки легонько въ воду и держалъ такъ подъ водою, покуда совсѣмъ задохлась. Тогда вынули тѣло изъ воды, положили, обернувъ въ простыню, на носилки, и проводили съ турецкими пѣснями въ могилу. А тотъ несчастный юноша до третьяго дня висѣлъ, еще живъ, на крюкѣ и жалобно стоналъ отъ мучительной жажды, прося чтобы дали ему напиться, но никто не смѣлъ исполнить его просьбу. На третью ночь кто то, сжалясь надъ нимъ, прострѣлилъ ему голову; кто это сдѣлалъ, не могли допытаться.

Еще случилось, что привели какого то воеводу валашскаго, который пытался возмутить народъ противъ турецкаго султана и противъ другого воеводы, султаномъ посаженнаго, домогаясь самъ быть на его мѣсто воеводою. Валахи, отрѣзавши ему носъ и уши, прислали его въ Константинополь, гдѣ султанъ велѣлъ поднять его на крюкъ безъ милосердія. Былъ онъ статный молодецъ, умѣлъ говорить на нѣсколькихъ языкахъ, по латыни, по гречески, по волошски, по венгерски. Видѣли мы тоже не разъ, какъ туркамъ рубили головы и вѣшали ихъ; инымъ связывали руки и ноги, и, подрѣзавъ горло какъ телятамъ, оставляли ихъ лежать неподвижно, покуда изойдутъ кровью; иныхъ, поставивъ ихъ на ноги, клали на горло петлю, продѣвали въ нее палку и такъ затягивали петлю, поднимая на пядь отъ земли, но не вѣшали. Такъ-то жестоко расправляются турки съ преступниками, и расправа у нихъ быстрая.

Когда уже осмотрѣли мы все что можно было видѣть въ городѣ и въ окрестности, стали просить своего янычара Мустафу, не можетъ ли онъ, если нѣтъ опасности, показать намъ какую нибудь красивую турчанку, чтобы увидѣли мы, каковы и хороши ли въ Турціи женщины; онъ обѣщалъ намъ, что постарается. Черезъ нѣсколько дней повелъ онъ насъ на прогулку по морю; мы сѣли съ нимъ и съ другими янычарами въ лодку и подъѣхали къ одному саду: туда они и повели насъ. Тутъ оставили они насъ съ своимъ отрокомъ и пошли дальше въ другой садъ, гдѣ оставались довольно долго, потомъ, вернувшись, повели насъ съ собою туда, говоря что тамъ есть у нихъ знакомыя женщины. Насъ было всего четверо христіанъ, и идучи съ тѣми янычарами завидѣли мы еще издалека въ саду пять либо шесть женщинъ. Бывшій при янычарахъ нашихъ отрокъ имѣлъ при себѣ тростниковую пищалку въ родѣ дудки, и заигралъ на ней турецкую пѣсню. На этотъ звукъ женщины встрепенулись и стали смотрѣть гдѣ это играютъ; тогда нашъ янычаръ, выступивъ впередъ и склонивъ голову едва не до колѣнъ, подбѣжалъ къ нимъ, поцѣловалъ руку у каждой и просилъ ихъ не огнѣваться, что привелъ съ собою въ садъ четырехъ гяуровъ, то есть христіанъ. Довольно долго разговаривалъ онъ съ ними, и потомъ сталъ звать насъ, чтобы подошли. Подойдя къ нимъ, мы тоже поцѣловали имъ руки и стали извиняться что не вѣдаючи о нихъ, зашли въ садъ, и просили

не прогнѣваться на насъ. Не вдалекѣ оттуда была бесѣдка, въ которую и пошли тѣ женщины, а мы за ними, и идучи, стали какъ умѣли съ ними разговаривать, а чего не умѣли объяснить, то за насъ янычаръ передавалъ имъ. По усильной его просьбѣ открыли онѣ намъ свои лица; только ничего особеннаго красиваго въ нихъ не было: всѣ смуглыя, черноокія, волосы и брови выкрашены. Велѣли подать яблоковъ, померанцевъ и другихъ фруктовъ, и угощали насъ. Побывъ у нихъ нѣсколько времени, распрощались и ушли.

При этомъ случаѣ не могу не упомянуть объ одной турчанкѣ, которая была въ знакомствѣ съ нашимъ янычаромъ Мустафою. Молодая она была и очень красивая женщина; однажды позвалъ онъ ее къ себѣ обѣдать, и я къ тому обѣду приготовилъ ему превосходнаго вина и сладостей, за что онъ былъ особенно ласковъ ко мнѣ какъ къ чеху. У этой женщины былъ мужъ престарый, ревнивый и подозрительный. Часъ къ обѣду назначенъ былъ вечерній (такъ какъ въ эту пору нашъ чаусъ уходилъ на молитву), и она, придумывая какъ бы ей устроить свой приходъ къ этому часу, объявила своему мужу, что пойдетъ въ баню, и отправилась, взявши съ собою двухъ невольницъ: дорога имъ была мимо нашей гостинницы, и вслѣдъ за нею невольницы несли на головахъ бѣлье и платье въ мѣдныхъ жбанахъ, покрытыхъ коврами.

Недалеко отъ насъ, съ поль-гона *), была прекрасная женская баня, которую выстроила жена турецкаго султана, родомъ русская; въ ту баню, подъ страхомъ смерти, не смѣетъ войти ни одинъ мужчина. Идучи мимо нашего дома, та турчанка дала знать янычару, что будетъ къ обѣду. А ревнивый мужъ шелъ за нею слѣдомъ (что ей было очень извѣстно), сѣлъ противъ самой бани и за нею надсматривалъ. Но можетъ ли кто перехитрить женскую хитрость! Мимо нашего дома прошла въ зеленомъ платьѣ, а съ собою было у нея другое, которое надѣла въ банѣ, и оставивъ тамъ своихъ служительницъ, вышла вонъ изъ бани и къ янычару пришла въ красномъ платьѣ. Онъ ее принялъ у себя въ комнатѣ, угостилъ какъ надобно, и послѣ обѣда проводилъ заднимъ ходомъ изъ дому; а она пошла опять въ баню, вымылась и вернулась домой вмѣстѣ съ мужемъ. Не могъ я тогда довольно надивиться такой женской хитрости, и часто, вспоминая про то съ янычаромъ, отъ души смѣялся.

Между тѣмъ нашъ панъ посолъ купилъ шесть прекрасныхъ турецкихъ коней; изъ нихъ одинъ, пѣгій, былъ необыкновенно красивъ, купленъ за сто дукатовъ. Заказаны были двѣ сбруи, которыя стали не менѣе какъ въ двѣ тысячи дукатовъ, и когда посолъ нашъ выѣзжалъ на томъ конѣ, множество было зѣ-

*) Гонъ, стадія, 125 шаговъ.

вакъ и завистниковъ, и люди громко говорили, такъ что онъ слышалъ: „какая де жалость, что на такомъ конѣ ѣздитъ гяуръ“. Затѣмъ наконецъ панъ посолъ поручилъ мнѣ особенно присмотръ, чтобы конюхи ходили за нимъ какъ слѣдуетъ. Каждый день мы съ янычаромъ проѣзжали его на гипподромѣ или алмейданѣ и пускали его съ турками на призъ; такъ случалось мнѣ часто выигрывать у турокъ закладъ на угощенье, которое и устраивалось неподалеку отъ нашего дома, за то потомъ и мы звали ихъ къ себѣ и угощали отмѣнно. Такъ проводили мы тотъ годъ въ радости и во всякихъ увеселеніяхъ, и столько были довольны, что лучшаго житья и не желали себѣ.

Но на слѣдующій годъ счастье наше стало отворачиваться. Денежная дань, которую должно было каждогодно платить султану, на этотъ разъ не была прислана; за это Гассанъ паша сдѣлалъ набѣгъ на Хорватію, захватилъ крѣпость Выгиштъ, и съ великимъ торжествомъ привелъ въ Константинополь 300 христіанскихъ плѣнниковъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ нести пять или шесть отрубленныхъ и набитыхъ головъ христіянскихъ. Турки, возвращаясь съ добычей и съ плѣнными христіанами, ѣхали мимо нашего дома; на чалмахъ у нихъ были брауншвейгскія шапки, у пояса большія серебряныя сабли на серебряныхъ перевязяхъ, пики и сѣкиры; впереди ѣхали два трубача нѣмецкихъ и трубили, а за ними шелъ бубенникъ съ бубномъ и пищальникъ съ дудкою. За-

тѣмъ ѣхало нѣсколько сотъ повозокъ, и на нихъ сотни женъ, дѣтей, дѣвчатъ и ребятъ; жалость была смотрѣть на нихъ, какъ матери держали на рукахъ малыхъ дѣтей, грудныхъ еще младенцевъ; видѣли мы тутъ старухъ, которыя съ воплемъ и рыданіемъ несли въ рукахъ отсѣченныя головы мужей своихъ! А турки, восхищаясь этимъ торжествомъ, ликовали съ громкими криками и прославляли Гассана пашу, что онъ одержалъ побѣду и прислалъ въ Константинополь плѣнныхъ христіанъ; всѣ кричали ему: Аперимъ, Гассанъ паша! то есть Гассанъ паша, Богъ въ помощь! На другой день, рано утромъ, десятую часть изъ тѣхъ плѣнныхъ отвели на долю султану, а остальныхъ отослали на рынокъ Ауратъ базаръ, то есть женскій торгъ. Жалостное зрѣлище на томъ торгу каждому христіанину видѣть, какъ тутъ всѣхъ христіанъ продаютъ и уводятъ; одинъ купитъ мать, другой дѣтей, иной малыхъ ребятъ, иной дѣвчатъ, и такъ всѣ родные и кровные разлучаются другъ отъ друга въ неволю, въ разныя стороны, и не увидятся до смерти.

На томъ торгу сидятъ на отдѣльныхъ мѣстахъ, кучками, старики, взрослые мужчины, молодые люди, дѣвчата, старухи, взрослыя дѣвицы, жены съ грудными младенцами; кто хочетъ купить себѣ невольника, выбираетъ изъ нихъ и ведетъ въ особливую каморку, которая тутъ же на торгу поставлена, раздѣваетъ до нага, осматриваетъ съ головы до ногъ, и если понравится ему, покупаетъ, а если нѣтъ, идетъ прочь и

смотритъ другихъ, такъ что несчастные люди каждый почти часъ должны снимать съ себя свои лохмотья и раздѣваться до нага. Пища имъ—кусокъ хлѣба, питье—вода, и то въ скудости. Кто самъ не испыталъ, тотъ и не повѣритъ, да и повѣрить нельзя, какова та бѣда и нужда, въ которой живутъ турецкіе невольники: турки хуже нежели со псомъ съ ними обращаются; покуда живъ человѣкъ, работаетъ,—а не можетъ работать—снимутъ голову. Счастье человѣку, когда доведется ему быть убитымъ на войнѣ, лишь бы не попасть въ такую страшную и бѣдственную долю, въ которой и днемъ и ночью, весь вѣкъ несносное мученіе.

Счастье начало измѣнять намъ съ той поры, какъ случился янычарскій бунтъ; янычары, за то что не выдавали имъ жалованья, подняли бунтъ на дефтердара, то есть на главнаго начальника казны, перебили у него семь человѣкъ прислуги, и едва наконецъ усмирилъ ихъ верховный паша, а чаусъ паша смѣщенъ былъ со всѣхъ должностей своихъ, за то что допустилъ ихъ до бунта. Нашъ посолъ, замѣчая явно, что турки готовятся къ войнѣ, старался вывѣдывать, что готовится землѣ венгерской въ тайныхъ совѣтахъ при султанскомъ дворѣ; не жалѣлъ денегъ, и аги и служители придворные за большіе подарки передавали всѣ замыслы турецкаго двора, черезъ одну женщину: наконецъ извѣстили они, что въ тайномъ совѣтѣ рѣшено идти войной на Венгрію.

Въ скорости далъ знать посолъ нашему цесарю, черезъ Венецію, чтобы готовился къ отпору въ Венгріи. До насъ же вѣсти доходили не только за деньги отъ султанскихъ дворцовыхъ служителей, но и сама мать султанова, услышавъ отъ султана про Венгрію, извѣстила о томъ нашего посла черезъ жидовку, которой за то дана была большая награда; только та жидовка не въ домъ къ намъ приходила, а тайно передала вѣсть. Да и главные начальники турецкіе объявили послу, что, по всей вѣроятности, Гассанъ паша пойдетъ къ Шишеку и возьметъ его силою. Такъ и случилось; онъ пошелъ къ Шишеку съ великою силой и много учинилъ раззоренія, только на этотъ разъ Богъ по милости своей помогъ нашимъ христіанамъ, хотя ихъ малая горсть была въ сравненіи съ турками, такъ что Гассанъ съ лучшими своими воинами и со множествомъ отборныхъ людей, побитъ былъ нашими. Когда пришла вѣсть объ этомъ въ Константинополь, возмутился весь городъ, и какъ прежде люди кричали ему въ восторгѣ хвалебныя слова, такъ теперь слышались крики жалости и отчаянія.

Какъ уже теперь видно было, что мы ничего добраго не можемъ ждать себѣ, то задумалъ я уѣхать съ армянскими купцами сухимъ путемъ черезъ Персію въ Египетъ, а оттуда пробраться черезъ Іерусалимъ въ Венецію, и моремъ изъ Венеціи вернуться домой. Я уже понемногу заготовилъ себѣ и все нужное на дорогу, и только ждалъ удобнаго случая. Де-

негъ хотѣлъ дать мнѣ въ займы посолъ, и я писалъ домой роднымъ чтобы прислали мнѣ денегъ, такъ что уже совсѣмъ положилъ, если будетъ воля Божія, пуститься въ этотъ путь на невѣдомыя земли; только воли Божіей на то не было.

Въ ту пору сестра турецкаго султана, у которой сынъ погибъ въ бою съ Гассаномъ, услышавши эту вѣсть, побѣжала, растрепавъ волосы, какъ безумная бросилась къ султану, и упавъ къ ногамъ его, молила о мщеніи христіанамъ. Посолъ нашъ, которому не разъ напоминали, отъ чего такъ долго не шлютъ ежегодной дани, отвѣчалъ, что сами турки въ томъ виноваты, для чего они первые нарушили миръ, захватили крѣпость Выгиштъ въ хорватской землѣ и нѣсколько сотъ людей увели въ неволю; желая при томъ смягчить разгнѣванныхъ на такой отвѣтъ турокъ, просилъ позволенія послать въ Вѣну нѣсколько человѣкъ изъ дворянъ своихъ. Получивъ разрѣшеніе, послалъ онъ тотчасъ Яна Перлингера, Яна Маловеча и Габріеля Ивана секретаря, чтобы довели до свѣдѣнія цесаря о намѣреніяхъ турецкаго двора. Двое изъ нихъ вернулись назадъ, а на мѣсто Ивана присланъ былъ за секретаря нѣкто Бон-Омо. Но уже мѣсяца черезъ три всюду огласилось безъ утайки, что скоро начнется война въ Венгріи. Султанъ турецкій призвалъ къ себѣ Синана пашу, перваго ненавистника христіанамъ, и назначилъ его визиремъ или главнокомандующимъ надо всѣмъ войскомъ; ночью прово-

жали его изъ султанскаго дворца въ его дворецъ съ факелами и съ великимъ почетомъ, и по всему городу слышны были крики, радостныя восклицанія и шумъ отъ толпы двигавшейся по освѣщеннымъ улицамъ.

Въ ту пору пріѣхалъ къ намъ моремъ панъ Карель Заградецкій изъ Моравіи; онъ ѣхалъ на богомолье черезъ Венецію въ Іерусалимъ, но чувствуя себя нездоровымъ, не рѣшался предпринять далекій путь по морю; присталъ онъ въ нашемъ домѣ, и накупивъ себѣ нужныхъ вещей на дорогу, хотѣлъ вернуться въ христіанскія земли черезъ Венецію; прежде нежели Синанъ паша назначенъ былъ визиремъ, успѣлъ онъ достать себѣ дозволительный листъ на отъѣздъ моремъ въ Венецію, и уложивъ всѣ свои вещи, собирался уже на другой день выѣхать. Между тѣмъ Синанъ паша прислалъ къ намъ сказать, чтобы панъ посолъ къ нему пріѣхалъ для нѣкоторой надобности. Панъ посолъ, не мѣшкая, велѣлъ привести воронаго коня, но когда хотѣлъ сѣсть на него, тотъ никоимъ способомъ не давалъ садиться, и велѣно было осѣдлать другаго, пѣгаго коня. Пріѣхавши панъ посолъ къ Синану пашѣ, сталъ поздравлять его съ новою должностью и выразилъ, что радуется его назначенію, а тотъ со злобнымъ смѣхомъ сталъ его спрашивать: въ правду ли полно радуется: нечего-де кажется тому радоваться, отъ того что будетъ его дѣло не на пользу, а на погибель гяурамъ. Потомъ сталъ еще дальше

приставать къ нему, для чего не платятъ дани, и за то-де панъ посолъ со всѣми своими людьми головой отплатить долженъ. Но панъ посолъ, не смутясь, сталъ ему доказывать что сами турки тому причиной, зачѣмъ они первые нарушили миръ. На это Синанъ, прійдя въ ярость, сказалъ: а возвратите ли вы намъ тѣхъ храбрыхъ витязей, которые въ Венгріи у васъ побиты, изъ нихъ-де каждый дороже стоитъ нежели всѣ гяуры вмѣстѣ. При этомъ, разсвирѣпѣвъ совсѣмъ и поблѣднѣвъ отъ злости, сталъ всячески грозить ему и выказывать свой злой умыселъ, что хочетъ учинить месть надъ нашими людьми. Панъ посолъ, видя его въ такомъ гнѣвѣ, не хотѣлъ ему дольше противорѣчить, а только объявилъ ему спокойнымъ тономъ, что покуда миръ не будетъ возстановленъ и содержимъ вѣрно и добросовѣстно, и покуда не возвращены взятыя крѣпости, до тѣхъ поръ турки не получатъ и дани.

Тутъ, когда хотѣлъ посолъ нашъ ѣхать домой, произошелъ случай въ которомъ всѣ мы увидѣли несчастную для себя примѣту: пѣгій конь, на которомъ пріѣхалъ панъ посолъ, никоимъ способомъ не давалъ сѣсть на себя, грызся, метался, становился на дыбы, чего прежде никогда съ нимъ не бывало. Посолъ долженъ былъ доѣхать до дому на конѣ своего гофмейстера. Какъ только въѣхали мы въ домъ, тотчасъ по приказанію Синана загородили наши ворота желѣзными затворами, и такъ несчастный Заградецкій,

промедливъ у насъ нѣсколько дней чтобъ осмотрѣть городъ, долженъ былъ остаться съ нами въ домѣ и раздѣлить съ нами несчастье, тяжкую неволю нашу, такъ какъ турки ни за что не позволили ему выѣхать изъ дому.

Убавили намъ продовольствія и всего прочаго; стали давать такъ мало, что панъ посолъ долженъ былъ послать къ пашѣ чаусовъ и просить, чтобъ ему по крайней мѣрѣ позволено было покупать за свои деньги нужные припасы на рынкѣ. И сдѣлано было распоряженіе, чтобы каждый день кухонный писарь съ янычаромъ ходилъ на рынокъ, только никуда больше, для закупки припасовъ; а янычару приказано строго смотрѣть чтобы писарь ни съ кѣмъ изъ христіанъ не разговаривалъ, и никому не передавалъ бы никакого письма. Такъ въ томъ домѣ оставались мы заперты точно въ тюрьмѣ, и никто никоимъ образомъ не могъ выйти изъ дому.

Въ ту пору случился въ Константинополѣ такой сильный моръ, что 80,000 турокъ померло отъ болѣзни, какъ сказывали намъ янычары; и мы сами изъ дому своего видѣли, какъ цѣлый день носили множество покойниковъ въ гробахъ, въ иныхъ домахъ бывало по два и по три и по четыре мертвеца; и всюду выпаривали и обмывали заразу горячей водою. Тоска одолѣвала насъ смотрѣть и ничего не видѣть кромѣ множества мертвыхъ тѣлъ. Изъ нашего дому умерло отъ того мору до шести человѣкъ, хотя мы

каждый день принимали всякія лекарства. Тѣхъ нашихъ покойниковъ позволили намъ похоронить въ Галатѣ, и провожать ихъ позволено было не болѣе какъ троимъ или четверымъ; а погребальный обрядъ справляли францисканскіе монахи, у которыхъ тамъ шесть монастырей. Отъ смраду и отъ страху переболѣло у насъ больше половины людей. И я по зимѣ заболѣлъ тяжко и до весны пролежалъ больной нѣсколько недѣль; и лекаря, которые за мной ходили, уже не чаяли что въ живыхъ останусь, однако выздоровѣлъ.

Во время того мору мѣсяца три или четыре не слыхать было о войнѣ; а когда миновалась болѣзнь, опять стали явно говорить на улицахъ, что пора готовиться на войну противъ гяуровъ и противъ вѣнскаго короля и доставать знатную добычу. Вскорѣ изо всѣхъ областей стало сбираться въ городъ множество войска, военные стали ходить по улицѣ цѣлыми ротами, и на коняхъ ѣздили, а когда кого нибудь изъ насъ увидятъ въ окошко, показывали знаками, какъ намъ будутъ рубить головы. Словомъ, все готовилось къ великой войнѣ. Послу нашему хотѣлось развѣдать все въ правду, какіе будутъ военные начальники, и сколько всего будетъ военной силы; онъ не жалѣлъ денегъ, нанималъ шпіоновъ, и такъ узнавалъ не мало о тайныхъ совѣщаніяхъ и намѣреніяхъ турецкаго двора; все это онъ самъ записывалъ и потомъ поручалъ секретарю переводить на шифрованное письмо, хотя какъ можно скорѣе сообщить извѣстія

нашему цесарю. Эти тайныя записи спрятаны были въ комнатахъ подъ поломъ въ безопасномъ мѣстѣ, въ такомъ секретѣ, что никто изъ насъ объ нихъ не вѣдалъ. И хотя гофмейстеръ нашъ видалъ нѣсколько разъ людей, когда они носили эти бумаги, не могъ онъ потомъ допытаться, гдѣ онѣ спрятаны.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Арестъ и заключеніе цѣлаго посольства.

Въ это самое время случилось, что нашъ гофмейстеръ, Ладиславъ Мертенъ, вмѣстѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, уличенъ былъ въ гнусномъ порокѣ. Когда донесли объ этомъ пану послу, онъ приказалъ одного виновнаго заковать въ желѣзы, а гофмейстера арестовать въ его комнатѣ, взявъ съ него обязательство подъ честнымъ словомъ, что онъ до обѣденнаго часа никуда выходить не будетъ. Когда турки заперли намъ ворота затворами, то и мы съ своей стороны заперлись извнутри, чтобы и турки къ намъ по своей волѣ не входили. Ключъ отъ воротъ поручилъ посолъ кухонному писарю, приказавъ, чтобы безъ особаго его разрѣшенія никого не впускалъ въ домъ и не выпускалъ изъ дому.

И такъ тотъ гофмейстеръ, воспользовавшись тѣмъ, что присмотру за нимъ не было, улучилъ рано поутру минуту, когда писарь выходилъ изъ дому маленькою дверью для закупки провизіи, и прокравшись неза-

мѣтно вслѣдъ за нимъ, выбрался изъ дому. Какъ вышелъ на улицу, такъ закричалъ громкимъ голосомъ, что хочетъ быть мусульманиномъ. Чаусъ, бывшій на стражѣ у нашего дома, услышавъ тотъ крикъ, съ великой радостью тотчасъ повелъ гофмейстера къ пашѣ и объявилъ ему о томъ безбожномъ умыслѣ. Паша сталъ всячески похвалять его, и очень былъ доволенъ, что переходитъ къ нимъ такой замѣтный человѣкъ, домоправитель христіанскаго посольства, далъ ему тотчасъ нарядное турецкое платье пунцовое, подарилъ чалму и красиваго коня съ уборомъ, и велѣлъ вести его съ нарядною свитою на обрѣзаніе.

Когда вели этого несчастнаго на обрѣзаніе, мимо нашего дома, впереди его и сзади ѣхало и шло нѣсколько сотъ военныхъ людей, конныхъ и пѣшихъ; проходя мимо насъ, они кричали намъ угрозы и ему привѣтствія; а онъ съ гордымъ и торжествующимъ видомъ, красуясь на конѣ, выказываясь передъ нами, и глядѣлъ на наши окна. Послѣ обрѣзанія ему положено было, какъ сказывали намъ, жалованье по 40 аспровъ на день, что у нихъ считается знатною платой. У этого отступника была въ Прагѣ молодая жена, родомъ Перштейнова, и жила на службѣ управительницей при дворѣ, и при ней сынъ малолѣтный; но онъ на все это не обратилъ вниманія, забылъ и душу свою и жену и сына, тотчасъ взялъ себѣ жену турчанку, и часто ходилъ и ѣздилъ мимо нашего дома. Нашъ панъ посолъ очень былъ смущенъ этимъ про-

исшествіемъ, и опасался, чтобы этотъ злодѣй, которому извѣстны были всѣ наши обычаи, не навелъ на насъ всяческой бѣды и несчастья: такъ потомъ и оказалось.

Однажды пришелъ тотъ гофмейстеръ къ Синану пашѣ и сталъ ему говорить: я-де былъ прежде христіаниномъ и своему королю держалъ присягу, а теперь, ставши мусульманиномъ, хочу показать свою вѣрность султану и всѣмъ пашамъ, и для его власти и славы, ничего, даже головы своей не пожалѣю. И если-де хочетъ великомочный паша, чтобы я показалъ свою вѣрность султану своему и всему турецкому народу, пусть велитъ мнѣ вмѣстѣ съ турками, кто назначенъ будетъ, обыскать посольскую канцелярію христіанскаго цесаря; я-де тамъ отыщу и предъявлю пашѣ такія вещи, что всѣ только дивиться станутъ, какъ и черезъ кого онѣ могли дойти до христіанскаго посла; тутъ-де окажется, что самыя первыя особы и начальники султанскаго правленія не устыдились, безъ вѣдома его, переносить послу тайные совѣты, чтобы король вѣнскій, свѣдавъ о турецкихъ замыслахъ, могъ заблаговременно приготовиться и собрать со всей имперіи потребную помощь.

Паша счелъ это важнымъ дѣломъ, и похваливъ доносителя за вѣрность, не только разрѣшилъ ему произвесть обыскъ въ канцеляріи у христіанскаго посла, но и далъ ему еще для этого начальныхъ чаусовъ, въ томъ числѣ одного испанца и нѣсколько потурченыхъ

волоховъ, съ приказомъ — смотрѣть за всѣмъ какъ можно старательнѣе и наблюдать, чтобы тому шельмѣ гофмейстеру (названному при потурченіи Алибегомъ) не было ни въ чемъ сопротивленія.

За день передъ тѣмъ приказалъ посолъ секретарю принесть ему шифрованныя письма, и когда смотрѣлъ ихъ, показалось ему, какъ будто въ нихъ что-то пропущено; секретарь въ это время игралъ на дукаты съ другими служителями рыцарскаго чина. Между тѣмъ панъ посолъ велѣлъ ему достать изъ потаеннаго мѣста подлинныя записи, для повѣрки, и удостовѣрившись что все написано какъ слѣдуетъ, приказалъ ему тотчасъ отнесть тѣ записи обратно и спрятать по прежнему. Но секретарю въ ту пору дороже всего показалась игра, и онъ, забывъ свою должность и присягу, которую приносилъ Господу Богу и его цесарскому величеству, какъ только вышелъ изъ канцеляріи, положилъ тѣ записи въ первый попавшійся шкафъ, и сѣлъ опять за игру свою. Видно, когда есть на что судьба и опредѣленіе Божіе, ни къ чему не служитъ никакое человѣческое смотрѣніе и забота.

На другой день раннимъ утромъ пришелъ тотъ несчастный Алибегъ съ пятьюдесятью начальными турками къ нашему дому и сталъ стучать въ ворота; а ключи отъ воротъ были у кухоннаго писаря и висѣли въ кухнѣ на стѣнѣ; на тотъ стукъ всталъ поваренокъ и безъ всякаго опасенія, снявъ ключи со стѣны, отворилъ имъ ворота. Они вошли какъ можно тише въ

домъ, и неожиданно появились въ комнатѣ у посла, приведя его и всѣхъ насъ въ страхъ и изумленіе. Тутъ начальный чаусъ объявилъ пану послу на волошскомъ языкѣ, что они присланы съ Алибегомъ отъ великаго Синана паши съ такимъ порученіемъ: дошло-де до Синана свѣдѣніе, что онъ вывѣдываетъ всякія ихъ намѣренія и передаетъ своему королю все что дѣется при дворѣ велемощнаго султана; и потому имѣетъ-де онъ посолъ тотчасъ отперетъ свою канцелярію и допустить того Алибега произвесть въ ней повсюду осмотръ.

Выслушавъ ту рѣчь панъ посолъ приказалъ принесть сладкую наливку и сластей, и просилъ ихъ садиться. Притомъ далъ противу порученія паши такой отвѣтъ: кажется-де совсѣмъ неприличное это дѣло производить осмотръ въ канцеляріи римскаго цесаря, ради одной только клеветы, взведенной на нихъ тѣмъ бездѣльникомъ и измѣнникомъ, бывшимъ его домоправителемъ. Затѣмъ, обратясь къ нему самому сталъ въ лицо убѣждать его, чтобъ онъ вспомнилъ жену свою и дѣтей, и что не уйти ему отъ возмездія Божескаго. Но турки стали говорить послу, чтобы онъ не вступалъ съ нимъ въ рѣчь и оставилъ бы его въ покоѣ, такъ какъ тотъ человѣкъ уже не слуга ему и сталъ мусульманиномъ, и понуждали отворить немедленно свою канцелярію, чтобы они могли исполнить приказаніе паши. И такъ, видя что нельзя тому воспрепятствовать, послалъ панъ къ секретарю, поти-

хоньку спросить его: спряталъ ли онъ тѣ вещи (то есть записи), о которыхъ ему извѣстно? Онъ, сидя за картами, отвѣчалъ пану, чтобы не безпокоился, и самъ, придя къ нему, подтвердилъ, что все спрятано какъ слѣдуетъ: видно на этотъ часъ Господь Богъ по грѣхамъ нашимъ отнялъ у него всю память.

Между тѣмъ чаусы настоятельно требовали, чтобы отворили имъ канцелярію; панъ приказалъ секретарю отпереть, самъ пошелъ съ ними, и все время твердилъ тому бездѣльнику — «открывай-де важные секреты, добудешь себѣ за то великія милости отъ паши, а можетъ и отъ султана — тогда подѣлись и со мною»; притомъ съ насмѣшкою напоминалъ ему, чтобы глядѣлъ хорошенько, какъ передъ Богомъ «не найдешь-де ничего подозрительнаго, а я тебя къ тому привести хочу, что ты за свой лживый доносъ и за поруганіе послу будешь наказанъ и вздѣнутъ тебя на крюкъ». На это несчастный отступникъ отвѣчалъ: дай только мнѣ все осмотрѣть. И когда отворили канцелярію, онъ заглядывалъ всюду съ великимъ страхомъ, такъ что самъ трясся, и нашелъ только простыя письма, которыя писали намъ изъ Вѣны товарищи и знакомые. Отворили ему всѣ ящики, но и тамъ не нашелъ ничего кромѣ счетовъ и другихъ незначущихъ бумагъ. А панъ все на него посмѣивался и приставалъ къ нему: «ищи-де хорошенько, добирайся до секретовъ, принесешь нашѣ важныя вещи, чтобы было за что тебя повѣсить».

И такъ готовъ былъ уже безбожникъ идти вонъ изъ канцеляріи, какъ увидѣлъ за дверью шкапъ и велѣлъ его отворить себѣ. Тутъ только опамятовался секретарь, и вспомнивъ какія неоцѣненныя вещи положилъ туда, взглянулъ на пана. А панъ воображалъ, что тѣ вещи упрятаны куда слѣдовало, и на сердце ему не входило, чтобъ секретарь могъ быть такъ безпеченъ, такъ что онъ и тутъ сталъ приставать къ измѣннику со смѣхомъ, приговаривая: „вотъ тутъ и есть, вотъ гдѣ лежитъ", и смѣясь приказалъ отперетъ шкапъ. Какъ только Алибегъ вложилъ туда руку, такъ и напалъ на тѣ записи, всего листовъ съ шесть, захватилъ и взялъ изъ шкапа. Узнавъ свои бумаги, панъ весь поблѣднѣлъ какъ полотно, и едва удержась на ногахъ, оперся къ стѣнѣ, а несчастный гофмейстеръ, поглядывая на него, кричалъ: «вотъ чего я искалъ!—больше мнѣ ничего не нужно», и выйдя изъ канцеляріи съ веселымъ видомъ, сталъ хвалиться передъ турками своею находкой. Насъ тутъ много было, но мы не могли понять, что взялъ этотъ бездѣльникъ и чѣмъ похваляется, а когда бы мы знали, то вырвали бы бумаги изъ рукъ у него и бросили бы въ огонь, потому что у насъ людей не меньше, чѣмъ у нихъ было. Но тутъ панъ вступилъ въ переговоры съ чаусами, а двоюроднаго брата своего послалъ въ сундукъ, велѣлъ принесть къ нему талеровъ и дукатовъ въ венгерскихъ шапкахъ, сталъ раздавать чаусамъ и просилъ, чтобы позволили ему взять назадъ бумаги. За

деньги они и согласились бы на то, только тотъ безбожникъ, когда главный чаусъ къ нему обратился, ни за что не хотѣлъ выпуститъ изъ рукъ бумаги и отдать, представляя, что отъ нихъ и счастье его и жизнь зависитъ. Такъ панъ даромъ и роздалъ деньги чаусамъ.

Когда ушли турецкіе коммисары, тутъ предался нашъ панъ великому горю, и съ плачемъ сталъ говорить секретарю, какъ онъ будетъ отвѣчать за свое дѣло Господу Богу и цесарю нашему. „Не забочусь я, говорилъ онъ, о своей жизни, самъ я умереть хотѣлъ бы, когда бы только васъ молодыхъ людей тутъ не было; вы, чтобы спасти жизнь свою, принуждены будете потурчиться, и такъ пойдете на вѣчную погибель изъ-за глупой безпечности секретаря моего. Когда донесутъ Синану пашѣ, что взялъ этотъ несчастный отступникъ изъ шкапа,—быть того не можетъ, чтобы не предали васъ лютой смерти“. Съ того часу не ѣлъ онъ и не пилъ и не ложился на постелю, и все со слезами молился и ждалъ ежечасно, что пришлютъ взять насъ.

Вскорѣ пришелъ тотъ несчастный потурченикъ сказать пану, если де пришлетъ ему тысячу двойныхъ талеровъ, то позволитъ взять назадъ нѣсколько бумагъ. Послалъ ему панъ нѣсколько сотъ талеровъ, а онъ, взявъ деньги, пошелъ съ ними къ Синану пашѣ, чтобы выказать, какъ онъ вѣренъ и честенъ, что приноситъ ему деньги, которыми панъ посолъ хотѣлъ

подкупить его, чтобъ выдалъ ему нѣкоторыя бумаги; но онъ де не хотѣлъ такъ поступить ни за какіе подарки, а передаетъ ему пашѣ все, что открылъ въ канцеляріи; при чемъ усердно просилъ его замолвить за него слово султану и испросить ему милостивую награду.

Паша тотчасъ послалъ за потурченымъ нѣмцемъ, чтобы тотъ перевелъ ему бумаги на турецкій языкъ Увидѣвъ однако, что тѣ бумаги касаются многихъ начальныхъ людей и даже самой султанши, не хотѣлъ паша, какъ старая лисица, попасть въ немилость къ султанскимъ женамъ, потому что мать султанова и жена имѣли власть надъ нимъ и дѣлали, что хотѣли, и такъ оставилъ онъ все то при себѣ и не разглашалъ, а только объявилъ султану, что въ канцеляріи вѣнскаго посла найдены секретныя бумаги, и изъ нихъ оказалось, что тотъ посолъ передаетъ вѣнскому королю обо всемъ, что дѣлается въ городѣ; а затѣмъ спрашивалъ у султана повелѣнія, какъ дальше поступать въ этомъ дѣлѣ. Султанъ немедленно отдалъ Синану пашѣ въ полную власть посла со всѣми его людьми и служителями, чтобы что хочетъ, то съ ними и дѣлалъ. Съ того часу перестали намъ отпускать съѣстные припасы, а давали только хлѣбъ да воду, кухоннаго писаря не пускали ходить на рынокъ за провизіей, а домъ нашъ окружили крѣпкою стражей, чтобы никто не могъ изъ него выйти. Панъ посолъ каждый часъ ждалъ и себѣ и намъ великой опасности,

и крѣпко разнемогшись отъ горя, совсѣмъ не вставалъ съ постели. Да и изъ насъ больше половины было больныхъ, а совсѣмъ здоровыхъ оставалось очень мало. Самымъ лучшимъ лекарствомъ служило намъ доброе греческое вино, котораго было у насъ до 60-ти бочекъ; тѣмъ виномъ многіе коротали смутное время и веселили себя, а другіе, немощные, ждали, не придетъ ли счастливое время. Всѣ мы, больные, вмѣстѣ съ паномъ посломъ приняли отъ нашего священника послѣднее елеопомазаніе и предали себя Господу Богу.

Когда все было приготовлено къ выступленію въ походъ на Венгрію, Синанъ паша, 15 августа, поцаловавъ руку султану и принявъ главное знамя и саблю, проѣхалъ съ большимъ парадомъ черезъ весь почти городъ, въ сопровожденіи всѣхъ пашей, и мимо нашего дома выступилъ изъ города. Впереди его ѣхали имамы и дервиши, родичи магометовы въ зеленыхъ панцыряхъ; потомъ голые турецкіе монахи, шли и держась вкругъ за руки, кричали алла-гу! иные въ великомъ изнеможеніи бросались на землю и лежали ничкомъ; иные съ громкими криками желали ему счастья, а священники ихъ шли передъ нимъ съ пѣніемъ и держали въ рукахъ раскрытыя книги. За нимъ ѣхало всего 24 человѣка ичогллановъ, то есть пажей султанскихъ—всѣ на прекрасныхъ коняхъ, въ золотомъ парчевомъ платьѣ; на стременахъ, на сѣдлахъ, на торокахъ, на коняхъ, все у нихъ блестѣло золотомъ и цвѣтными каменьями, особливо копья ихъ

и сабли были разукрашены дорогими камнями. Въ ту пору была чудная погода, утро необыкновенно теплое и ясное, солнце свѣтило прямо на нихъ, и золотые ихъ уборы и драгоцѣнные камни сіяли превеликимъ блескомъ. Было тутъ на что подивиться; и еще на пышное это шествіе собралось безчисленное множество народа, который провожалъ Синана пашу за городъ, до того мѣста, гдѣ онъ разбилъ свой станъ и расположился. Турки, вообще, когда выѣзжаютъ изъ дому, въ первый день отъѣзжаютъ недалеко, на тотъ случай, если что дома забыто или окажется въ недостаткѣ, чтобы не трудно было все то привезть и исправить по близости.

Всѣ мы на первое время обрадовались, что главный нашъ непріятель выѣхалъ изъ города, и такъ себѣ думали, что останемся только въ затворенномъ домѣ, авось хуже того съ нами ничего не случится. Только обманула насъ эта надежда. На третій день, когда панъ посолъ лежалъ еще очень боленъ, прислалъ къ нему Синанъ паша нѣсколько начальныхъ турокъ, обманомъ и лестью, будто отъ имени Ферхата паши сказать, чтобы тотчасъ взявъ съ собою не болѣе двухъ или трехъ служителей, пріѣхалъ къ нему, Ферхату: нашли де какія-то латинскія бумаги и нужно прочесть ихъ. Панъ, едва живъ отъ слабости, просилъ извинить его передъ пашей, что въ такую пору не можетъ никакимъ образомъ сѣсть на коня, а какъ станетъ ему легче, такъ съ радостью пріѣдетъ. Но

они стояли на своемъ и понуждали его одѣться, говоря, что если доброй волей не хочетъ, то возьмутъ его силой, и повозка для него у нихъ приготовлена. Панъ посолъ видя, что иначе быть нельзя, надѣлъ на себя черное бархатное венгерское платье, и простившись съ нами (хотя турки увѣряли, что черезъ часъ вернется домой) сѣлъ на повозку, а повозка была, по тамошнему старинному обычаю, высокая, обита красным сукномъ и влезать надо на нее по лѣстницѣ, двуконная. Такъ повезли его, и при немъ не больше пяти человѣкъ прислуги, только не къ Ферхату, а вонъ изъ города, къ Синану Пашѣ. Какъ пріѣхали въ лагерь, такъ его, по болѣзни, посадили въ палатку, а служителей его турки заковали въ желѣза, и ко всѣмъ приставили янычарскую стражу; мы же, оставшіеся въ домѣ, ничего не вѣдали о томъ, куда панъ посолъ дѣвался.

Часа черезъ два увидѣли мы, что къ нашему дому со всѣхъ сторонъ бѣжитъ народъ тысячами, становятся рядами, лѣзутъ на крыши, а напослѣдокъ столько собралось людей, что всѣхъ и обозрѣть нельзя было. Не вѣдая, что бы это значило, и какое готовится зрѣлище, мы съ перваго раза думали, не загорѣлось ли гдѣ въ нашемъ домѣ; но черезъ нѣсколько времени видимъ, идетъ прямо къ нашей гостинницѣ стража, которая обыкновенно присутствуетъ при публичныхъ казняхъ. За стражей показались на коняхъ помощникъ паши, судьи, потомъ заплечные мастера,

бирючи и палачи, съ цѣпями въ рукахъ. Тутъ очи у всѣхъ людей на насъ обратились. Подъѣхавъ къ дому, паша и другіе турки слѣзли съ коней, и янычары съ шумомъ и крикомъ стали отворять нашъ домъ, чего мы совсѣмъ не ожидали, а ждали каждую минуту, что вернется къ намъ нашъ панъ. Тотчасъ принялись они хватать, и выводить, и выталкивать по галлереѣ изъ дому всѣхъ, кого ни попало, и каждому надѣвали на шею желѣзный кругъ, черезъ который была продернута цѣпь. Всѣ мы со страху разбѣжались во всѣ стороны. Я уже нѣсколько недѣль лежалъ въ красной сыпи и на ногахъ не могъ держаться отъ слабости, однако, видя что дѣлается съ моими товарищами, и я не улежалъ въ постели, залѣзъ какъ можно выше на чердакъ, и себя не помня перескакивалъ подъ крышей съ одной балки на другую—еслибъ упалъ я внизъ, то, кажется, тутъ же разбился бы на куски. Напослѣдокъ, уже совсѣмъ безъ памяти, забрался опять въ свою постелю, и когда уже турки всѣхъ моихъ товарищей взяли и держали на цѣпяхъ, и все что могли найти въ домѣ обобрали и подѣлили между собой, тутъ пришелъ ко мнѣ паша, и кто то изъ турокъ сказалъ ему: этотъ де мальчикъ больной, пусть его вылечится, сдѣлаемъ его мусульманиномъ; оставимъ его тутъ покуда, а потомъ, когда вернемся, возьмемъ и отдадимъ въ сераль къ Ферхату пашѣ.

Услыхавъ такія слова (я умѣлъ уже кое что понимать по турецки), я привсталъ съ постели и сказалъ

имъ, что хочу за одно съ своими товарищами быть и въ радости и бѣдѣ, и тутъ не останусь, и сталъ просить ихъ, ради Бога, чтобы меня тутъ не оставляли. И такъ какъ былъ, въ рубашкѣ, безъ исподняго платья, захвативъ только долгую венгерскую сукню, пошелъ, и свели меня внизъ, гдѣ всѣ прочіе стояли уже закованные по горлу. Какъ сошелъ я, такъ упалъ и встать не могъ отъ слабости. Тутъ одинъ изъ палачей надѣлъ мнѣ на шею желѣзный кругъ и хотѣлъ еще цѣпь продѣвать черезъ него, но чаусъ закричалъ на него, чтобы оставилъ меня, такъ какъ я ходить не могу отъ болѣзни.

За тѣмъ отворили ворота и стали всѣхъ насъ одного за другимъ пересчитывать, потому что всѣ были у нихъ на счету. Каждаго человѣка держалъ палачъ за желѣзный кругъ, и такъ паша сѣлъ на коня, а стражники шли около насъ и разгоняли столпившійся народъ. А какъ я не въ силахъ былъ держаться на ногахъ, то привели мнѣ одного турка, изъ носильщиковъ, которые за деньги носятъ всякія тяжести отъ моря въ городъ, и посадили къ нему, точно коростеля, на носильный стулъ за спиною, и я сидѣлъ у него какъ песъ на заборѣ. Тутъ, поглядѣвъ на меня, одинъ небольшого роста турокъ съ рыжею бородою, громко закричалъ стоявшему около народу: развѣ это можно, чтобы такого пса несъ на себѣ правовѣрный? и, подбѣжавъ ко мнѣ, крѣпко меня ударилъ, такъ что я, совсѣмъ того не ожидая, слетѣлъ со своего коня на

землю; тутъ онъ еще изо всѣхъ силъ ударилъ меня въ бокъ ногою и совсѣмъ бы забилъ, когда бы нашъ бывшій янычаръ Мустафа, увидѣвъ то, надо мной не сжалился. Онъ былъ всегда добръ ко мнѣ и теперь не могъ вытерпѣть, видя меня въ такой жалости, ухвати свою палку, отбилъ меня у него и закричалъ на него по турецки: что ты вздумалъ убогаго, больного колодника бить — нашелъ надъ кѣмъ показывать свою храбрость! если де у тебя духъ такой геройскій, лучше бы шелъ въ Венгрію биться со здоровыми гяурами — тамъ довольно ихъ найдется противъ тебя, а это де легко здѣсь бить полумертваго гяура, да надъ нимъ похваляться. А когда тотъ въ отвѣтъ ему сталъ ругаться, мой милый янычаръ ударилъ его по головѣ палкой и въ кровь разбилъ его, — турокъ же бросился на него съ ножемъ. Тутъ въ одну минуту собралось около янычара человѣкъ со сто, да около того столько-же; стали бросаться каменьями и уже зачали рубиться, но стражники, султанскіе судьи и самъ паша посиѣшно повернули назадъ, прискакали къ намъ во весь опоръ и подъ страхомъ смертной казни приказали всѣмъ угомониться; когда бы не это, поднялась бы изъ за меня великая свалка, и намъ всѣмъ пришлось бы невинно пострадать за то.

Когда успокоилось это смятеніе, Мустафа, поднявъ меня отъ земли, далъ вести двумъ человѣкамъ, но отъ слабости я не могъ идти со всѣми и кое-какъ плелся за ними издалека. Тутъ попались намъ на

встрѣчу мулы съ вязанками дровъ, которыя люди везли куда то на дворъ, и чаусъ, остановивъ одного мула, разрубилъ вязанку и велѣлъ меня посадить на него; одинъ палачъ держалъ меня за ногу съ одной стороны, а другой съ другой стороны, чтобы я не свалился. Товарищей моихъ вели рядомъ на трехъ цѣпяхъ, а я съ почетомъ ѣхалъ за ними шагомъ, въ рубашкѣ, на своемъ колючемъ деревянномъ сѣдлѣ. И вели насъ къ вящшему позору и посмѣху по самымъ люднымъ мѣстамъ и улицамъ, притомъ жара была великая, насъ томила смертельная жажда. Иные насъ жалѣли, а другіе скрипѣли зубами на насъ и кричали, что всѣхъ насъ надо прямо на висѣлицу. Такъ, проводивъ насъ въ волю по городу, привели, наконецъ, прямо къ Песочнымъ воротамъ, гдѣ бываетъ рыбный торгъ, и съ обѣихъ сторонъ около насъ, спереди и сзади, шло безчисленное множество народа: столько собралось его, сколько никогда прежде не видывали на публичныхъ казняхъ.

У воротъ сдѣлался такой напоръ толпы, что едва не выворотили ворота, такъ что и провожатые наши не могли пройти и должны были остановиться. Я, совсѣмъ больной, въ великомъ изнеможеніи отъ жажды и отъ томительнаго жара, да притомъ исколотый до крови сѣдломъ своимъ, не въ силахъ былъ и понимать гдѣ мы находимся. Взглянувъ вокругъ, увидѣлъ священника нашего Яна и спросилъ его, гдѣ мы. Онъ отвѣчалъ на то, что мы недалеко отъ висѣлицы, и

сталъ говорить, что мы должны предаться въ волю Божію и души свои поручить Ему. Между тѣмъ янычари расчищали палками дорогу, чтобы можно было намъ двинуться далѣе. Тутъ, когда я увидѣлъ висѣлицу съ желѣзными крюками и на ней двухъ палачей съ веревками въ рукахъ, совсѣмъ потерялъ чувства, обомлѣлъ и ничего уже не помнилъ. Нельзя было намъ ничего иного ждать себѣ—развѣ что всѣхъ насъ повѣсятъ, потому что при всѣхъ казняхъ, какія съ другими бывали, дѣлались точно такія же и приготовленія.

Товарищи послѣ мнѣ сказывали (а самъ я, какъ выше упомянуто, ничего не помнилъ), что когда привели насъ подъ висѣлицу, два палача влѣзли на верхъ, и судья обратился къ намъ съ такими рѣчами: видимъ де мы теперь лютую смерть у себя предъ очами; но ради великой къ намъ жалости обѣщаетъ онъ намъ именемъ господина своего султана, что если согласимся потурчиться, то дарована будетъ намъ жизнь. Однако по милости Божіей ни одинъ на то не согласился, а всѣ готовы были лучше принять смерть, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ всѣ отупѣли отъ страха смертнаго, что стояли ни живы, ни мертвы.

Постоявши тамъ съ четверть часа, велѣлъ паша вести насъ всѣхъ къ морю, а море тутъ близко было. И думалъ весь народъ, такъ какъ на крюки не повѣсили насъ, что ведутъ насъ топить въ морѣ,—и кто тутъ ни былъ, всѣ побѣжали къ морю, и многіе по-

сѣли въ лодки и на суда, чтобы лучше видно было. У берега стояла барка, такая въ которыхъ перевозятъ изъ Европы въ Азію верблюдовъ и муловъ со всякими купеческими кладями; въ ту лодку впихнули насъ со страшными проклятіями, такъ что несчастные узники могли разорвать другъ друга своими цѣпями. Я тутъ, очнувшись, возблагодарилъ Бога за то, что благоволилъ избавить меня отъ лютой смерти; но силъ у меня не было самому слезть съ мула, и напалъ на меня страхъ, что никто меня не стащитъ и не дадутъ мнѣ попасть въ барку вмѣстѣ съ товарищами; оглядываясь во всѣ стороны, увидѣлъ я къ счастью одного знакомаго турка и изо всѣхъ силъ закричалъ ему: милый человѣкъ, ради Бога прошу тебя, помоги мнѣ! И онъ, не смотря на то что многіе злодѣи тутъ стояли и ругались на него, — тотчасъ подошелъ съ охотою, помогъ мнѣ сойти и отошелъ прочь съ печальнымъ видомъ, промолвивъ мнѣ: дай Боже тебѣ выйти на свободу!

Отчаливъ отъ берега, поѣхали съ нами на баркѣ главный судья съ товарищами, а мы думали навѣрное что либо утопятъ насъ, либо повезутъ на Черное море къ той страшной черной башнѣ и поведутъ вверхъ на гору. Но они остановившись, принялись опять пытать насъ, хотимъ ли мы потурчиться, говоря что пришелъ вамъ послѣдній часъ, такъ какъ отъ Синана паши приказано утопить всѣхъ насъ; а если де мы пожалѣемъ своей младости, то сдѣлаютъ насъ

султанскими дворянами, спагами и янычарами, и наградятъ знатнымъ платьемъ и конями. Но мы не переставали молиться Богу и себя Ему предали, что Его милость благоизволитъ, то и да будетъ съ нами; на томъ всѣ и утвердилисъ, исповѣдуя Богу, что все то по грѣхамъ своимъ заслужили. Между тѣмъ тысячи народу смотрѣли на насъ отовсюду, выжидая какъ опустятъ насъ въ мокрую могилу, потому что судья взялъ съ собой на барку палачей и прислугу для казни.

Увидавъ упорство наше, что мы не хотимъ потурчиться, стали грозить, что отдадутъ насъ въ такое заточенье, что смерть легче намъ покажется, и съ гнѣвомъ приставали къ намъ; затѣмъ, натѣшившись съ нами въ волю, повернули наконецъ къ султанскому арсеналу, гдѣ стояло нѣсколько сотъ лодокъ, а въ погребахъ хранилось множество галеръ и другихъ военныхъ снарядовъ. Тутъ высадили насъ изъ барки и повели къ большому четырехъ угольному строенію, съ превысокою, въ нѣсколько футовъ, оградой. У первыхъ воротъ сидѣлъ Кіаія и Кваpдіанъ паша, то есть главный начальникъ стражей, потому что въ той оградѣ есть еще три тюремныя строенія, куда свѣтъ проходитъ только сверху, а въ стѣнахъ совсѣмъ нѣтъ оконъ. Въ первой тюрьмѣ узники разнаго племени, мастера, которые дѣлаютъ галеры и всякія другія вещи, какъ-то плотники, столяры, кузнецы, канатчики, ткачи, слесаря, бочары, и каждый день ихъ выводятъ

то на ту, то на другую работу, и участь ихъ лучше нежели другихъ, потому что могутъ они иной разъ утаить что нибудь, или тихонько продать и купить себѣ какую нибудь ѣду; а кто прилежно работаетъ, тѣмъ въ пятницу, въ праздникъ турецкій, дается каша; самая же главная выгода имъ передъ другими та, что имъ есть еще надежда получить свободу. Именно, если кто сдѣлаетъ какое мастерское дѣло, напримѣръ построитъ галеру, галіонъ или иную ладью мастерски и исправно, и то дѣло понравится морскому пашѣ, тогда первымъ мастерамъ дается такая милость, что берутъ отъ нихъ обязательство, до десяти лѣтъ, либо больше или меньше, не выходить изъ Турціи и работать до того сроку вѣрно и исправно, и отпускаютъ ихъ на поруки, а послѣ того вольны тѣ люди жениться, селиться гдѣ хотятъ или вернуться къ себѣ на родину. Притомъ, кто хочетъ выкупиться или выслужиться, долженъ поставить за себя въ поруки десять либо двѣнадцать иныхъ христіанскихъ невольниковъ (ибо турки никоимъ образомъ не ручаются за христіанъ); и въ томъ состоитъ порука, что если тотъ человѣкъ прежде срока выслуги бѣжитъ, или кто пошелъ на выкупъ, не принесетъ на срокъ денегъ, то поручители ставятъ себя въ отвѣтъ—кому чтобы глазъ выколоть, кому ухо отрѣзать, кому носъ; иному пальцы отрубить на рукахъ или на ногахъ, иному зубы выбить на той или на другой сторонѣ, либо столько-то получить ударовъ по брюху или по пятамъ,

Если невольникъ достанетъ себѣ такое поручительство (что рѣдко случается), то его отпускаютъ въ христіанскую сторону; но когда къ сроку не вернется и денегъ не принесетъ, то поручители должны терпѣть за него по вольному своему обязательству.

Въ свою бытность тамъ видѣлъ я одного плѣннаго венгерца невольника, который поставилъ себя въ поруки за товарища; только тотъ безсовѣстный, уѣхавъ въ христіанскую сторону, забылъ своего благодѣтеля и не вернулся назадъ. За то несчастный долженъ былъ два года носить на себѣ двойныя кандалы, свои и того, за кого поручился, и лишился одного уха да четырехъ переднихъ зубовъ, да двухъ пальцевъ на каждой рукѣ, да всѣхъ пальцевъ на ногахъ, и сверхъ того каждую пятницу жестоко били его палкой. Правда что потомъ, въ Венгріи, куда тотъ обманщикъ вернулся отъ турокъ, свѣдали о томъ и приказано было его казнить и голову его вмѣстѣ съ выкупными деньгами отослать туркамъ; только уже поздно! давно ужъ тотъ несчастный человѣкъ потерялъ всю свою силу, горько оплакивалъ свое увѣчье, и до смерти своей страдалъ о томъ что не можетъ идти на войну. Такой былъ онъ стройный красивый молодецъ, и когда бы этотъ мошенникъ не обманулъ его, хотѣлъ непремѣнно выкупиться и отмстить туркамъ.

Всѣхъ несчастнѣе невольники изъ духовенства, изъ письменныхъ людей, изъ ученыхъ, мѣщанъ или господъ, незнающіе никакого ремесла; ихъ ни во что

ставятъ. Для этихъ простыхъ невольниковъ, не ремесленныхъ, назначена другая тюрьма. При насъ было ихъ до семи сотъ, всякаго племени какое есть подъ небесемъ. Съ весны берутъ ихъ на галеры работать веслами. А кто не на этой работѣ, того посылаютъ ломать камень или мраморъ, копать рвы, носить тяжести на строительное дѣло; словомъ, употребляютъ, какъ поденьщиковъ, на всякую черную работу, и изъ года въ годъ нѣтъ имъ другой пищи, только даютъ два ломтика хлѣба на день да воду. Бьютъ ихъ турки какъ скотъ за какую ни есть провинность. И ночью нѣтъ имъ покоя, но если кто ихъ потребуетъ, должны идти на работу.

Третья тюрьма госпитальная, и въ ней лежатъ больные невольники, и живутъ всѣ вмѣстѣ въ повалку, старики и дряхлые: имъ кромѣ хлѣба дается еще похлебка и каша. Названіе этому строенью тюрьма Св. Павла. Покуда больны, дается имъ льгота, а когда выздоровѣютъ, должны зарабатывать ту работу что за ними стала; кто умретъ, того даютъ невольникамъ закопать въ землю или опустить въ море.

Въ это мѣсто привели насъ и передали Квардіану нашѣ отъ Ферхата наши бумагу, въ которой было написано что дѣлать съ нами. Тотчасъ палачи сняли намъ съ шеи желѣзные круги, и подскочивши двое или трое, подкосили каждому ноги; такъ что мы упали на землю. Мы несчастные того и ждали, что будутъ бить насъ палками, только, слава Богу, на этотъ разъ

не случилось, а пришли кузнецы и всякому, кто на землѣ лежалъ, надѣли желѣзный кругъ на ногу, продернули цѣпь, заклепали на наковальнѣ, и на ту же цѣпь приковали также за ногу другаго ему товарища, кого кто хотѣлъ, по своему выбору. И такъ, видя что со всѣми дѣлаютъ, каждый далъ приковать себя къ тому товарищу, съ кѣмъ лучше быть хотѣлъ. Всякую пару, какъ только закуютъ, сейчасъ уводили въ ту вторую тюрьму для простыхъ невольниковъ. Когда всѣхъ прочихъ заковали, остался только я да со мною антекарь, малорослый парень, тоже больной; и такъ насъ обоихъ, въ изнеможеніи лежавшихъ на землѣ, приковали другъ къ другу; я всячески ихъ упрашивалъ, говоря что мы больные и ходить не можемъ, а я не въ силахъ былъ и цѣпь нести. Когда велѣли намъ идти въ тюрьму, я, едва поднявшись на ноги, тотчасъ опять упалъ навзничь и встать не могъ. Одинъ турокъ, хотя насъ принудить силою чтобы мы встали, ударилъ меня тростью по заду, а антекаря нѣсколько разъ; но паша надъ стражниками, видя нашу истинную немощь, велѣлъ другому турку нести за нами цѣпь, а двумъ велѣлъ вести насъ до тюрьмы; когда мы добрались до воротъ, я уже не могъ идти далѣе, и присѣвъ тутъ съ больнымъ товарищемъ, имѣли мы роздыхъ, покуда не взошли въ тюрьму.

Мало было тогда невольниковъ въ этой тюрьмѣ, потому что всѣ работали веслами на военныхъ лодкахъ, и каждый часъ ожидали ихъ возвращенія. Эти не-

вольники оставили послѣ себя много нечистотъ, много всякаго грязнаго тряпья, которое мы, взявъ, подложили себѣ подъ голову вмѣсто подушекъ. Кто самъ не испыталъ себѣ, не повѣритъ, какой былъ у насъ ночлегъ въ этомъ заключеніи. Не говоря уже о блохахъ, вшахъ и клопахъ, были тамъ какіе-то черные жуки въ родѣ большихъ муравьевъ, и кусали такъ, что кровь на томъ мѣстѣ выступала и вскакивалъ пузырь, точно какъ на дѣтяхъ бываетъ отъ осы. Такъ были мы всѣ искусаны, что на всемъ тѣлѣ, и на головѣ, и на лицѣ мѣста живаго не было и на булавочную головку. Ужасно было тяжко привыкать намъ, жившимъ до того въ нѣгѣ и не испытавшимъ такихъ ночлеговъ; не только нагихъ, но и сквозь платье кусали насъ эти мухи; хорошо еще, что напослѣдокъ кожа на тѣлѣ у насъ такъ загрубѣла, что мы не чувствовали вшей и клоповъ, но къ укушенію этихъ черныхъ жуковъ никакъ не могли привыкнуть. Такой былъ смрадъ, такая духота и жара, что можно было въ умѣ помутиться, а при всемъ томъ такъ еще тяжко одолѣла меня въ той тюрьмѣ моя красная немочь, что я не могъ и на четверть часа на мѣстѣ успокоиться. И будучи я, несчастный человѣкъ, въ такой несказанной тѣснотѣ, жаждалъ себѣ смерти, а еще къ большему горю товарищъ мой не могъ отойти отъ меня и отнести съ собою цѣпь нашу, такъ что мы оба двинуться не могли и должны были лежать въ нечистотахъ своихъ и во всякомъ смрадѣ. Въ тотъ

день дали каждому по два ломтя хлѣба и по кружкѣ воды; но я ни въ тотъ, ни на другой день духу не имѣлъ и не могъ ни ѣсть, ни пить, и только Бога просилъ чтобы послалъ мнѣ смерть на избавленіе отъ такого бѣдствія.

На другой день къ вечеру пришелъ къ намъ въ тюрьму самъ главный надзиратель надъ невольниками, и съ нимъ нѣсколько стражниковъ, и, увидѣвъ меня, какъ я лежу совсѣмъ нагъ въ этой грязи, возъимѣлъ ко мнѣ жалость, а я, видя что онъ стоитъ возлѣ, поскорѣе натянулъ на себя венгерскую сукню и прикрылъ наготу свою: другого платья у меня не было, потому что изо всѣхъ товарищей я одинъ не успѣлъ захватить съ собою никакой почти одежды. Изъ подъ той сукни, припавъ къ ногѣ тому тюремному пашѣ, умолялъ я его съ плачемъ, чтобы смиловался надо мной, не возможно ли будетъ спустить меня съ цѣпи покуда не выздоровлю. Но онъ сказалъ: олмасъ, олмасъ, гяуръ, то есть нѣтъ, нѣтъ, поганецъ, нельзя тому быть; а если хочешь, чтобы приковали тебя къ кому нибудь покрѣпче и поздоровѣе, это могу позволить. Я, не зная къ кому дать приковать себя, взглянулъ на нашего капеллана, земляка моего, и попросилъ, чтобы приковали меня къ папашу—такъ они зовутъ священниковъ. Папашъ, имѣя при себѣ здороваго товарища, очень разгнѣвался, и свирѣпо посмотрѣлъ на меня, однако долженъ былъ дать приковать себя ко мнѣ; и такъ доводилось ему всякій разъ

когда нудила меня немощь, ходить со мною и носить цѣпь. Сначала былъ онъ терпѣливъ, ничего не говорилъ разъ, и другой, и третій; но когда надобно было уже очень часто ходить со мною нося большую тяжесть, началъ ворчать, браниться, осыпать меня ругательствами и проклятіями, наконецъ грозилъ, что не станетъ ходить со мною. Я просилъ его потерпѣть, напоминалъ, что духовный человѣкъ другимъ долженъ показывать примѣръ, и что самъ я неповиненъ въ своей немощи, а Господь Богъ попустилъ мнѣ быть въ ней, что я горькій и истомленный человѣкъ самъ не знаю что сказать ему, только радъ бы былъ либо выздоровѣть, либо умереть поскорѣе. Когда я не переставалъ упрашивать его, чтобы пошелъ со мною,—иной разъ онъ ударялъ меня ногою, такъ что я падалъ на землю, а самъ не двигался съ мѣста. Однажды, когда долженъ былъ пойти со мной и нести цѣпь, онъ съ досады бросилъ цѣпь въ нечистое мѣсто, плакалъ, бранился, сокрушался, что черезъ меня самъ занеможетъ, но потомъ самъ долженъ былъ нести нечистую цѣпь до нашего скотскаго ложа, и я уже послѣ вымылъ ее водою.

Продолжалась та болѣзнь моя нѣсколько недѣль, а когда бы еще протянулась дольше, то могъ бы я совсѣмъ уморить бѣднаго капеллана: онъ такъ истомился и отощалъ, что уже шатался отъ слабости: ѣсть ничего не давали кромѣ хлѣба, да и то не до сытости, а онъ со мною ни днемъ, ни ночью не имѣлъ покою и не

могъ прилечь свободно. А я съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ плачемъ Бога просилъ, чтобы смиловался надъ моимъ великимъ и нестерпимымъ страданіемъ и далъ бы мнѣ здравіе, либо взялъ бы меня со свѣта, какъ въ томъ будетъ святая Его воля; и товарищи мои видя меня полумертваго, усердно Бога молили за меня. И услышалъ милосердый Богъ, отошла моя немощь, и я началъ уже ѣсть понемногу, крошилъ въ воду хлѣбъ и дѣлалъ себѣ тюрю.

Я съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя крѣпче; но когда я увидѣлъ, что мое дѣло выиграно, милый мой товарищъ панъ капелланъ занемогъ тою же болѣзнью. Я, послѣ своей болѣзни уже совсѣмъ не чувствовалъ ни вшей, ни даже черныхъ жуковъ, и такъ сладко засыпалъ на голомъ полу, не нуждаясь ни въ какой нѣгѣ,—какъ иные спятъ на мягкой постели. И въ такомъ-то сладкомъ снѣ вдругъ сталъ будить меня капелланъ, требуя чтобы я съ нимъ шелъ и помогалъ нести цѣпь. И ходилъ я съ нимъ разъ, и десять, и двадцать разъ, а напослѣдокъ наскучило ходить, и сталъ я отмѣривать ему тою же мѣрой, также ворчать и браниться, выговаривая ему что я, когда онъ со мною ходилъ, такъ его не мучилъ какъ онъ меня теперь. Конечно мы оба не могли бы дольше вытерпѣть, и еслибы еще продолжилось, не остались бы въ живыхъ.

И прежніе невольники, вернувшись къ намъ въ тюрьму съ гребли на военныхъ судахъ, и узнавши

что между нами есть священникъ, стали оказывать ему большое почтеніе; видя его изнуреннаго болѣзнью, всѣ мастера собравшись, подали тюремному пашѣ письменную просьбу, чтобы со священника сняли желѣза покуда выздоровѣетъ, причемъ всѣ за него ручались что не убѣжитъ. Паша, выслушавъ прошеніе, приказалъ освободить его отъ желѣзъ, а мнѣ велѣлъ заковать въ цѣпь обѣ ноги, но мнѣ одному вдвое охотнѣе было носить цѣпь нежели съ товарищемъ. И когда, по милости Божіей, я безъ всякаго лекарства выздоровѣлъ и желудокъ мой поправился, двухъ ломтей хлѣба на день показалось мнѣ недостаточно; между тѣмъ научился я отъ другихъ невольниковъ вязать чулки, рукавицы и шапки турецкія, и такъ помогъ мнѣ Господь Богъ успѣть въ этомъ ремеслѣ, что я часто заработывалъ себѣ деньги, и покупалъ на нихъ муку, кашу, масло, уксусъ, оливки, салатъ и хлѣбъ. Затѣмъ и товарищъ мой поправился и опять сталъ мнѣ дружкой, потому что насъ по прежнему сковали вмѣстѣ. А какъ онъ не умѣлъ ни ткать, ни вязать, то и кормился вмѣстѣ со мною изъ моего заработка. Тутъ опять всѣ невольники, приступя къ начальнику стражи, стали нижайше просить его, чтобы онъ имъ позволилъ въ дни христіанскихъ праздниковъ и передъ отправленіемъ на работу совершать свое богослуженіе, и обѣщали отблагодарить его за то неотмѣнно подаркомъ,— и онъ не отказалъ въ позволеніи.

Былъ въ тюрьмѣ у насъ поставленный въ прежніе года и огороженный рѣшеткой алтарь, освященный правымъ епископомъ; и у невольниковъ имѣлась чаша серебряная съ другими вещами, потребными для св. миссы; и такъ въ каждый великій и апостольскій праздникъ нашъ капелланъ служилъ намъ св. миссу и на тотъ часъ снимались съ него желѣза, а я въ своей цѣпи прислуживалъ ему, епистолу пѣлъ и подавалъ невольникамъ цаловать распятіе, а они отъ своей бѣдности складываясь, составляли для священника милостынную дачу, такъ что еще нѣсколько крейцеровъ прибывало намъ на пищу и мы могли еще удобнѣе кормиться. Послѣ обѣдни опять турецкіе кузнецы приковывали ко мнѣ капеллана.

Однажды въ праздникъ, послѣ обѣдни, позвалъ капеллана со мною мастеръ плотникъ изъ христіанскихъ невольниковъ, на добраго сѣраго кота, котораго онъ долго откармливалъ и кликалъ Маркомъ. Котъ былъ большой, отлично откормленный, и я самъ видѣлъ, какъ зарѣзалъ его плотникъ. Но товарищъ мой капелланъ не хотѣлъ идти, а я безъ него тоже не могъ, бывъ съ нимъ скованъ, и такъ прислалъ намъ плотникъ угощеніе отъ того кота, переднее плечо. Мы съѣли его съ большимъ апетитомъ и мясо показалось намъ вкусно: нѣтъ лучшаго повара какъ голодъ, и голодному не приходится гнушаться непривычною пищей; когда бы и вдосталь было у меня такого мяса, кажется, оно бы мнѣ не прискучило.

Въ ту пору приказалъ Кригалъ паша прислать ему въ сераль нѣсколько старыхъ невольниковъ изъ нашей тюрьмы, сломать и убрать развалившееся зданіе. Турки, особливо знатные, имѣютъ по нѣскольку женъ, и къ нимъ въ жилище не пускаютъ входить никого изъ своихъ, изъ турокъ; но отъ несчастныхъ невольниковъ не имѣютъ опасенія и оставляютъ своихъ женъ свободно обращаться съ ними, разговаривать, шутить и смѣяться, думая, что онѣ не могутъ позволить себѣ никакого близкаго обхожденія съ загрубѣлыми отъ работы и забитыми христіанами.

Въ числѣ тѣхъ невольниковъ посланъ былъ на сломку того зданія одинъ нѣмецъ, Матвѣй Саллеръ. Онъ, едва пробылъ тамъ два дня, сошелся съ женами того паши и высмотрѣвъ у нихъ всѣ потаенныя мѣста, разломалъ ночью шкафъ и выкралъ оттуда два ковшика да три женскихъ пояса, пребогато украшенные дорогими каменьями, каждый поясъ тысячъ на десять дукатовъ; потомъ тихонько, чтобы никто не зналъ, принесъ ихъ въ тюрьму, съ великой радостью, воображая, что онъ съ такимъ богатствомъ выкупитъ себя изъ тюрьмы. Затѣмъ, необдумавъ, разрѣзалъ тѣ пояса, снялъ съ нихъ алмазы, рубины, смарагды, бирюзу и другія украшенія, и положивъ въ кружку, зарылъ въ землю около своей койки. Но не послужило ему счастье. Одинъ изъ невольниковъ подсмотрѣлъ за нимъ, какъ онъ зарывалъ кружку, и по уходѣ его воръ у вора тѣ вещи укралъ; вернувшись онъ

увидѣлъ покражу и съ плачемъ сталъ намъ разсказывать чего лишился. Остался у него только небольшой серебряный ковшикъ, который продалъ идучи на работу одному турку, и тѣмъ обличилъ себя. Черезъ нѣсколько дней опознали тотъ ковшикъ, и стали допытываться откуда взялся. Какъ скоро покупатель объявилъ, что купилъ у невольника и указалъ у какого именно, тотчасъ явился къ намъ кіаія, то есть экономъ Юригала паши со множествомъ турокъ, и велѣлъ вызвать того Матвѣя. Онъ, ожидая навѣрное, что безъ милости повѣшенъ будетъ, задумалъ умереть геройски и оставить память по себѣ; и такъ, выходя изъ тюрьмы, захватилъ ножъ и спряталъ при себѣ. Когда привели его къ кіаіѣ, тотъ сталъ спрашивать, гдѣ у него краденые пояса, и онъ объявилъ все какъ и что онъ укралъ и зарылъ въ землю, а другой воръ у него укралъ. Кіаія велѣлъ схватить его, но онъ, услыхавъ, подскочилъ прямо къ нему съ ножемъ и хотѣлъ его ударить, но не допустили турки, стоявшіе тутъ во множествѣ. Тогда кіаія сталъ кричать на турокъ, чтобы схватили его тотчасъ, а онъ бросился было бѣжать, но видя, что не убѣжитъ, сталъ обороняться ножемъ и нѣсколько турокъ поранилъ; но наконецъ забросали его камнями такъ, что онъ упалъ на землю. Турки схвативши, приволокли его по землѣ къ эконому, который велѣлъ дать несчастному тысячу палочныхъ ударовъ, такъ что весь онъ вздулся какъ жаба или какъ пузырь, и живъ ли мертвъ ли узнать

нельзя было. Невольники, взявъ его, закопали въ навозъ на три дня цѣлыхъ; тутъ онъ мало по малу, какъ муха, отжилъ, и остался живъ, только блѣденъ ходилъ какъ полотно, и брюхо у него отекло совсѣмъ. Невѣроятное дѣло, но правда истинная, чтобы могъ столько вытерпѣть человѣкъ.

Тутъ пришли извѣстія, что наше славное рыцарство въ Венгріи одержало верхъ надъ турками и что много тысячъ турокъ убито; услышавъ о томъ, были мы опять въ великомъ страхѣ, ибо турки стали свирѣпо глядѣть на насъ, скрипѣли на насъ зубами, и грозили, что всѣхъ насъ вздёнутъ на крючья. Опять явился султанскій кіайя, велѣлъ всѣхъ насъ вывесть вонъ и объявилъ, что всѣмъ намъ отрѣжутъ носы и уши за то, что друзья наши, братья и сродники такъ много мусульманъ побили. Мы, какъ могли, представляли ему, что мы въ томъ неповинны. Когда онъ ушелъ, пришли другіе и стали съ великими проклятіями сулить намъ навѣрное, что отрѣжутъ намъ носы и уши. Тутъ мы, въ смятеніи и тревогѣ, не зная что дѣлать отъ страху, отъ всей души оплакивали носы свои и уши, и всѣ вмѣстѣ совокупно поклялись другъ другу, что если это съ нами послѣдуетъ и дастъ намъ Господь Богъ вернуться въ христіанскую сторону, то будемъ до смерти своей биться съ турками, и кого поймаемъ, тому станемъ рѣзать носы и уши, да и другихъ будемъ уговаривать въ тому же.

Въ ту пору пришелъ къ нашей тюрьмѣ тюремный паша и велѣлъ всѣхъ насъ кликнуть, чтобы шли вонъ, а съ нимъ явилось два цирюльника, и всѣмъ намъ приказано сѣсть на землю. Мы въ отчаяніи ждали навѣрное, что такъ и будетъ съ нами, какъ сказывали намъ; и никто не соглашался садиться первымъ, пока всѣхъ насъ не принудили къ тому курбачемъ. Всякій можетъ себѣ вообразить, каково было на душѣ у насъ въ эту минуту. Всѣ мы сидѣли блѣдные какъ полотно, а брадобрѣи, приступивъ къ намъ и видя нашъ страхъ, въ душѣ потѣшались надъ нами въ то время, какъ у насъ вся душа возмущалась отъ страха. Но кончилось тѣмъ, что вмѣсто урѣзанья носовъ и ушей, всѣмъ намъ обрили бритвою головы и бороды (которыя у иныхъ были очень длинны) и, насмѣявшись надъ нами вдоволь, велѣли намъ идти назадъ въ тюрьму. Когда миновалъ страхъ нашъ и мы всѣ стали дивиться, видя другъ друга съ оголенными, точно телячьими головами и безъ бородъ, не могли удержаться отъ смѣха; потому что едва узнавали другъ друга: и такъ не только обрили насъ безплатно, но и даромъ довольно страху нагнали на насъ. Потомъ сказывали намъ достойные вѣры турки, что главный визирь дѣйствительно приказалъ урѣзать намъ носы и уши, и въ такомъ видѣ изувѣченныхъ отсылать въ христіанскую сторону; но свѣдавъ о томъ, Муфтій, то есть старшій по нашему епископъ, воспротивился и не хотѣлъ позволить, чтобы насъ под-

вергли такому позору, такъ какъ мы противъ нихъ не воевали, а были только въ посольствѣ и ничѣмъ неповинны; стало быть грѣхъ будетъ такъ насъ изувѣчить. И такъ великій визирь, не успѣвъ натѣшиться надъ нами местью, велѣлъ только обрить намъ головы и бороды, и на другой день приковать всѣхъ насъ на галеры къ весламъ въ числѣ другихъ невольниковъ.

И вотъ, когда привели насъ съ нарядною стражей, на ту галеру, то есть на большую военную ладью, тотчасъ Ахмедъ рейсъ или гетманъ, командиръ той ладьи, потурченый христіанинъ изъ волоховъ, принявъ насъ, велѣлъ всѣхъ приковать къ весламъ. Лодка была огромная; сидѣло въ ней по пяти невольниковъ на каждой лавкѣ, и всѣ тянули одно общее весло; повѣрить нельзя, какая эта великая тягота тянуть веслами на галерахъ; не можетъ быть на свѣтѣ работы тяжеле этой. Приковываютъ каждаго невольника за одну ногу на цѣпь подъ лавку, на столько отпуская цѣпь, чтобы онъ могъ взойти на лавку и тянуть весломъ; но во время тяги, ради превеликаго жару, иначе нельзя быть какъ совсѣмъ нагому, безо всякаго платья, такъ что на всемъ тѣлѣ ничего нѣтъ кромѣ холщевой исподницы; а когда изъ узкаго пролива лодка входитъ сквозь Дарданеллы въ открытое море, тогда надѣваютъ каждому невольнику на руки желѣзные наплечники или круги, для того, чтобы они не могли воспротивиться туркамъ или напасть

на нихъ. И такъ, по рукамъ и по ногамъ закованые невольники днемъ и ночью, когда вѣтру нѣтъ, должны работать веслами безъ отдыха; такъ что кожа на тѣлѣ совсѣмъ сгараетъ, точно у опаленаго вепря, жаръ бьетъ въ голову, потъ заливаетъ очи, и все тѣло точно въ водѣ; отъ этого дѣлается преужасная боль, особливо для нѣжныхъ рукъ, непривыкшихъ къ работѣ—руки всѣ покрываются пузырями отъ веселъ, и все тѣло должно изгибаться передъ весломъ. Какъ только гдѣ приставъ на лодкѣ замѣтитъ, что кто-нибудь иршлегъ или отдыхаетъ, тотчасъ его, по голому тѣлу бьетъ изо всѣхъ силъ воловьимъ ремнемъ или мокрымъ канатомъ, намоченнымъ въ морѣ, такъ что по всему тѣлу надѣлаетъ кровяныхъ шишекъ; и всякъ долженъ молчать, не смѣетъ оглянуться на него, не смѣетъ промолвить стона, не то посыплются на него двойные удары, а притомъ еще эти ужасныя, горькія слова: прегиди авасени, сиглигумъ, иргасемъ? то есть: а, песъ, ты еще ворчишь, еще разговариваешь? Гнѣваешься?

Такъ то случилось одному изъ нашего товарищества, мужу австрійскаго рыцарскаго чина, уже сѣдому человѣку: ударилъ его крѣпко турокъ воловьимъ ремнемъ по голой спинѣ, а онъ только два либо три раза воскликнулъ: ой! ради Господа Бога, не бей! Турокъ же, не разумѣя тѣхъ словъ, думалъ, что онъ бранится, и за то такъ избилъ несчастнаго, что онъ долженъ былъ впередъ научиться терпѣнью вмѣстѣ со

всѣми остальными. Невозможно представить себѣ, и повѣрить нельзя, чтобы могла живая душа человѣческая вынесть и вытерпѣть такую ужасную страду: *первое*, цѣлый день непрестаннымъ жаромъ—мало сказать печетъ, а просто жаритъ человѣка; *второе*, долженъ тянуть все время весломъ безъ отдыха, такъ что всѣ кости и жилы ему разломитъ; *третье*, каждую минуту можетъ испробовать на себѣ воловьяго ремня либо мокраго каната. А, кромѣ того, нерѣдко случается, что какой-нибудь баловникъ, негодный и злой турецкій мальчишка захочетъ сдѣлать себѣ потѣху и зачнетъ обходить по ряду одну лавку за другою, и бьетъ одного за другимъ всѣхъ невольниковъ, а самъ хохочетъ; и все то приходится не только сносить терпѣливо и молча отъ такого изверга, да еще до того дойдешь, что руку или ногу ему цѣлуешь и упрашиваешь такого сквернавца мальчишку, чтобы не гнѣвался. А въ пищу намъ только и давали, что два ломтя сухарей на день.

Когда приплывали мы къ одному острову гдѣ жили христіане, тутъ можно было выпросить, либо, у кого были деньги, купить сколько нибудь вина, или каши или похлебки. Иногда останавливались у берега дня на два на три или и больше; тутъ вязали мы изъ бумаги чулки и рукавицы, продавали и покупали себѣ зелени и овощей на варево, которое готовили у себя на ладьѣ. Лавки у насъ на ладьѣ были довольно узкія, и на каждой лавкѣ приковано было пятеро. Вшей и

клоповъ завелось великое множество, но кожа была уже у насъ такъ накусана и такъ загрубѣла отъ солнца, что всей этой нечисти мы почти не чувствовали. У каждаго имѣлось по двѣ синія рубашки и по красной суннѣ, а кромѣ того никакой верхней одежды не было, и только все это надѣвали мы на себя на ночь. Подлинно была наша жизнь на той ладьѣ самая бѣдственная, самая жалостная и горькая до смерти!

Когда случалось гдѣ достать глотокъ вина (самое отличное вино на Мраморномъ островѣ гдѣ ломаютъ мраморъ, изъ тамошняго винограда),—какъ это веселило и подкрѣпляло насъ въ нашей страдѣ! Еще любили мы очень, когда доводилось ѣсть, добрый волошскій сыръ, который привозятъ изъ волошской и молдавской земли въ Константинополь на продажу. Дѣлаютъ его волохи такимъ способомъ: берутъ свѣжую шкуру съ козла, только что убитаго, сшиваютъ ее въ мѣшокъ, мѣхомъ внутрь а сыровьемъ наружу, наполняютъ всю творогомъ и зашиваютъ; тамъ творогъ весь прокиснетъ и смѣшается съ волосами, но на это не смотрятъ, и такъ пускаютъ сыръ въ продажу. Однажды шестеро изъ насъ, продавши что навязали, рукавицъ и чулокъ, купили большой кусокъ такого съ волосомъ смѣшаннаго сыру, и онъ такъ пришелъ намъ по вкусу, что казался лучше всякихъ конфектъ. Варили себѣ изъ него похлебку, накрошили заплесневѣлыхъ сухарей и ѣли себѣ во славу съ такимъ вкусомъ, не обращая вниманія на то, что тутъ

были волосы: это намъ не претило. Ахъ! сколько разъ, безъ счету, вспоминалъ я, какъ бывало я въ Чехахъ псамъ даромъ ядущимъ варилъ похлебку изъ хорошаго чистаго сыру, отличнаго хлѣба крошилъ и такъ кормилъ ихъ, а теперь я бѣдный долженъ былъ отъ несноснаго голоду за радость почитать себѣ дрянной волосатый сыръ съ плесневыми корками. Не разъ думалось, охотно сталъ бы тѣмъ псамъ товарищемъ въ тогдашней ѣдѣ. Но достойно и праведно судилъ Господь Богъ такой бѣдѣ придти на насъ за грѣхи наши. Прежде, покуда жили мы на свободѣ и веселились роскошною жизнью въ Константинополѣ, не хотѣли мы вѣрить невольникамъ, что такое у нихъ бѣдственное и мучительное житье; а вотъ за то довелось и намъ самимъ испытать на себѣ, каково то житье бываетъ. И правда, покуда живетъ человѣкъ въ роскоши, не хочетъ вѣрить бѣдному, въ нуждѣ живущему человѣку, что́ у него горя на душѣ,—и настоящей жалости къ нему не имѣетъ, покуда самъ не испытаетъ того же. О, когда бы такого человѣка приковать къ весламъ недѣли на двѣ!

Было между нашими товарищами нѣсколько изнѣженныхъ австрійцевъ, которые отъ роду не ѣдали сыру и духу его терпѣть не могли, такъ что на свободѣ когда гдѣ имъ попадется ножъ или хлѣбъ съ запахомъ сыра, тошнило ихъ и ничего не могли ни ѣсть ни пить. Когда сидѣли тѣ бѣдные австрійцы на галерѣ и видѣли какъ мы покупаемъ волошскій воло-

сатый сыръ, сначала объявили рѣшительно что лучше умрутъ съ голоду чѣмъ станутъ ѣсть такую отвратительную вещь, но вкусъ ихъ перемѣнился очень скоро. Ничего не имѣя кромѣ плесневыхъ сухарей и то не до сытости, и видя какъ мы съ превеликою охотою ѣдимъ похлебку изъ того сыру, стали и они отъ голода зариться на насъ глазами и просить насъ, чтобы дали имъ попробовать нашего кушанья. А послѣ того рады были съ охотой поѣсть не только похлебки но и самаго того сыру изъ волосатаго мѣха, лишь бы только гдѣ достать его. Нѣтъ лучше повара какъ желудокъ, а особливо голодный: все переваривaетъ, ко всему привыкаетъ, хотя бы что на взглядъ и не вкусно казалось; когда хочется ѣсть, не будешь разборчивъ; такъ-то великій мастеръ нужда всему человѣка научитъ.

Однажды принесъ намъ турокъ цѣлый мѣшокъ вареныхъ бараньихъ головъ на продажу, и мы, купивъ, благодарили его; но выходя изъ лодки наткнулся онъ на нашего пристава, который сталъ его допрашивать: кто ему позволилъ войти въ лодку и безъ спросу у пристава продавать невольникамъ бараньи головы. Турокъ съ нимъ что то заспорилъ, приставъ ударилъ его кулакомъ и когда тотъ хотѣлъ бѣжать, ухватилъ его; но турокъ, вырвавшись у него изъ рукъ, бросился назадъ къ намъ въ лодку и сквозь наши ряды, къ несчастью нашему, убѣжалъ отъ него. Тогда приставъ такъ жестоко разгнѣвался на насъ, какъ мы

его не задержали,—что тотчасъ, пройдя отъ первой лавки до послѣдней по обѣ стороны, велѣлъ каждому изъ насъ дать по голой спинѣ по шести ударовъ воловьимъ ремнемъ; и такъ за того безбожника триста убогихъ христіанскихъ невольниковъ пострадать должны были. Когда бы въ другой разъ пришелъ къ намъ въ ладью тотъ турокъ, кажется мы на куски разорвали бы его. Я, вмѣстѣ съ другими которые послабѣе были, долго страдалъ отъ этого битья, покуда не зажили раны; на тѣлѣ вскочили кровяныя шишки, а пора была самая жаркая, мы должны были отъѣзжать отъ острова и работать веслами; кожа потрескалась, въ поту все тѣло горѣло, точно грызло всю внутренность, отъ боли можно было съ ума сойти. Но Господь милосердый помогъ мнѣ найти милость у одного турка который, сжалившись надо мной, далъ мнѣ кусокъ мази на мои раны; а все таки не скоро могъ я освободиться отъ боли, и тѣмъ по крайней мѣрѣ утѣшалъ себя въ бѣдѣ отъ которой избыть нельзя было, что я не одинъ страдаю, а вмѣстѣ со мною триста товарищей. Такъ и въ пословицѣ говорится:

Коль отъ бѣды спасенья нѣтъ нигдѣ,
То счастье—быть съ *товарищемъ* въ бѣдѣ.

Въ ту пору въ черной башнѣ сидѣло 16 важныхъ узниковъ: 4 венгерца, 2 грека, одинъ нѣмецъ, а остальные всѣ волохи. Тѣ греки были знаменитые пираты или морскіе разбойники, и много наносили вреда

турецкимъ купцамъ. А нѣкоторые изъ тѣхъ узниковъ сидѣли въ башнѣ по 14 и по 15 и по 16 лѣтъ, безъ всякой надежды на освобожденіе. Оба грека, извѣстные своимъ безстрашіемъ и отвагой, въ третій разъ уже попались въ плѣнъ къ туркамъ. Два раза уже убѣгали они изъ тюрьмы, и на третій разъ посажены въ черную башню, значитъ въ вѣчное заточеніе: тутъ сидѣли они уже три года, и какъ оба были очень хитры, то день и ночь не переставали придумывать, какъ бы имъ убѣжать въ третій разъ. Но къ нимъ не допускали ходить ни одному человѣку, и они окружены были крѣпкою стражей. И вотъ одинъ изъ нихъ разнемогся, и имѣя при себѣ коекакія деньги, послалъ ихъ въ даръ гетману той черной башни, ради Бога умоляя его, чтобы позволилъ одному христіанину принесть ему флягу вина либо водки. Гетманъ, хотя и съ великимъ трудомъ, наконецъ позволилъ, и одинъ грекъ принесъ ему въ тюрьму флягу водки; тогда хитрецъ успѣлъ уговорить того христіанина, чтобы взялъ отъ него маленькую втайнѣ заготовленную записочку и передалъ ее недалеко на островъ одному пріятелю: тотъ и передалъ. Черезъ нѣсколько недѣль, какъ отъ тѣхъ двухъ грековъ было заказано, пришли какіе-то неизвѣстные греки крестьяне и привезли гетману барана добраго, меду, рису, масла, оливъ, дынь и всякаго овощу, и просили взять себѣ что угодно, а остальное раздать тюремнымъ сидѣльцамъ. Еще привезли тѣ крестьяне

боченокъ вина и просили нельзя ли то вино употребить на подкрѣпленіе больнымъ, а притомъ разсказывали, что все то дѣлаютъ ради милостыни за грѣхи свои. Гетманъ, обрадовавшись дарамъ, взялъ себѣ барана и изъ прочаго что полюбилось, а остатокъ, небольшую долю, послалъ въ тюрьму, отдалъ и боченокъ съ виномъ, потому что вина не пьютъ турки. А въ томъ боченкѣ было двойное дно и въ серединѣ спрятано письмо отъ пріятелей тѣхъ обоихъ грековъ, а въ письмѣ спрашивали, что еще нужно доставлять имъ въ тюрьму. Греки, не говоря о томъ ни слова никому изъ тюремныхъ узниковъ, опять передали пріятелямъ своимъ письменное извѣстіе, что еще затѣмъ нужно дѣлать. Черезъ нѣсколько времени пришли еще новые греки и еще больше даровъ нанесли гетману, а въ тюрьму послали два боченка водки. Туркамъ дары тѣ очень полюбились, и на мысль имъ не приходило, что столько добра приносятъ имъ только для прикрытія, и еще сами они приговаривали грекамъ, чтобы почаще носили бѣднымъ узникамъ милостыню. А въ тѣхъ двухъ боченкахъ было четыре дна, и запрятаны между ними подпилки и пилы, шелковые снурки и разные инструменты. Такъ цѣлый годъ ходили греки и носили свою милостыню. Напослѣдокъ деньгами достигли они до того, что турки позволили дать всѣмъ узникамъ холста на рубашки. Оба грека такъ были хитры и такъ осторожно укрывали ото всѣхъ свои

сношенія, что не только турецкіе стражники, но и всѣ товарищи ихъ въ тюрьмѣ ни о чемъ не догадывались. Да и на памяти ни у кого не было, чтобы кто-нибудь когда убѣжалъ изъ черной башни.

Когда все, что требовалось, имѣли уже греки въ рукахъ у себя, и напослѣдокъ принесли имъ два боченка съ горѣлкой,—тутъ въ первый разъ оба они открылись своимъ товарищамъ, объявивъ имъ, что они намѣрены съ Божьей помощью освободить себя и ихъ изъ тюрьмы; но прежде нежели приводить въ дѣйствіе, должны были всѣ, положивъ два перста на Евангеліе, дать присягу, что будутъ хранить тайну, а если откроется ихъ замыселъ, не станутъ выдавать другъ друга. Послѣ того устроили они себѣ угощеніе и начали угощать водкой своихъ стражей, ибо турки съ охотою пьютъ водку, которую греки отлично умѣютъ выдѣлывать изъ фигъ и изъ винограда.

Итакъ, въ одинъ вечеръ, когда стража перепилась, оба грека перепилили себѣ и всѣмъ узникамъ клепала, которыми закрѣплены были на нихъ кандалы, и потомъ залили оловомъ, для того, чтобы, если случится кому ихъ осматривать, клепала оказались бы въ цѣлости; а потомъ уже, когда понадобится, оловянную закрѣпу легче будетъ перепилить, нежели желѣзную. Всѣ должны были отдать грекамъ свои рубашки, а они свили изъ рубашекъ длинную веревку, закрѣпляя шелковымъ шнуркомъ. Потомъ, выбравъ

время, поручили нѣкоторымъ изъ невольниковъ нарочно затѣять пиръ съ турецкою стражею, пить водку, пѣть пѣсни и шумѣть, а между тѣмъ греки подъ этотъ шумъ прорѣзали маленькими пилами въ потолкѣ три отверстія, чтобы можно было человѣку пролезть, и такъ добрались до верхняго окна въ башнѣ, а оттуда ночью вымѣрили всю высоту башни и устроили веревку такой длины, чтобы до земли достала. А былъ у нихъ съ друзьями такой уговоръ, чтобы каждую ночь въ положенномъ мѣстѣ у берега держалась до самаго утра легкая лодка съ зажженымъ фонаремъ и поджидала бы ихъ. Цѣлую ночь горѣлъ огонь въ фонарѣ, чтобы тѣ греки видѣли куда имъ направиться, когда успѣютъ выбраться изъ тюрьмы.

На слѣдующую ночь (пришлось то по Божьей волѣ на день Св. Іоанна Крестителя) опять напоили они свою стражу, и какъ только она заснула, роздали напилки всѣмъ товарищамъ; всѣ тотчасъ перепилили клепала на своихъ кандалахъ (кромѣ одного нѣмца Герштейнера, у котораго на одной только ногѣ было надпилено клепало), и одинъ за другимъ въ темную ночь вылезли въ отверстія черезъ крышу. Оба грека, люди опытные въ этихъ дѣлахъ, зная какая безцѣнная вещь свобода, опасались, какъ бы при спускѣ не спѣшили одинъ передъ другимъ попасть на веревку: тутъ кто-нибудь могъ неосторожно упасть внизъ и надѣлать тревогу: и такъ они устроили изъ лоскутковъ сукна и изъ канату точно сѣдельце, пу-

стали на него садиться одного за другимъ, начиная со старшихъ и каждаго привязывали за поясъ, чтобы не упалъ; такъ спустили всѣхъ, а сами напослѣдокъ слезли вниз, цѣпляясь какъ обезьяна, безъ сѣдельца. Очутившись на землѣ, прежде всего пали на колѣна воздать хвалу Господу Богу; потомъ перелезли черезъ ровъ, и греки, взявъ съ собой одного только — мальтійскаго рыцаря, простились съ остальными, предоставивъ каждому искать своего счастія, хотя никто не зналъ въ которую сторону бѣжать ему; сами же греки поспѣшили въ своей лодкѣ, и ни мало не мѣшкая, съ радостью поплыли вольно куда хотѣли.

Одинъ венгерецъ, Балашъ Дакъ Истванъ, взятый при осадѣ крѣпости Ягера (Эрлау), гдѣ онъ былъ комендантомъ, человѣкъ уже старый и притомъ больной, не въ силахъ былъ перелезть черезъ ровъ, упалъ и остался тутъ на мѣстѣ. Рано на разсвѣтѣ, какъ только священники турецкіе стали звать на молитву, замѣтили турки на башнѣ висѣвшую веревку, тотчасъ подняли тревогу, побѣжали вверхъ на башню и увидѣли мѣсто, черезъ которое убѣжали узники. Гетманъ, не помня себя отъ страху, поѣхалъ въ Константинополь донести о происшествіи, и вслѣдствіе того въ Константинополѣ и въ Галатѣ заперли вокругъ всѣ ворота, и разослали во всѣ стороны по землѣ и по водѣ нѣсколько тысячъ народу разыскивать тѣхъ узниковъ, однако никого не нашли кромѣ венгерца, оставшагося во рву, да на третій день

отъискали въ винограднике того нѣмца Герштейнера, потому что онъ никакъ не могъ разбить оковъ своихъ. Обоихъ привели къ верховному пашѣ, и когда они объявили ему по истинной правдѣ всю исторію побѣга, паша спрашивалъ муфтія, то есть главнаго священника, какъ поступить съ этими узниками? На то муфтій сказалъ ему, что не слѣдуетъ имъ за это никакой казни, а разсудилъ бы паша: когда птица въ клѣткѣ, имѣя вдоволь всякаго питья и корму, вознесши выглядываетъ: нѣтъ ли гдѣ дыры куда бы ей вылетѣть, то тѣмъ болѣе узникъ, терпя голодъ, бѣду, всякую нужду, какъ разумное твореніе, жаждущее свободы, высматриваетъ всякаго способа къ своему освобожденію. По этой причинѣ челoвиицы они и никакого наказанія не достойны; но стражи ихъ заслужили себѣ смертную казнь, потому что они вовсе не исполнили своей обязанности и умышленно упустили таникъ важныхъ узниковъ, отъ которыхъ можетъ быть много вреда туркамъ. Паша немедленно велѣлъ всѣхъ бывшихъ въ ту ночь на стражѣ, и гетмана ихъ, повѣсить на самомъ верху крѣпости, а на мѣсто его назначилъ другаго агу, именемъ Мегмета, и поручилъ ему въ присмотръ тѣхъ двухъ узниковъ, съ такимъ предупрежденіемъ, чтобы держалъ въ умѣ на примѣръ себѣ прежняго гетмана, и самъ смотрѣлъ бы лучше за стражами, если не желаетъ себѣ подобной казни.

Черезъ три мѣсяца поймали турки еще двухъ венгерцевъ, которые въ ту пору бѣжали изъ черной ба-

ши, дворянина Кристофа и гусара Матвѣя: родной братъ ихъ, гусаръ, знаменитый рыцарь въ Венгріи, храбро воевалъ и побилъ множество турокъ. Оба эти бѣглеца скрывались въ Константинополѣ у одного потурченаго венгерца: онъ купилъ имъ прекрасныхъ коней, досталъ платье и далъ денегъ на дорогу, чтобы перебраться въ Венгрію. Такъ и отправились они изъ Галаты, будто военные люди, только вспомнили что нѣтъ у нихъ ранцевъ, и на свою бѣду, слезли съ коней, пошли покупать въ лавку. На ту пору случился тутъ служитель того повѣшаннаго аги — узналъ гусара Матвѣя и закричалъ: держите — это гусаръ Матвѣй, что бѣжалъ изъ черной башни. На тотъ крикъ сбѣжались турки, человѣкъ со сто и схватили обоихъ. А они, не признавались, назвали себя турецкими гусарами, будто пріѣхали изъ Будина за своимъ дѣломъ по двору, называли своего начальника у кого служатъ, и стали ссылаться на агу надъ янычарами. А когда привели ихъ къ тому агѣ, они такъ хитро передъ нимъ извернулись и оправили себя, что ага еще туркамъ сдѣлалъ выговоръ и велѣлъ тотчасъ отпустить ихъ, пусть-де ѣдутъ своею дорогой. Оба они еще дѣтьми были взяты въ плѣнъ въ Венгріи, обрѣзаны и потурчены и научились отлично говорить по турецки; а когда выросли и вернулись въ христіанскую сторону, то оставили ложь Магометову; потомъ ихъ въ другой разъ взяли въ плѣнъ, и посадили въ черную башню. Едва стали

они тутъ садиться на коней, какъ наткнулся на нихъ одинъ спагъ, т. е. конный солдатъ черноморскій; онъ сразу призналъ ихъ, назвалъ ихъ по имени и потребовалъ, чтобы взяли ихъ подъ крѣпкую стражу, потому что онъ обоихъ знаетъ — такъ какъ свой глазъ. Взяли ихъ, связали и свели опять въ черную башню, гдѣ и мы потомъ ихъ видѣли, когда насъ посадили туда-же.

Полгода пробыли мы на галерахъ; напослѣдокъ стали турки опасаться, чтобы кто изъ насъ не убѣжалъ, и снявъ съ галеръ привели въ прежнюю тюрьму, гдѣ и оставили насъ съ недѣлю. Между тѣмъ опять пришли вѣсти о славныхъ побѣдахъ нашего рыцарства надъ турками въ Венгріи, и поднялась отъ того вездѣ великая печаль и жалоба. Однажды, рано по утру, пришелъ къ намъ тюремный писарь, выслуженный испанецъ, Альфонсо-ди-Страда, и съ жалостнымъ видомъ сталъ говорить, что турки крѣпко злобятся на насъ, и надо быть тому вѣрно, что запрутъ насъ въ черную башню; только онъ никакъ не желаетъ намъ такого заточенія. Тутъ мы всѣ принялись горячо молить Господа Бога, чтобы избавилъ насъ отъ страшной черной башни.

Послѣ обѣда пришелъ отъ паши Кіаія, велѣлъ всѣхъ насъ вывесть вонъ и объявилъ намъ приказъ отъ своего паши, чтобы мы взяли свои вещи и шли за нимъ, — всѣхъ-де насъ повезутъ на лодкѣ въ черную башню. Какъ только услышали мы черную баш-

нію и горькую вѣсть, что намъ готовится такое страшное заточенье, сердце у насъ упало, и всѣ мы въ одинъ голосъ зарыдали жалобно. И всѣ остальные невольники, жалѣючи насъ, съ нами заплакали; а намъ лучше казалось чтобы смерть пришла, нежели идти въ такое ужасное и нестерпимое заключеніе. Связали мы свои вещи, и съ узелками на плечахъ печально простились съ другими невольниками, но отъ горькихъ слезъ не могли ни слова вымолвить. Такъ всѣ, сколько ни было ихъ въ тюрьмѣ, съ жалобнымъ плачемъ проводили насъ до воротъ.

Горькая та была и жалостная дорога! сердце могло надорваться отъ боли. Тутъ иные изъ невольниковъ совали намъ въ руки на прощанье, что у кого нашлось — иной давалъ намъ ломтикъ хлѣба, иной связку иголъ, иной клочекъ хлопчатой бумаги. Пришедя къ воротамъ, съ горькимъ плачемъ стали мы благодарить Кварліана пашу за то что былъ милостивъ къ намъ, и онъ сжалившись надъ нами самъ прослезился; и хотя насъ утѣшить, говорилъ намъ: «ну, милые сидѣльцы, знать не взлюбилъ васъ пророкъ Магометъ, что надо вамъ идти въ такое тяжкое заточенье: вѣдь вы до самой смерти оттуда не выйдете, и ужь не свидѣться вамъ никогда со своими ближними! И покуда живы, не увидите ни солнца, ни мѣсяца; а такъ до смерти будете сидѣть въ бѣдѣ, въ нуждѣ и въ темнотѣ; жаль мнѣ васъ несчастныхъ людей! а ежели захотите потурчиться, то избавитесь

отъ всѣхъ бѣдъ, и еще одаритъ васъ паша богатыми дарами. Рѣшитесь на это—послушайте моего совѣта: вѣдь какъ только вы туда попадете, всѣ на свѣтѣ про васъ забудутъ. Эта тюрьма такъ и зовется—живымъ могила, отъ того что въ ней невольники все равно что во гробѣ, и оттуда ужь не выходятъ».

Отъ такихъ рѣчей еще прибавилось намъ болѣзни и печали сердечной, и обнимая другъ друга простились мы съ невольниками и со всѣми турками. На прощанье велѣлъ паша напоить насъ виномъ и дать по ломтю хлѣба, только не хотѣлось намъ въ ту пору ни ѣсть, ни пить, и отъ слезъ не могли мы ни глядѣть, ни слова вымолвить, зная навѣрное, что нѣтъ намъ надежды на выходъ изъ того заточенья до смерти. Дивно, какъ никто изъ насъ въ тотъ часъ не умеръ: такъ у насъ у всѣхъ сердце щемило отъ страха. Не просто съ плачемъ, а съ великимъ рыданіемъ сѣли мы въ лодку, съ горестью глядя на Константинополь; особенно горько стало намъ, когда увидѣли мы колонну, возлѣ которой стоялъ прежній нашъ домъ, гдѣ бывало жили мы на волѣ и въ веселости,—а теперь несчастные должны идти въ вѣчное заточенье. Кто бы ни писалъ, не въ силахъ будетъ выразить все наше горе и бѣду нашу; и меня самого въ эту минуту, когда пишу, одолѣваетъ болѣзнь сердечная: и такъ довольно уже говорить объ этомъ.

Когда же близко мы были отъ той крѣпости, гдѣ стоитъ Черная башня, стали турки намъ показывать ее

и утѣшать насъ такою рѣчью, чтобы имѣли мы надежду на Бога: сидемъ де Богъ насъ и изъ нея освободить,—и вотъ де съ полгода тому назадъ освободились изъ нея невольники; но мы отъ слезъ и отъ горя не могли ни говорить, ни глядѣть,—и дивное это дѣло, откуда берется столько слезъ изъ очей! Когда бы не мысль о душѣ своей, кажется лучше бы мы выбросились въ море и утопились бы: такой обуялъ насъ страхъ и такая тоска нашла отъ одной мысли, что нѣтъ ни малѣйшей надежды выйти когда нибудь изъ этой тюрьмы; притомъ еще думалось, что новый ага будетъ еще строже содержать насъ нежели прежній смотрѣлъ за своими узниками: въ этомъ мы и не ошиблись.

Когда пристали къ берегу подъ самую крѣпость, спустили намъ сверху лѣстницу, и мы, взявши на плеча узелки свои, полезли по ней за гетманомъ въ крѣпость. На верху пришли къ большимъ желѣзнымъ воротамъ, которыя тотчасъ отворили намъ, а за воротами черезъ площадку открывался проходъ, и въ концѣ его опять желѣзная дверь въ самую башню. Начальникъ съ лодки подалъ письмо отъ верховнаго паши Магомету агѣ, то есть гетману той Черной башни; и прочитавъ письмо, ага сказалъ громко: что же я буду дѣлать съ этими несчастными узниками? кажется не заслужили они такого тяжкаго заточенья. Неужели не нашлось для нихъ тюрьмы полегче? Несправедливо такъ истязать невинныхъ людей. Потомъ,

поглядѣвъ назадъ и видя, что всѣ мы горько плачемъ и глаза у насъ налились кровью отъ слезъ, промолвилъ: Аллахъ Біуктеръ, куртулуръ Сиве! то есть: не бойтесь, Богъ великій освободитель! и вслѣдъ затѣмъ велѣлъ отворить страшную дверь и идти намъ въ тюрьму.

У кого есть жалостливое сердце, тотъ пусть вообразитъ себѣ, каково было горе наше, плачъ и сѣтованіе, что мы уже до смерти своей не вернемся назадъ въ эти двери, развѣ мертвыхъ вонъ вынесутъ. Ахъ! подлинно нѣтъ горести выше этой, и гдѣ не остается никакой надежды, тамъ и жить нѣтъ охоты: такъ и намъ хотѣлось лучше на мѣстѣ пасть мертвыми, нежели вступать въ эту башню. Но все было напрасно, ибо такъ Богу угодно было.

Войдя въ ужасную темную башню, нашли мы тамъ четырехъ узниковъ, о которыхъ выше было помянуто, и они встрѣтили насъ жалостливо, сокрушаясь о насъ, что довелось намъ быть имъ товарищами въ бѣдѣ и тѣснотѣ. Тутъ, гдѣ кто сѣлъ, тотъ и долженъ былъ цѣлые два года сидѣть, лежать и имѣть бѣдственное свое жилище. Башня та превеликой высоты, но въ ширину невелика, такъ что всѣ мы, числомъ двадцать два съ четырьмя прежними, и того двадцать шесть человѣкъ, едва могли улечься рядомъ, и еще плотно прикасаясь другъ къ другу. Внутри башни устроена клѣтка изъ толстыхъ дубовыхъ брусьевъ, гдѣ содержали прежде львовъ, и такъ расположена, что стража

можетъ ходить вокругъ той клѣтки, гдѣ внутри сидятъ невольники, и видѣть все, что они дѣлаютъ. Въ серединѣ клѣтки горитъ днемъ и ночью стеклянная лампа, а вокругъ поделаны колоды, въ которыя мы упирались ногами. Положено было насъ приковать за ноги къ тѣмъ колодамъ, но Богъ далъ намъ милость предъ нашимъ гетманомъ, такъ что не велѣлъ онъ сажать насъ въ колоды; только когда кто изъ незнакомыхъ турокъ пріѣзжалъ въ башню, гетманъ посылалъ напередъ къ намъ стражей замкнуть насъ за обѣ ноги въ колоды, и потомъ, по отъѣздѣ турокъ, приказывалъ опять насъ выпустить.

Былъ тотъ гетманъ изъ христіанскихъ дѣтей, хорватъ родомъ, старикъ, лѣтъ уже 90, горячій человѣкъ къ своей вѣрѣ и до насъ добръ, но въ должности своей престрогій; самъ присматривалъ за стражами, часто приходилъ въ башню и приказывалъ каждый день осматривать у всѣхъ кандалы. Ежедневно стражники осматривали насъ по всему тѣлу и все платье наше переглядывали, не найдется ли у кого ножъ либо пила; гетманъ, имѣя передъ собою примѣръ прежняго, повѣшеннаго аги, не давалъ себѣ ни малѣйшей ослабы въ надзорѣ. На другой же день рано поутру вывели насъ одного за другимъ изъ башни, велѣно было каждому заковать ноги въ огромныя желѣзныя кандалы, и потомъ опять погнать насъ въ башню. Тутъ вложилъ Богъ добрую милость во мнѣ въ душу одному изъ стражниковъ, потурчсиному хор-

вагу, и онъ мнѣ шепнулъ совѣтъ, чтобы я выходилъ послѣднимъ изъ башни. Всѣмъ моимъ товарищамъ наложили на ноги кандалы и отослали ихъ назадъ въ башню; тогда и я, какъ былъ въ рубашкѣ, только сук-ня накинута на плеча, приведенъ былъ къ агѣ съ его совѣтниками; тогда, обратясь къ нимъ, хорватъ сказалъ: кандалы всѣ вышли, больше нѣтъ. Услышавъ тѣ слова, ага приказалъ было отвесть меня въ башню безъ желѣзъ; но совѣтники стали возражать ему, представляя, что я, хоть и молодой человѣкъ, все-таки могу себѣ и товарищамъ быть пособникомъ въ бѣгствѣ изъ тюрьмы, и самъ де онъ знаетъ, какъ бы потомъ не пришлось отвѣчать за недосмотръ. Ради того порѣшили они заковать и меня, а какъ недостало кандалъ, то надѣли мнѣ два круга желѣзныхъ на обѣ ноги и закрѣпили цѣпью; все таки легче было мнѣ тащить на себѣ цѣпь, нежели кандалы, и можно было вольнѣе протянуть ноги. Такъ и я долженъ былъ съ горемъ тащиться въ башню вслѣдъ за своими товарищами.

Наступалъ уже третій день, а намъ не давали хлѣба и никакой пищи: мы послали просить къ себѣ агу своего, и спрашивали, что хотятъ съ нами дѣлать. Третій день уже у насъ ничего во рту не было, и если хотятъ голодомъ морить насъ, то пусть лучше бросятъ въ море и утопятъ, чтобы по крайней мѣрѣ разомъ избыть намъ отъ бѣды своей. Видя, какъ мы предъ нимъ горюемъ и плачемъ, возъимѣлъ онъ самъ

такую жалость надъ нами, что и у него слезы капали изъ очей. И сказалъ намъ такъ: живъ есть Богъ и великій Магометъ пророкъ Его, что не отъ моей воли такое тяжкое и мрачное вамъ заточенье. Не могу надивиться, какъ они заперли васъ въ тюрьму и не дали мнѣ никакого приказу, какъ дальше поступать съ вами. Не думаю никакъ, чтобы хотѣли они уморить васъ голодомъ: въ такомъ случаѣ не посадили бы васъ сюда съ другими невольниками, а заперли бы въ подземелье, куда сажають турокъ на голодную смерть. Сейчасъ поѣду нарочно въ Константинополь, узнаю, что мнѣ дальше съ вами дѣлать и вамъ дамъ знать. Тутъ мы всѣ со слезами стали цѣловать ему руки, ноги и одежду, поручая себя ему, и съ великимъ страхомъ ждали его возвращенія.

Вернувшись изъ Константинополя передъ вѣчеромъ, онъ обнадежилъ, что не уморятъ насъ и извѣстилъ, что по просьбѣ его назначено намъ отъ паши на прокормъ по три крейцера на день. При томъ еще сказалъ, что долго придется намъ ждать пока выдадутъ деньги, такъ какъ жалованье за службу дворянамъ и военнымъ людямъ выплачивается по четвертямъ года, и намъ въ тотъ же срокъ будутъ отпускать наше положеніе, и потому до тѣхъ поръ надо употребить какой нибудь способъ для нашего продовольствія. Онъ распорядился такъ: зная, что неоткуда намъ достать денегъ, добрый человѣкъ поручился за

насъ передъ хлѣбникомъ въ томъ мѣстечкѣ при Черной башнѣ, чтобы каждому изъ насъ давали по два ломтя въ день, а онъ будетъ уплачивать деньги за тотъ хлѣбъ черезъ каждые три мѣсяца. Какъ сказалъ онъ, такъ и исполнилъ, платилъ хлѣбнику каждую четверть, а третій крейцеръ удерживалъ въ свою пользу за хлопоты; и такъ больше двухъ крейцеровъ на день не хотѣлъ давать намъ—и то мы должны были принимать съ благодарностью. А какъ нельзя было пить морскую воду, то приносили намъ хорошую ключевую воду съ горы, за нѣсколько верстъ отъ мѣстечка; и давали всѣмъ двѣ кружки на день, такъ что мы едва могли утолить жажду, ибо въ тюрьмѣ у насъ бывалъ жаръ нестерпимый; изъ-за той воды бывали у насъ часто ссоры между собою, когда одинъ выпьетъ больше нежели другой. И для того, чтобы всѣмъ была ровная мѣра, придумали мы употребить работу; научившись вязать, складывались по пяти и по шести человѣкъ вмѣстѣ: одинъ пряль бумагу, другой сучилъ нитки, третій вязалъ, и такъ далѣе. Такъ заработали мы себѣ кое-какія деньги, либо продавали свое вязанье, либо присылали намъ за него муки, масла, хлѣба, уксусу и нѣсколько аспровъ. Тогда, сложившись всѣ вмѣстѣ, купили мы на каждаго человѣка по особливой кружкѣ и большую деревянную посудину, куда ставили свои кружки, и какъ только принесутъ воду, наполняли свои кружки, одинъ за другимъ, по очереди. А если затѣмъ оставалось еще

воды въ посудинѣ, то по очереди брали оттуда воду черезъ день, и каждый держалъ свою воду до новаго приносу.

Еще купили мы себѣ большую корчагу, обмазали ее глиной, которую достали намъ стражники, и устроили себѣ въ родѣ печки. Изъ вязальной казны купили еще углей и мѣхъ, и сложившись по пяти и по шести человѣкъ въ товарищество, копили воду. Когда накапливалось нѣсколько кружекъ, каждый по очереди долженъ былъ въ тотъ день варить кушанье: взявши ломтя два три хлѣба, крошилъ въ воду, разводилъ огонь, варилъ кашу и готовилъ кушанье своимъ сотоварищамъ. Что всѣ навязали чулокъ и рукавицъ, долженъ былъ выпаривать въ горячей водѣ, а когда бывало ея достаточно, мылъ рубашки—и всѣ сидѣли въ это время голые, иной разъ мылъ всѣмъ головы; и такъ, кому приходилось, тотъ цѣлый день былъ хозяиномъ, а потомъ передавалъ очередь другому. Превкусная бывала каша, когда удавалось иной разъ достать деревяннаго масла, тогда, послѣ масляной каши, мы пальцы себѣ облизывали; иной разъ бывало у насъ хлѣба до сытости, иной разъ цѣлый день до вечера доводилось сидѣть безъ пищи; иной разъ, когда видѣли, что есть еще у насъ вода, не приносили ея дня по два, — и такъ жили мы тѣмъ, что намъ сдѣлаютъ изъ милости. И ничего не давали намъ даромъ, безъ денегъ, кромѣ соли, потому что ея было въ крѣпости нѣсколько полныхъ подваловъ:

лежала та соль съ той поры, какъ султанъ Магометъ осаждалъ Константинополь и наполнилъ ту крѣпость всякимъ провіантомъ: той соли ага присылалъ намъ вдоволь.

Когда привыкли мы къ ужасной тьмѣ въ тюрьмѣ своей, и когда устроили у себя такой порядокъ, достали мы нѣсколько латинскихъ и нѣмецкихъ книгъ, какъ-то: библіи, пѣсни и другія книги для чтенія. Когда смѣнялась наша стража, мы знали что день начинается; тутъ запѣвали мы хоромъ утренніе гимны, читали изъ библіи, и молились Господу Богу о своемъ освобожденіи и о помощи витязямъ христіанскимъ противъ турокъ; потомъ каждый принимался за свою работу и цѣлый день работалъ. А вечеромъ, когда пересматривали у насъ оковы, запѣвали мы вечерніе гимны: знали что ночь пришла, и, помолившись, отходили ко сну, либо нѣсколько времени читали еще при свѣтѣ. Великое было намъ утѣшеніе въ томъ, что достали мы тѣ книги и могли читать ихъ.

Турки хотя и смѣялись нашему пѣнію и моленью, но не препятствовали намъ, и сами не забывали своего моленья, когда наступалъ часъ его. А мы бѣдные невольники, видя что нельзя намъ избыть бѣды своей, утѣшали другъ друга, и одна только оставалась у насъ надежда—дождаться вѣчнаго покою; и такъ во всемъ предавъ себя Господу Богу, сносили мы терпѣливо тьму, голодъ, смрадъ и ужасную нечистоту! Некуда было выходить намъ, кромѣ одного угла, гдѣ

выкопана была большая канава, туда ходили всѣ вмѣстѣ и должны были промывать нечистоты водою. Отъ того стоялъ у насъ такой смрадъ, что турецкіе стражники иной разъ не могли переносить его, но зажимали себѣ носы, когда обходили насъ, и крѣпко ругались; но мы смѣялись уже надъ ними, потому что стали сами нечувствительны къ этому смраду, привыкнувъ къ нему.

Ахъ! каково было намъ вспоминать о милой нашей родинѣ! Какіе обѣты давали сами въ себѣ, если только Богъ поможетъ намъ вернуться къ своему народу,— жить во всякой добродѣтели! Сколько разъ, вздыхая, желали быть поденщиками въ работѣ у своихъ ближнихъ, какъ бы мы тогда заработывали себѣ хлѣбъ и до сыта бы наѣдались. Вспоминали мы и прежнюю роскошь съ прежнимъ житьемъ своимъ, и горевали и отъ всего сердца сожалѣли, что не умѣли въ ту пору цѣнить дары Божіи. Хотѣлось намъ очень узнать, живы ли родные и друзья наши. Былъ у насъ знакомый, одинъ выслуженный невольникъ въ Галатѣ; и такъ, навязавъ чулковъ, рукавицъ, кошельковъ и турецкихъ шапочекъ, посылали ему черезъ одного изъ своихъ стражниковъ, чтобы продалъ на деньги, и вложили секретно письмо, прося переслать его черезъ Венецію въ Прагу. Во всемъ томъ онъ и послужилъ намъ вѣрно, выручивъ деньги, накупилъ намъ провизіи, и бережно пересылалъ въ Прагу наши письма; и отъ меня письма три дошли до покойнаго пана Адама въ Градчинѣ, главнаго бургграфа пражскаго,

моего покровителя, который помогалъ мнѣ на отъѣздѣ въ Турцію; въ нихъ извѣщали мы его милость о нашемъ заточеніи и о нѣкоторыхъ тогдашнихъ дѣлахъ турецкихъ, и ждали отъ него какой нибудь помощи.

Мнѣ хотѣлось выучиться языку турецкому и письму, въ тѣхъ мысляхъ, что можетъ когда нибудь и пригожусь этимъ послужить своему отечеству; и такъ началъ я учиться читать по турецки, и приложивъ стараніе, черезъ два мѣсяца скоро научился и говорить и читать; училъ меня ходилъ въ тюрьму одинъ турецкій священникъ, а за трудъ уговорился я платить ему своею работой, чулками и рукавицами; двое товарищей тоже учились со мною. Преудивительно показалось этому турку, что я такъ скоро понялъ языкъ ихъ и грамату, и сталъ онъ всюду обо мнѣ разсказывать. Узнавъ о томъ, старый нашъ ага, пришелъ ко мнѣ въ тюрьму, заставилъ меня читать и также дивился; напослѣдокъ сталъ меня уговаривать, не хочу ли я сдѣлаться мусульманиномъ,—счастливая де будетъ моя жизнь до самой смерти; а если де провѣдаетъ обо мнѣ Чикулъ паша, родомъ волахъ, то и безъ того долженъ я буду потурчиться. Послѣ этого разговора увидѣлъ я, что надо оставить ученье, если хочу остаться христіаниномъ, что мнѣ было всего дороже; тоже и товарищи мнѣ совѣтовали; и такъ, отпустилъ я турецкаго священника и, перестал учиться. Воздай Господи Боже тому агѣ за совѣтъ его; не то и

въ самомъ дѣлѣ могло бы случиться, что взяли бы меня изъ тюрьмы и отдали бы ко двору Чикуля паши.

Такъ просидѣли мы слишкомъ четыре четверти года въ той Черной башнѣ, не имѣя на себѣ ничего кромѣ одной рубашки да верхней накидки, такъ что лѣтомъ одолѣвала нестерпимая жара, а зимой крѣпкіе морозы да холодные западные вѣтры; и уже, наконецъ, ага роздалъ намъ каждому верхнее суконное платье; такъ, пріодѣвшись, пережили мы зиму.

Однажды, когда всѣ мы измучились отъ голода, выпросили намъ стражники у рыбаковъ большую морскую рыбу, плоскую и круглую какъ столъ, съ длиннымъ хвостомъ: турки называютъ ее балукъ, то есть кошачья рыба. Рыбу эту не ѣдятъ иначе какъ очистивъ отъ жиру, потому что она необыкновенно жирна. Когда принесли ее намъ стражники, мы взяли ее съ великой благодарностью и просили разрѣзать на части, а потомъ, положивъ нѣсколько кусковъ въ горшокъ, сварили, а остальное испекли и ѣли съ большою охотой; рыба казалась превкусная, но потомъ переваривать ее пришлось намъ очень трудно. Такъ мы наѣлись этого рыбьяго жиру и потомъ опились водою, что у всѣхъ насъ вздулось чрево, и нѣсколько недѣль потомъ мы не могли встать съ мѣста. Точно была въ этой рыбѣ какая нибудь отрава, потому что насъ отъ нея тошнило и рвало нѣсколько дней; всѣ пришли въ такую слабость, что иные съ мѣста не могли подняться и лежали въ изнеможеніи. А турки

во все горло смѣялись надъ нами: они нарочно для этого намъ подсунули такую рыбу. Ото всего этого такой поднялся около насъ смрадъ, что сами стражники не могли его вынесть и пошли сказать нашему агѣ, что всѣ мы также заболѣли и лежимъ при смерти; онъ пришелъ къ намъ и, видя насъ въ такомъ положеніи, строго выговаривалъ туркамъ съ угрозой, что накажетъ ихъ за эту отраву. Спрашивалъ нашего доктора, какія бы дать намъ лѣкарства, чтобы мы выздоровѣли? а мы просили у него чесноку и водки, и сдѣлавъ складчину, купили себѣ, съ позволенія аги, боченокъ водки. Стали ѣсть чеснокъ и пить водку, и скоро почувствовали облегченіе; иные совсѣмъ выздоровѣли, а другіе едва поправились къ исходу нашего тюремнаго сидѣнья. Ага радовался, видя что намъ стало лучше, и приказалъ настрого ничего не приносить намъ безъ его вѣдома, а тюрьму велѣлъ вычистить и нѣсколько недѣль приказывалъ окуривать лавровымъ листомъ. Однако они попрежнему приносили намъ улитокъ и черепахъ, которыхъ мы варили и ѣли съ охотою, но все то уже не вредило намъ, потому что желудки наши загрубѣли отъ голоду, и кромѣ той противной кошачьей рыбы, все переваривали исправно.

Въ ту пору случился великій моръ во Ѳракіи и на всѣхъ почти заморскихъ островахъ, такъ что въ самомъ Константинополѣ съ предмѣстьями умерло въ три мѣсяца около 80,000 человѣкъ. Въ мѣстечкѣ около

нашей башни (названіе ему Геникиссаръ, то есть новый замокъ) много народу померло, и нѣсколько нашихъ стражниковъ. Великій былъ плачъ и гореваніе. Тутъ узнали турки, что между нами есть лѣкарь и прислали просить, чтобы пустили его изъ тюрьмы; онъ давалъ варить лѣкарство для больныхъ и пускалъ имъ кровь изъ средней жилы особливымъ тонкимъ инструментомъ; для того приходили къ нему и мужчины и женщины, иной разъ по 20 и по 30 человѣкъ, и всѣ дивились какъ легко умѣетъ онъ пускать кровь, а турки протыкаютъ жилу грубымъ волошскимъ ножичкомъ съ большою болью. И съ той поры пошло тому лѣкарю между нами хорошее житье; сталъ онъ выходить на свѣтъ Божій и на чистый воздухъ, и окрѣпъ а мы несчастные не могли себѣ достать этого, и должны были сидѣть день и ночь въ темной и смрадной тюрьмѣ своей.

Когда кончилось моровое повѣтріе, пришла вѣсть, что Синанъ паша съ турецкимъ войскомъ одержалъ побѣды въ Венгріи. Ради того поднялась у турокъ троекратная стрѣльба изо всѣхъ пушекъ въ Константинополѣ, на всѣхъ военныхъ судахъ и на окрестныхъ островахъ, и съ нашей башни было до 20 выстрѣловъ. Слыша ту стрѣльбу, мы не мало дивились и не вѣдая, чтобы то значило, стали распрашивать; намъ сказали въ отвѣтъ, что великомочный Синанъ паша взялъ у христіанъ крѣпость Анобъ или Раабъ, ключъ ко всему христіанству; но мы никакъ не хотѣли тому вѣрить.

Черезъ недѣлю послѣ того пришли начальные турки, числомъ пятнадцать, все знатные люди, родомъ греки изъ Албаніи; они вернулись изъ Венгріи и хотѣли говорить съ нами. Нашъ ага тотчасъ велѣлъ насъ заковать за обѣ ноги въ колоду, и пришелъ съ ними къ намъ. Стали они спрашивать: знаемъ ли что Раабъ взять, и бывалъ ли кто изъ насъ въ Раабѣ? Мы отвѣчали, что бывали, и вѣрить не хотимъ, что онъ завоеванъ и что возможно было одолѣть такую крѣпость. На это они сказали: «говорятъ, вы, псы, за деньги все готовы сдѣлать, и какой же безумный у васъ король, что такую неприступную крѣпость вѣрилъ такому ничтожному командиру, который до корысти такъ лакомъ, что знаменитую крѣпость продалъ и уступилъ за деньги Синану пашѣ? а мы два года не отходя стояли передъ этой крѣпостью и не могли никакъ добыть ее. Такъ то вы псы христіанскіе, ставьте намъ да снаряжайте всякія крѣпости, а мы какъ придемъ, то и возьмемъ ихъ силой, а не то и за деньги достанемъ». Затѣмъ стали намъ описывать, сколько орудій, провіанту и всякихъ корыстей досталось въ добычу въ Раабѣ. Тутъ мы, конечно, должны были съ горемъ повѣрить, что Раабъ подлинно взятъ. Купили намъ турки хлѣба и раздѣлили между нами; утѣшали насъ, чтобы мы предали себя въ руку Божію, силенъ де Богъ освободить насъ и изъ такого тяжкаго заточенья; какъ де на насъ несчастье пришло, такъ можетъ и ихъ военныхъ лю-

дей постигнуть; говорили: бугіумъ сизе, арамбизе, то есть, днесь вамъ, завтра намъ; съ каждымъ можетъ бѣда случиться, какая кому предуставлена. Видя насъ въ желѣзахъ, прикованныхъ за ноги къ колодѣ, показали намъ жалость и агѣ говорили, чтобы не истязалъ насъ сурово. Такъ-то, все равно какъ у насъ, разумный человѣкъ жида не обидитъ, а низкая челядь, какъ въ чемъ засноритъ съ жидомъ, наровитъ его въ лицо ударить, ногой запнуть, шапку сбросить съ головы; и у турокъ благороднаго чина люди немного обижаютъ христіанъ, а обижаетъ черпь да челядь, которая ищетъ наживы и не хочетъ подчиняться никакому порядку и закону.

Когда Синанъ паша, вернувшись изъ Венгріи, передалъ султану своему Амурату серебряный ключъ отъ крѣпости Рааба, сдѣлана ему великая встрѣча съ неописаннымъ торжествомъ, и долго не было въ народѣ рѣчи ни о чемъ другомъ, только о храбрости Синана паши. Простые турки думали, что во всей христіанской странѣ нѣтъ другой такой крѣпости, кромѣ Вѣны и Праги: и наши стражники принялись уговаривать насъ, чтобы мы скорѣе потурчились, если хотимъ освободиться изъ тюрьмы; весною де самъ султанъ пойдетъ въ Венгрію, и возьметъ и Вѣну и Прагу—тогда куда мы дѣнемся? На это мы старались дать имъ вѣрное понятіе о христіанской странѣ, чему они много дивились и не хотѣли намъ вѣрить, потому что пастыри ихъ или священники не то имъ разсказывали.

Всю ту зиму турки готовились къ походу въ Венгрію и говорили, что весною навѣрное самъ султанъ пойдетъ туда: извѣстіе объ этомъ передали мы нашимъ, черезъ Венецію въ Прагу, т. е. я вмѣстѣ съ землякомъ своимъ и товарищемъ по тюрьмѣ, патеромъ Яномъ изъ Винора. Какъ пришла весна, пронесся слухъ о побѣдѣ Седмиградскаго князя надъ турками и татарами, и Синанъ паша назначенъ былъ главнокомандующимъ надъ войсками, такъ какъ въ прежнемъ походѣ счастье послужило ему подъ Раабомъ. Къ прежнему войску прибавили новыхъ солдатъ и янычаръ, и Синанъ хвалился, что безъ сомнѣнія завоюетъ подъ власть султана Седмиградскую землю; турки сказывали намъ, что онъ можетъ въ какой угодно день вывесть въ поле 80,000 человѣкъ отличнаго войска. Чѣмъ дальше тѣмъ больше было рѣчей о седмиградскихъ и о нашихъ, у кого больше будетъ силы на той и на другой сторонѣ. Наконецъ Синанъ паша съ великимъ торжествомъ выѣхалъ изъ Константинополя и стоялъ за городомъ съ недѣлю съ цѣлымъ войскомъ, а на мѣсто его назначенъ Ибрагимъ паша начальникомъ города.

Въ это время произошло еще немалое смятеніе по случаю возстанія, случившагося гдѣ то въ Азіи; когда взяли нѣкоторыхъ мятежниковъ, Ибрагимъ паша велѣлъ посадить ихъ къ намъ въ башню, въ другую тюрьму надъ нашими головами, а одного грузинскаго знатнаго человѣка, захвативъ обманомъ, посадили къ

намъ въ нашу тюрьму; онъ былъ молодецъ собою, высокаго роста. Тѣхъ узниковъ, изъ знатныхъ турокъ, въ полночь уводили одного за другимъ изъ тюрьмы къ морю и бросали въ воду. И всякій разъ когда кого топили, стрѣляли изъ пушки на нашей башнѣ; а на насъ нападалъ всякій разъ великій страхъ; намъ слышно было когда котораго турка вели на казнь, какъ несчастный вопилъ и молился. Такъ было нѣсколько ночей сряду, пока не утопили всѣхъ, да и намъ грозили что съ нами будетъ тоже. Почти въ это же самое время умерло внезапно нѣсколько главныхъ пашей, и наконецъ самъ султанъ Амуратъ умеръ. Сказывали будто стали ему вырѣзывать вереда на боку, и онъ отъ того скончался; смерть его держали въ тайнѣ, покуда не пріѣхалъ изъ Амазіи (Магнезіи) въ Константинополь сынъ его Магометъ; въ противномъ случаѣ, когда бы узнали солдаты объ его смерти, разграбили бы весь городъ, и жидовъ и христіанъ. У нихъ такой есть обычай, что когда умираетъ султанъ, турецкимъ солдатамъ дается воля грабить купцовъ. Какъ только пріѣхалъ въ тайнѣ султанъ Магометъ, тотчасъ удавили шнуркомъ 19 человѣкъ его братьевъ: и задавили ихъ нѣмые, которые у нихъ для того назначены. Изъ тѣхъ братьевъ, одинъ всячески просилъ, чтобы позволили ему только поглядѣть въ лицо брату, но не могъ несчастный и того выпросить. Еще двѣ жены прежняго султана брошены были съ камнемъ въ море, а потомъ ихъ, уже мертвыхъ вынули изъ

воды, положили на великолѣпные ковры и показали султану. Онъ велѣлъ положить ихъ въ гробы и съ великой пышностью похоронить вмѣстѣ съ отцомъ въ усыпальной часовнѣ, и каждому приказалъ поставить въ головахъ чалму съ великолѣпнымъ страусовымъ перомъ. Послѣ того окончательно принялъ правленіе, иныхъ чиновниковъ смѣнилъ, другихъ вновь назначилъ.

Ибрагимъ паша женатъ былъ на дочери новаго султана; у него были великолѣпные сады на берегу Чернаго моря за нашею башней. Старый нашъ ага провѣдавъ, что онъ сбирается ѣхать въ свои сады, пришелъ объявить намъ, что тотъ самый Ибрагимъ паша, который ласковъ былъ до нашего посла, скоро поѣдетъ мимо. Онъ далъ намъ такой совѣтъ, чтобы мы, когда станутъ стрѣлять изъ пушекъ съ обѣихъ крѣпостей, то есть съ нашей башни и изъ замка, что противъ нея, въ тотъ часъ громче прокричали бы нашѣ поздравленіе свое, что мы ему всякаго добра желаемъ, а онъ уже за насъ все объяснитъ ему. Много благодарили мы агу за этотъ совѣтъ, и какъ только послышались выстрѣлы, мы, собравши всю силу, во все горло прокричали нашѣ всякія доброжеланья, а нашъ ага, подъѣхавъ на небольшой лодкѣ къ пашѣ плывшему мимо нашей крѣпости, объяснилъ ему великое наше бѣдствіе. Ибрагимъ сталъ спрашивать: кто таковы тѣ невольники? и узнавъ, что мы служители бывшаго цесарскаго посла, велѣлъ привесть человѣка два изъ насъ къ нему въ садъ. Ага, приставъ

къ берегу, тотчасъ пришелъ къ намъ съ радостнымъ видомъ и объявивъ намъ приказъ, спрашивалъ: кого изъ себя хотимъ послать. Тутъ мы всѣ, поцѣловавъ ему полу платья, выслали священника Яна изъ Винора да лекаря, старца лѣтъ 60-ти, всего по грудь обросшаго сѣдыми волосами. И тѣ наши посланцы, въ однихъ почти рубашкахъ, всѣ покрытые всякой нечистью, едва вышли изъ глубокихъ нашихъ потемокъ, не могли вынесть солнечнаго блеска, отъ котораго давно уже отвыкли у насъ очи; стала бить слеза, и они имъ совсѣмъ заслѣпило. Тутъ нашъ ага разсказалъ священнику Яну, какъ онъ долженъ говорить съ Ибрагимомъ, который самъ былъ хорватъ родомъ, и велѣлъ имъ обоимъ пасть къ ногамъ паши и просить о нашемъ освобожденіи. Они ничего не видѣли, ихъ все равно какъ слѣпыхъ, довели до лодки, ага туда же сѣлъ съ ними, и всѣ поплыли къ садамъ. Когда вышли на берегъ, Ибрагимъ паша прохаживался у себя по саду, опираясь на двухъ молодыхъ вожатыхъ, и остановился увидѣвъ ихъ въ такомъ жалкомъ видѣ—точно мертвецы передъ нимъ встали изъ гробовъ, блѣдные, изможденные, одни кости да кожа. Подвели ихъ, и они упали къ ногамъ его, а нашъ ага, разгорѣвшись сердцемъ на ихъ несчастье, не сталъ и ждать, пока священникъ заговоритъ съ пашою, а самъ вмѣсто него обратилъ къ пашѣ рѣчь свою: „Посмотри, милостивый господинъ! вотъ тѣ самые люди, которые къ намъ въ посольствѣ пріѣхали

въ серебрѣ, въ золотѣ, въ бархатныхъ платьяхъ подносили почетные дары владыкѣ нашему, султану,—такими тогда и я ихъ видѣлъ. Погляди, какая перемѣна судьбы постигла несчастныхъ,—похожи ли они на живыхъ людей или на мертвецовъ? Не такъ намъ велитъ святой нашъ алкоранъ, чтобы мы пословъ безъ вины истязали. Вотъ уже третій годъ идетъ, какъ они живутъ въ такомъ несносномъ заточеніи, въ желѣзахъ, въ цѣпяхъ, во тьмѣ, только хлѣбомъ да водой и то едва питаются. Смилуйся надъ ними ради Магомета пророка—онъ тебѣ воздастъ! И намъ счастья не будетъ, покуда мы станемъ невинныхъ людей истязать и томить въ заточеніи. Посмотри на этихъ несчастныхъ, вѣдь одна тѣнь ихъ осталась, а они еще изо всѣхъ самые крѣпкіе".

На тѣ рѣчи Ибрагимъ отвѣчалъ ему: „Любезный ага! ты знаешь, что не я верховный визирь, а я только временно правлю его должность. Великомочный Синанъ паша велѣлъ посадить ихъ въ тюрьму, и невозможно мнѣ вопреки ему распоряжаться, — Боже избави! Когда онъ вернется здравъ и невредимъ, я стану убѣдительно просить его, чтобы позволилъ освободить ихъ отъ такого тяжкаго заточенья; а когда бы я былъ великимъ визиремъ, нимало не раздумывалъ бы освободить ихъ сейчасъ же". Потомъ, вынувъ изъ кармана восемь дукатовъ, далъ тѣмъ нашимъ посланцамъ, чтобы раздѣлили между всѣми, и отпустилъ ихъ. Поблагодаривъ его за такую милость, они отправились об-

ратно; а нашъ ага велѣлъ размѣнять тѣ дукаты и раздѣлить между нами: на каждаго пришлось по 40 аспръ или крейцеровъ. И было намъ на эти деньги утѣшеніе, покуда всѣ же вышли: накупили мы себѣ вдоволь хлѣба, муки на кашу, масла, вяленаго на солнцѣ мяса и другихъ припасовъ, и благодарили Бога и пашу за такое благодѣяніе.

Нашъ ага все утѣшалъ насъ тѣмъ, что вотъ пріѣдетъ Синанъ изъ земли Седмиградской, тогда Ибрагимъ не оставитъ о насъ позаботиться, и выпустятъ насъ изъ тяжкаго заточенія. Разъ какъ-то сталъ онъ насъ спрашивать: если намъ Богъ поможетъ освободиться изъ тюрьмы, — мы вовѣчно не забудемъ, что онъ, ага, всегда добра желалъ намъ и о насъ старался, да и впредь будетъ: и чѣмъ де мы тогда ему заплатимъ за это добро? Стали мы ему представлять всю немощь и худобу свою, и говорили, что денегъ у насъ нѣтъ, дать нечего, развѣ дадимъ все что при себѣ имѣемъ и всю свою работу, что будетъ у насъ навязано. На эти слова онъ насмѣялся и сказалъ, что наши лохмотья ничего не стоятъ; а не хотимъ ли такъ, что онъ будетъ за нашимъ дѣломъ присматривать и хлопотать у паши и помогать намъ на свободу, а мы, когда поможетъ, достанемъ у христіанскихъ купцовъ 500 дукатовъ и дадимъ ему за труды. Мы, воздыхаючи о свободѣ, обѣщали дать ему 200 дукатовъ, въ надеждѣ, что можетъ быть успѣемъ достать у купцовъ такую сумму. И такъ нашъ ага сталъ частенько

ѣздить въ Константинополь и напоминать о насъ Ибрагиму.

Однажды пригласилъ Ибрагимъ султана въ сады свои; свѣдавъ о томъ нашъ ага пришелъ къ намъ и объявилъ: добрыя вѣсти, христіане, добрыя вѣсти! Завтра наивеликомочный султанъ поѣдетъ на прогулку въ Ибрагимовы сады. Смотрите, какъ только станутъ стрѣлять изъ пушекъ съ башни, кричите что есть силы, желайте султану счастія и побѣды надъ непріятелемъ. Услышавъ то съ великой радостью, цаловали мы ему руки и платье и благодарили за совѣтъ. Рано поутру султанъ съ великой пышностью выѣхалъ изъ дворца своего при громкой стрѣльбѣ, а весь народъ встрѣчалъ его криками и желаньемъ счастія, стоя толпами на берегу и склонивъ головы къ колѣнамъ; онъ остановился, отъѣхавъ съ милю отъ Константинополя, у монаховъ своихъ или пустынниковъ, которые тутъ жили, и часа два совѣщался съ ними о всякихъ дѣлахъ. Тѣ монахи, какъ мы потомъ слышали, давали ему такой совѣтъ, что много-де уже пролито въ Венгріи мусульманской крови, и старался бы онъ теперь утолить милостынями Магомета пророка, и отпустилъ бы на свободу невинныхъ либо заслуженныхъ невольниковъ, которые напрасно томятся въ тюрьмѣ. Послѣ такого совѣщанія, простившись съ ними, сѣлъ онъ, какъ сказывали намъ стражники, въ лодку кругомъ позолоченую, и поплылъ возлѣ берега, мимо тюрьмы, гдѣ мы сидѣли; турки, ради по-

чета, подняли великую стрѣльбу, а нашъ ага, со всѣми жителями мѣстечка, встрѣчали его, сложивъ крестомъ руки, съ великою покорностью, и склонивъ головы къ землѣ, громко вопили: сохрани тебя Боже на вѣчность, да живетъ во здравіи величество твое!

Какъ только перестали стрѣлять, мы принялись громкимъ голосомъ кричать ему привѣтствія и пожеланія, и стражи наши тоже намъ помогали. Услышалъ султанъ наши крики и не могъ понять, что это значитъ. Плыли они тихо, а крикъ все громче слышался, и наконецъ сталъ спрашивать султанъ, какіе это крики и откуда? Тутъ Господь Богъ воздвигъ намъ радѣтеля Бостанджи пашу, главнаго надъ садовниками, который стоялъ передъ султаномъ на рулѣ и правилъ лодкой, и онъ сказалъ султану: „Это кричатъ, милостивый повелитель, несчастные невольники, которые давно уже сидятъ тутъ въ тюрьмѣ и свѣта Божьяго не видятъ; они поднимаютъ крикъ и молятъ себѣ милости“. Тутъ, остановившись, сталъ спрашивать султанъ: какіе-де то невольники? Данъ ему отвѣтъ, что служители королевскаго посла изъ Вѣны, которые присланы были къ отцу его султану Амурату съ урочною данью и съ великими дарами, господинъ-де ихъ посолъ учинилъ измѣну и всякія вѣсти отписывалъ королю своему; для того Синанъ паша велѣлъ уморить его въ тюрьмѣ, а людей его приказалъ посадить въ эту башню, и они хоть ни въ чемъ неповинны, сидятъ вотъ уже три года въ желѣзахъ и въ тюрьмѣ.

На это сказалъ султанъ: если-де невинны тѣ невольники и никогда оружія не поднимали противъ насъ, то не достойно истязать ихъ тюремнымъ заключеніемъ, и для того приказываю ихъ выпустить. И за тѣмъ поѣхалъ опять дальше. Тотчасъ любезные турки и стражники, которые ту рѣчь слышали, одинъ за другимъ спѣшили къ намъ—всякій хотѣлъ получить отъ насъ подарокъ за такую добрую вѣсть. Мы, не помня себя отъ радости, все что имѣли роздали имъ, все свое платье и рубашки, другъ друга принялись цѣловать, обнимать, и были безъ сомнѣнія увѣрены, что на завтра утромъ выпустятъ насъ. И какъ же мы горько обманулись! Увы! у нихъ въ поганствѣ такой же обычай, какъ у насъ у христіанъ: если кому благоволитъ государь милостью, а нѣтъ у него при дворѣ добраго пріятеля, либо не дастъ кому слѣдуетъ подарка, дѣло его, какое бы ни было справедливое, лежетъ безъ движенія. Такъ-то случилось и съ нами несчастными. Роздали мы все, что у насъ было, а потомъ должны были терпѣть голодъ и великую нужду и лежать на голой землѣ, тогда какъ прежде по крайней мѣрѣ могли подостлать подъ себя свои свиты.

Въ ту пору случилась бѣда съ однимъ нѣмцемъ въ Галатѣ: онъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, и помогъ освободиться изъ тюрьмы одному господину изъ Гофкирхена и многимъ другимъ невольникамъ христіанамъ. По чьему-то доносу схватили его, бросили въ тюрьму, мучили и наконецъ за день передъ тѣмъ по-

вѣсили несчастнаго на крюкъ. Въ домѣ у него турки дѣлали обыскъ; нашли отпуски разныхъ писемъ, которыя посылалъ онъ въ христіанскую сторону, и много христіанскихъ купцовъ посадили въ тюрьму изъ за одного подозрѣнія, но всѣхъ потомъ отпустили, такъ какъ несчастный нѣмецъ ничего не показалъ на нихъ. Этого нѣмца любила очень мать султанова, потому что онъ былъ мастеръ своего дѣла и много на нее работалъ. Какъ только она услышала что его взяли, тотчасъ велѣла выпустить его, но прежде чѣмъ пришло приказаніе, несчастный былъ уже вздѣтъ на крюкъ и повѣшенъ. Жаль его очень! предобрый былъ человѣкъ, и многимъ христіанскимъ невольникамъ помогъ выйти на свободу! прими Господи Боже душу его въ покой праведниковъ!

Вскорѣ послѣ того пришла вѣсть, что Синанъ паша съ малымъ остаткомъ войска возвращается въ Константинополь; поднялся въ народѣ великій вопль съ горькими жалобами. Нѣкоторые паши, изъ недоброжелателей Синана, обрадовавшись случаю, наговорили на него султану, такъ что султанъ разжаловалъ его и запретилъ являться ко двору подъ смертною казнью. Увѣрили султана, что онъ съ умысломъ погубилъ такое славное войско, и за то, хотя и не былъ онъ удавленъ, но признанъ недостойнымъ чести и награды: по этой причинѣ и велѣно ему не показываться на глаза султану, а жить въ своемъ имѣніи и никуда не выѣзжать изъ него безъ воли султана. И такъ былъ онъ въ ве-

ликой немилости; даже стали говорить турки, что навѣрное будетъ онъ удавленъ, чего мы ему и желали отъ всего сердца. Синанъ былъ старая лиса, хитрая и обстрѣленная; тяжко было ему очень нести такой позоръ, и онъ писалъ къ султану просьбу, домогаясь чтобы ему дозволено было оправдать свою невинность и стать на очную ставку съ противниками; но всѣ начальные паши, сговорясь противъ него, не допустили этой просьбы до султана.

Синанъ, узнавъ о томъ, достигъ чего хотѣлъ богатыми дарами. Послалъ женѣ султановой и матери его множество серебра, золота, драгоцѣннаго каменья, ковровъ и разныхъ другихъ вещей, всего на пятидесяти мулахъ, цѣною на сто тысячъ дукатовъ, и велѣлъ сказать что все то привезъ для нихъ изъ Венгріи. Вещи были все богатыя и рѣдкія, и такъ черезъ эту хитрость устроилось, что Синанъ, скорѣе чѣмъ ожидалъ, допущенъ былъ къ султану. Поцѣловавъ ему руку, сталъ желать счастья и успѣха въ дѣлахъ царствованія, а затѣмъ, какъ сказывали намъ турки, держалъ ему такую рѣчь. «Великомочный султанъ! Сердце болитъ у меня въ старомъ и дряхломъ моемъ тѣлѣ, что я такъ жестоко оклеветанъ и приведенъ въ немилость у тебя за то, что въ этомъ году на малое время измѣнило мнѣ счастье, и погибло у меня въ битвахъ довольное число войска; вѣдь и быть того не можетъ, чтобы счастье всегда было на одной сторонѣ. А мнѣ всего больше печали за твою младость, что

нѣтъ у тебя прямыхъ совѣтниковъ, а кто тебѣ о чемъ ни донесетъ, тому вѣришь; напротивъ того, слѣдовало бы прежде изслѣдовать въ правду, подлинно ли таково дѣло, какъ сказываютъ. Я прадѣду, и дѣду, и отцу твоему служилъ вотъ до какихъ сѣдинъ, много королевствъ и областей добылъ твоему дому, много крови своей пролилъ на умноженіе твоего государства, завоевалъ Тунисъ, Галлету, Фамагусту, а въ прошломъ году взялъ крѣпость Раабъ, ключъ ко всей странѣ христіанской, такъ что теперь не трудно тебѣ, если захочешь, сдѣлать приступъ къ Вѣнѣ и ко всей имперіи: такой славной крѣпости ни дѣдъ, ни отецъ твой ни разу не добыли. И вмѣсто благодарности мнѣ за то, чего ни одинъ паша еще не могъ совершить, приведенъ я въ немилость у тебя, и запрещено мнѣ видѣть величество очей твоихъ и служить при дворѣ у тебя. А я, человѣкъ искусный и въ домашнихъ и въ бранныхъ дѣлахъ, всю свою молодость употребилъ на службу султанамъ, твоимъ предкамъ, и могъ бы тебѣ много полезнѣе быть въ совѣтахъ и сослужить тебѣ службу, нежели всѣ нынѣшніе паши, молодые и новые; не такъ поступали твои предки, не отгоняли отъ двора старыхъ совѣтниковъ и опытныхъ воеводъ и не окружали себя молодыми и неопытными». Затѣмъ началъ вычитывать султану великіе непорядки нѣкоторыхъ пашей, и тѣмъ такъ далеко подвинулъ свое дѣло, что султанъ опять принялъ его въ милость, и нѣкоторыхъ пашей тотчасъ отставилъ отъ должности.

Ферхатъ паша на другой же день былъ удавленъ, и приказалъ султанъ все его имѣніе, милліона на полтора, отобрать въ казну свою, а Синанъ на мѣсто его сдѣланъ визиремъ, то есть верховнымъ надъ всѣми пашами. Лишь только принялъ онъ визирскій чинъ, какъ принялся прилежно допытываться до всякихъ подозрительныхъ дѣлъ, и кто изъ христіанъ казался ему ненадежнымъ человѣкомъ, того сейчасъ приказывалъ казнить; и такъ пострадало въ ту пору не мало купцовъ и изъ христіанъ и изъ турокъ. Строго велъ онъ земское правленіе; устроилъ себѣ великолѣпную гробницу съ часовней; военныхъ людей щедро жаловалъ за старую службу, велѣлъ лить пушки, устраивать всякіе военные снаряды и готовить все что нужно къ большому походу. Въ ту пору мы, несчастные узники, потеряли всякую надежду на освобожденіе изъ тюрьмы, покуда Синанъ будетъ визиремъ.

Перестали намъ отпускать положенные два аспра, такъ что черезъ три мѣсяца нашъ ага рѣшился поѣхать ко двору и напомнить о насъ визирю; но онъ отвѣчалъ съ великимъ гнѣвомъ, что велитъ съ насъ съ живыхъ кожу содрать и натянуть на барабаны. Съ жалостью объявилъ намъ объ этомъ ага: молитесь-де Богу объ укрощеніи гнѣва того визиря. Между тѣмъ наши вмѣстѣ съ седмиградчанами отняли у турокъ нѣсколько крѣпостей и побили ихъ довольно. Когда дошла вѣсть о томъ до Константинополя, принялись турки поспѣшно готовиться на войну. Синанъ объя-

вленъ былъ верховнымъ сердаремъ, то есть главнокомандующимъ.

Но какъ ему въ прошломъ году сильно не посчастливилось на войнѣ, то онъ всячески старался, чтобы теперь самъ султанъ отправился съ войскомъ въ Венгрію. Подговорилъ онъ солдатъ, а особенно спаговъ и янычаръ, чтобы они распускали о себѣ слухъ, что безъ султана не хотятъ идти на войну, такъ какъ ни съ однимъ пашей имъ не было счастья на гяуровъ, а если де султанъ съ ними пойдетъ, то всѣ охотно и съ радостью, сколько есть у кого силъ, пойдутъ безо взякаго прекословія. И не только на словахъ говорили они такія рѣчи, но и разъ, когда султанъ ѣхалъ въ мечеть, подали ему на письмѣ просьбу, чтобы поѣхалъ самъ на войну противъ христіанъ и послѣдовалъ бы доблестямъ своихъ предковъ. Воспротивилась однако тому султанша, и стала указывать по алкорану, будто тамъ установлено, что всякій новый султанъ, какъ сидетъ на престолѣ царства, до трехъ лѣтъ не повиненъ ходить на войну. И такъ, успокоивая Синана и военныхъ людей, внушала имъ, что Синанъ паша съ другими старыми опытными воеводами должны идти въ Венгрію, такъ какъ ихъ обязанность защищать своего повелителя и его землю: и къ чему де служитъ ихъ чинъ, если не могутъ они побить гяуровъ безъ бытности султана: тогда, стало быть, и недостойны они того званія, въ которое облечены отъ султана. Однако, по убѣжденіямъ визиря

Синана и воеводъ, султанъ склонился къ тому, чтобы ѣхать ему въ Венгрію, и визирь принялся ревностно устраивать всякіе военные снаряды, готовить все потребное къ султанскому походу и дѣлать смотры войску; но не могъ выдержать такого напряженія силъ, и заболѣлъ такъ тяжко, что слегъ въ постель. Сказывали, что султанша деньгами и подарками подкупила Синанова лекаря дать ему отраву: поболѣвъ дней восемь, онъ умеръ. Въ народѣ поднялся сильный вопль о кончинѣ Синана, трауръ по немъ носили, милостыню давали по душѣ, съ великимъ почетомъ и пышностью похоронили его, и сложивъ жалобныя пѣсни о геройскихъ его дѣлахъ, славили угасшую его храбрость и отвагу. И по правдѣ былъ онъ знаменитый, опытный въ дѣлахъ мужъ, и въ ту пору не было у турокъ никого ему ровнаго.

Нашъ старый ага пришелъ тогда къ намъ, и со слезами объявляя о смерти его, сказалъ: вамъ добрая, а намъ горькая вѣсть, умеръ искуснѣйшій воевода Синанъ паша, столпъ турецкаго государства; онъ вѣрно служилъ нашему дому, гяуровъ побивалъ часто, и ни одна крѣпость, къ какой ни приступалъ, устоять передъ нимъ не могла. Жаль, жаль такого великаго мужа! видно такъ уже угодно Богу и пророку Магомету—буди же душѣ его свѣтъ вѣчнаго солнца! ни мнѣ уже, ни моимъ дѣтямъ не увидѣть на своемъ вѣку такого мужа! Смотрите же теперь, молите Бога, чтобы на мѣсто его назначенъ былъ великимъ визи-

ремъ Ибрагимъ паша, тотъ самый что послалъ намъ милостыню.

Прошло больше двухъ недѣль и все ничего не было слышно, наконецъ назначенъ Ибрагимъ паша. А у насъ уже все сердце изныло отъ тюремной тяготы: третій годъ уже сидѣли мы безъ перерыву въ желѣзахъ, закованные. Часто молились мы съ горькими слезами, прося Бога объ освобожденіи, особливо въ зимнюю пору, когда дули холодные, нестерпимые сѣверные вѣтры; многіе изъ насъ разнемоглись, у иныхъ кожа потрескалась отъ нечистотъ, иные покрылись злой сыпью, и такой шелъ отъ нихъ смрадъ, что не только намъ было тяжко, да и сторожа наши не могли выносить. Принесли намъ тогда лавроваго листу, котораго въ томъ краю растетъ множество; мы клали его на уголья, какъ будто можжевельникъ, и курили. Ѣсть почти совсѣмъ не давали, голодъ томилъ насъ ужасно; въ тоскѣ и отъ тьмы и отъ несноснаго смрада жаждали мы смерти себѣ, потому что пропала уже и надежда выйти когда нибудь изъ тюрьмы — развѣ миръ будетъ между цесаремъ нашимъ и султаномъ. Въ правду зовется та Черная башня живою могилой: всѣ, и ближніе и чужіе позабыли о насъ, и ни отъ кого ни въ чемъ не было помощи; хоть и послано было мнѣ и покойному Заградецкому да священнику Яну нѣсколько сотъ дукатовъ по переводному письму,—только не дошли до насъ эти деньги — можетъ быть за дальнею и невѣрною пересылкою, или за су-

ровостью нашего заточенія. Изъ семисотъ копъ я досталъ потомъ только полтораста дукатовъ, да и тѣ долженъ былъ отдать, какъ будетъ ниже писано. Такова была жизнь наша; но оправдалось на насъ слово Св. писанія, что гдѣ исчезаетъ всякая помощь человѣческая, тамъ самъ Богъ внезапно посылаетъ свою помощь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Освобожденіе изъ тюрьмы и возвращеніе на родину.

Когда уже потеряли мы всякую надежду выйти изъ тюрьмы своей до смерти, и сидя въ печали, припѣвали жалобныя пѣсни, однажды пришелъ къ намъ старый нашъ ага съ веселымъ лицемъ, и сказалъ: „ну, давайте мнѣ калачь, я принесъ вамъ добрыя вѣсти". Мы, точно пробудившись вдругъ отъ сна, вскочили и собрались около него, будто цыплята около насѣдки, и цалуя ему руки, ноги и платье, просили объявить тѣ добрыя вѣсти скорѣе. Отъ крику не могъ онъ и понять, что мы говоримъ, но объявилъ намъ, что Ибрагимъ паша провозглашенъ великимъ визиремъ, и что теперь есть вѣрная намъ надежда на освобожденіе. Услыхавъ о томъ, чего уже не надѣялись, воздвигли мы къ небу руки и возблагодаривъ Бога отъ всего сердца, стали просить агу, чтобы далъ намъ добрый совѣтъ, что теперь дѣлать, сами же мы отъ радости ничего не могли придумать: кто самъ не ис-

пыталъ бѣды, нужды, голоду, холоду, зноя и тяжелаго заточенія,—тотъ и представить себѣ не можетъ, что съ такимъ человѣкомъ дѣется. Ага далъ намъ такой совѣтъ, чтобы мы послали пашѣ просительное письмо и желали бы ему счастья въ новой должности, долгаго вѣку и побѣды надъ врагами, и обѣщалъ самъ подать ту просьбу пашѣ и замолвить за насъ отъ себя слово. Только бы мы, когда выйдемъ на свободу, вѣрно дали бы ему обѣщанные 200 дукатовъ; мы же, въ радости цалуя ему руки и ноги, обѣщали дать и много больше того. Турецкій священникъ написалъ намъ просьбу, и мы послали ее на просмотръ агѣ, поручая себя Господу Богу и ему. Ага, сѣвъ въ свою чайку, то есть шестивесельный катеръ, поѣхалъ въ Константинополь къ Ибрагиму, и прежде всего поздравилъ его отъ себя въ новомъ чинѣ, а потомъ, подавъ нашу просьбу, говорилъ такія слова. „Изволишь, милостивецъ, припомнить, какъ ты нѣкогда ѣздилъ въ сады свои и обѣщалъ невольникамъ въ Черной башнѣ, что не забудешь ихъ и постараешься объ ихъ освобожденіи. Но ты тогда временно былъ въ великомъ званіи вмѣсто другаго, и несчастные тѣ невольники день и ночь за тебя молились, чтобы далъ тебѣ Богъ быть великимъ визиремъ; все время безъ устали они по своей вѣрѣ пѣли за тебя молебныя пѣсни Богу. Смилуйся нынѣ надъ несчастными людьми: хоть они и псы невѣрные, однако все-таки они Божія тварь. Какъ знать—можетъ и услышалъ

Богъ ихъ молитву, и привелъ тебя къ нынѣшнему чину, ради ихъ освобожденія. Какъ только я имъ объявилъ, что ты провозглашенъ визиремъ, всѣ они съ радостными слезами воздѣвъ руки къ небу, воздали Богу хвалу и благодареніе. Да и самъ великомочный султанъ далъ повелѣніе, чтобы ихъ изъ тюрьмы освободили. Того ради на тебя одного, и ни на кого иного они нынѣ возлагаютъ всю свою надежду; если воля твоя будетъ, освободи ихъ отъ тяжкаго заточенья, а они безъ вины страдаютъ, и воздастся тебѣ за нихъ отъ Магомета пророка".

Паша, принявъ нашу просьбу, сказалъ ему: „любезный ага, ты знаешь и видишь, каково на мнѣ лежитъ великое бремя; заботъ у меня больше, чѣмъ волосъ въ бородѣ. По этой причинѣ невозможно мнѣ ихъ устроить прежде чѣмъ кончу другія дѣла важнѣе этого. Напомни мнѣ недѣли черезъ двѣ или черезъ три; приведи ихъ тогда въ диванъ (совѣтъ о земскихъ дѣлахъ), и мы всячески постараемся, чтобы тѣ невольники пущены были на свободу".

Когда объявилъ намъ объ этомъ ага, мы исполнились великой радости и стали нетерпѣливо ждать желаннаго часу; такъ что тѣ двѣ недѣли показались намъ дольше, чѣмъ прежніе три мѣсяца; всякую минуту думали мы о томъ, что все ближе подходитъ время нашего освобожденія. Отъ этой мысли мы и спать не могли. Когда пришелъ наконецъ желанный часъ, велѣлъ ага всѣхъ насъ выпустить изъ тюрьмы и снять

кандалы каждому съ одной ноги: всѣ мы подтянули снятое желѣзо и привѣшали къ поясу, чтобы легче было нести его. Выйдя на свѣжій воздухъ, встрепенулись мы точно новорожденные; только на солнце не могли глядѣть, и не выносили дневнаго свѣта, просидѣвши такъ долго въ глубокой тьмѣ; слеза била изъ глазъ, покуда наконецъ привыкли къ свѣту.

Между тѣмъ велѣлъ ага снарядить чайку, чтобы намъ ѣхать въ Константинополь. Я былъ моложе всѣхъ, съ длинными волосами, безъ бороды; блѣдный, истомленный: и такъ, осматривая всѣхъ насъ, ага обратился ко мнѣ и сказалъ: «ты бы остался здѣсь со стражниками, и отдохнулъ бы, покуда я съѣзжу съ твоими товарищами и вернусь назадъ: пожалуй изъ-за твоей молодости кто нибудь изъ нашей на тебя позарится, возьметъ тебя и потурчитъ». А турки, особливо изъ отступниковъ, охочи до молодыхъ людей, и надобно отъ нихъ укрываться съ большой осторожностью. Отъ того то и совѣтовалъ мнѣ паша, чтобы я лучше остался и не ѣздилъ. Но какъ мнѣ ужасно хотѣлось проѣхаться и увидѣть Константинополь, то я, поцаловавъ руку у аги, просилъ его ради Бога взять меня съ собою. Онъ сказалъ мнѣ: когда не хочешь оставаться, поѣзжай съ нами, только я бы тебѣ не совѣтовалъ, если желаешь навѣрное вернуться назадъ. Такъ, сѣвши въ лодку, приплыли мы въ Константинополь, и выйдя изъ лодки, пошли въ городъ: тутъ обступила насъ со всѣхъ сторонъ турецкая стра-

жа, допрашивая: кто мы такіе и откуда? Нашъ ага самъ отвѣчалъ за насъ, а намъ запретилъ говорить. Мнѣ же, по случаю длинныхъ волосъ и голаго подбородка приходилось всего труднѣе: ко мнѣ приставали отовсюду и заговаривали со мною. Увидѣвъ то, ага побоялся взять меня съ собою въ диванъ, но оставилъ у храма св. Софіи съ двумя турками, въ низенькомъ сарайчикѣ, гдѣ было порожнее творило отъ извести и велѣлъ сѣсть въ самый низъ, чтобы не видали меня прохожіе турки. И тѣмъ двумъ турецкимъ стражникамъ приказалъ смотрѣть за мною: боялся больше всего ага, что въ тотъ день Чикулъ паша, потурченный волохъ, долженъ былъ засѣдать въ совѣтѣ, и потому очень опасно было мнѣ идти съ ними въ совѣтъ. Такъ я тутъ и остался, хоть и противъ своего желанія; но ага хорошо сдѣлалъ и опасеніе его было не напрасно. Въ самомъ дѣлѣ, когда товарищи мои пришли въ диванъ, тотчасъ Чикулъ паша сталъ спрашивать: отъ чего не видать съ ними мальчика, что былъ при вѣнскомъ послѣ? На то отвѣчалъ ага: вотъ ужь нѣсколько недѣль онъ тяжко боленъ и остался въ тюрьмѣ — не знаю застанемъ ли его въ живыхъ когда вернемся; и такой онъ изморенный, что страшно и поглядѣть на него.

Всѣ паши, сколько ихъ тутъ ни было, вставши изъ засѣданья, пошли къ султану съ докладомъ, что надобно выпустить насъ изъ тюрьмы—можетъ-де это способствовать и къ заключенію мира съ цесаремъ. Велѣно

нашему агѣ взять насъ назадъ въ тюрьму, а черезъ двѣ недѣли привесть опять въ диванъ всѣхъ, и со мною, если живъ останусь. Товарищи мои невольники, поблагодаривъ пашей, зашли къ храму св. Софіи, гдѣ я сидѣлъ въ известковой ямѣ; вылезши изъ той ямы присоединился къ нимъ съ тѣми двумя стражниками; и такъ, вернувшись въ Черную башню, съ нетерпѣніемъ ожидали мы, когда пройдутъ двѣ урочныя недѣли и настанетъ послѣдній день.

Между тѣмъ султанъ Магометъ задумывалъ обложить осадою городъ Ягеръ (Эрлау) и готовилъ къ тому всякіе воинскіе снаряды; а посольства французскаго короля и англійской королевы стали хлопотать за насъ у Ибрагима, чтобы насъ выпустили на свободу, представляя ему, что они будутъ черезъ насъ устраивать миръ между нашимъ цесаремъ и султаномъ. Туркамъ въ это время не счастливилось въ военныхъ дѣлахъ и они желали больше не войны, а мира, потому что въ Венгріи погибли у нихъ лучшіе люди, самый цвѣтъ войска.

Черезъ двѣ недѣли опять поѣхали мы всѣ въ Константинополь, какъ прежде, въ желѣзахъ на одной ногѣ; когда пришли въ диванъ, объявлено намъ черезъ толмача, что великомочный султанъ, по природному своему милосердію освобождаетъ насъ изъ тяжкаго заточенія, и потому вѣдомо намъ да будетъ что въ благодарность за то не должны мы никогда воевать противъ султана, а если кто изъ насъ будетъ въ

томъ уличенъ и взятъ въ плѣнъ на войнѣ, то безо всякаго разсужденія посаженъ будетъ на колъ; когда же вернемся въ себѣ на родину, должны мы съ ближними своими всячески стараться, чтобы нашъ король просилъ себѣ мира отъ великомочнаго султана, и плѣнные съ обѣихъ сторонъ были бы пущены на свободу. Тутъ записали имена наши въ памятную книгу, и мы всѣ, упавъ къ ногамъ пашей, хотѣли обнимать имъ ноги, но они никакъ насъ до того не допустили. И такъ, благодаря за великую милость, сказали мы имъ, что никто изъ насъ до смерти своей не пойдетъ на войну съ ними, вѣдая великую ихъ мощь и силу; не довольно того, когда вернемся въ христіанскую сторону, станемъ всячески убѣждать своего цесаря и ближникъ своихъ, чтобы покорились султану и просили отъ него мира, и знаемъ, де вѣрно, что когда мы имъ разскажемъ о такихъ великихъ военныхъ справахъ у турокъ, сами они всячески будутъ стараться о мирѣ.

Были при томъ и послы французскаго короля и англійской королевы: они тоже готовились ѣхать за турецкимъ войскомъ къ городу Ягеру, для того имъ назначены были повозки и лошади, и приставленъ къ нимъ чаусъ съ 12-ю янычарами охранять ихъ и не давать въ обиду турецкой черни. Оба посла заступились за насъ, и просили чтобы тотчасъ освободили насъ изъ тюрьмы и пропустили моремъ черезъ Венецію въ христіанскую сторону. Вслѣдствіе той

просьбы приказано было тѣмъ посламъ и намъ выйти изъ дивана; потомъ, черезъ нѣсколько времени, паши вызвали англійскаго посла и сказали ему такой отвѣтъ, что когда поѣдетъ онъ за султаномъ, то взялъ бы насъ въ свое смотрѣніе и продовольствовалъ до греческаго Бѣлграда. А намъ отрядили 85 верблюдовъ и 4 повозки, чтобы было намъ на чемъ положить свои вещи и самимъ ѣхать; еще обѣщали дать 5 палатокъ и 6 янычаръ для охраны. Затѣмъ сказано намъ, чтобы мы отправились въ тюрьму, взяли бы свою рухлядь (одни лохмотья) и держались бы въ распоряженіи у англійскаго посла.

Описать невозможно, съ какой радостью возвращались мы въ тюрьму; мы забыли въ эту минуту всѣ прежнія бѣды и тягости, благодарили отъ всего сердца Господа Бога за великую Его милость, и такъ были веселы, какъ будто въ другой разъ на свѣтъ родились. Когда подъѣзжали мы на лодкахъ къ Черной башнѣ, нашъ ага напомнилъ намъ обѣщанье наше дать ему 200 дукатовъ; и тотчасъ послалъ нѣсколько человѣкъ изъ насъ, со стражею, и все таки въ желѣзахъ на одной ногѣ, въ Галату попросить у христіанскихъ купцовъ, не дадутъ ли въ займы денегъ. Но сколько они ни просили, ни молили, не нашлось ни одного, кто бы сжалился надъ нашею бѣдою и ссудилъ бы намъ 200 дукатовъ; и такъ, не успѣвъ ни въ чемъ, вернулись въ тюрьму и объявили агѣ, что нигдѣ не могли достать денегъ.

Услышавъ о томъ, разгнѣвался онъ ужасно, воображая что мы его обманываемъ; что могли бы достать денегъ, но нарочно не хотимъ ничего дать ему; тутъ принялся онъ грозиться и ругаться на насъ, укорялъ, припоминая сколько дѣлалъ намъ благодѣяній, пока мы сидѣли въ тюрьмѣ, называлъ скверными псами и гяурами, клялся головою своего султана, что никто его не принудитъ выпустить насъ изъ тюрьмы покуда не выложимъ ему по уговору 209 дукатовъ. И въ сердцахъ велѣлъ тотчасъ намъ заковать обѣ ноги въ кандалы и погналъ насъ опять въ тюрьму и въ колоду. Мы со слезами просили его смиловаться, клялись великими клятвами, что мы въ правду, какъ ни старались, не могли достать денегъ; пусть де пошлетъ насъ завтра опять къ купцамъ — не будетъ ли больше удачи нежели сегодня.

На другой день рано поутру я съ тремя товарищами рыцарскаго чину да со священникомъ Яномъ и съ докторомъ, поѣхали, снявъ желѣза, въ Галату, и пытались у всѣхъ купцовъ, особливо у венеціанскихъ, которыхъ всего больше въ Галатѣ, не повѣрятъ ли намъ взаймы 200 дукатовъ. Хотѣли кровью написать имъ запись, что въ полгода вѣрно перешлемъ имъ эти деньги и росту еще 50 дукатовъ, переводнымъ письмомъ въ Венецію; умоляли ради Бога, чтобы имѣли они жалость христіанскую къ нашему долгому заточенью, сложились бы между собой на такую сумму и оказали бы помощь несчастнымъ из-

моренным невольникамъ. Но це било въ этихъ людяхъ ни искры любви христіанской; они не только не дали намъ 200 дукатовъ, но не хотѣли и говорить съ нами привѣтливо, не показали никакой жалости къ нашему бѣдствію; а еще сторонились отъ насъ и отвѣчали что боятся и говорить съ нами, чтобы самимъ не попасться въ подозрѣніе. Потомъ пошли мы къ самому венеціанскому послу, объявили кто мы такіе, назвали кто у насъ родные и друзья въ христіанской сторонѣ, и просили дать намъ денегъ подъ запись, обѣщаясь всю ту сумму и съ ростомъ передать немедленно венеціанскому послу въ Прагѣ. Но и у него, также какъ и у тѣхъ купцовъ, не имѣли никакого успѣха: онъ сталъ еще жаловаться намъ на свою скудость, что самъ онъ сидитъ безъ денегъ, ждетъ каждый день и не можетъ дождаться высылки не малыхъ суммъ отъ своего начальства. Не зная уже куда обратиться, ходили напослѣдокъ къ французскому и къ англійскому послу, разсказывали, какая встрѣтилась помѣха отъ аги нашему освобожденію, и просили ради Бога и милосердія Божьяго, чтобы они надъ нами сжалились и дали намъ денегъ. Но и они оба стали отговариваться великими издержками въ которыя должны войти по случаю поѣздки за султаномъ, говорили что сами должны войти въ долги; но если согласится ага взять вмѣсто денегъ сукна либо бархату или вещей для домоваго убору, то охотно готовы доставить ему товаровъ на сумму 200 дукатовъ. Съ тѣмъ насъ и отпустили.

Такъ мы, несчастные и печальные люди, вернулись въ тюрьму свою съ пустыми руками, съ великимъ страхомъ, со слезами и тоскою, и должны были объявить агѣ, что никто не хочетъ дать намъ взаймы чистыми деньгами — развѣ согласится онъ, взять не деньгами, а товаромъ. Едва услыхалъ онъ какъ схватилъ палку и бросился бить насъ, только удержали его другіе турки; сталъ насъ ругать обманщиками, клятвопреступниками, невѣрными псами, припоминаючи свои намъ благодѣянія, и вѣрить не хотѣлъ чтобъ не могли мы достать денегъ. Лжете вы, безъ стыда, говорилъ онъ; можетъ ли это быть чтобы ваши христіане и братья — ихъ здѣсь съ тысячу будетъ — за васъ не заплатили? еслибы изъ нихъ каждый далъ по одному аспру, и тогда вышла бы сумма много больше 200 дукатовъ. Знаю, вы псы меня провести хотите, не хотите только постараться достать денегъ, меня за песъ водите, а благодѣянія мои позабыли? нѣтъ, вамъ псамъ вѣрить мнѣ не приходится. Да когдабы не было вамъ мошенникамъ отъ меня заботы и ласки моей, сидѣть бы вамъ до смерти въ тяжкомъ заточеніи и не дождаться бы свободы. Такъ вотъ же теперь клянусь я святѣйшимъ пророкомъ Магометомъ — какъ я былъ вамъ до сихъ поръ первымъ доброжелателемъ и заступникомъ, такъ отъ этого дня нѣтъ у васъ непріятеля больше меня, и ужъ я найду такую причину, чтобы вамъ крѣпкая помѣха стала и чтобъ не выйти вамъ отсюда изъ тюрь-

мы на вѣки. Псы вы! измѣнники! клятвопреступники! поганые невѣрные! такъ-то вы мнѣ платите за мою добродѣтель, что я до васъ какъ родной отецъ былъ!

Мы со слезами отвѣчали ему передъ всѣми турками, что подлинно то правда, и былъ онъ намъ отцомъ а не агою, и что освобожденіемъ нашимъ мы никому иному, только ему обязаны, и такова была его добродѣтель къ намъ, что мы до смерти не въ силахъ будемъ отплатить и заслужить ему за все. Да чтоже намъ дѣлать когда купцы не даютъ намъ денегъ; но мы дадимъ ему запись, и своей кровью подпишемъ, что не дальше какъ въ полгода вышлемъ ему черезъ Венецію 500 дукатовъ, и кромѣ того пришлемъ отличное оружіе и часы съ боемъ, и душою своею по вѣрѣ клянемся, что все то вѣрно исполнимъ. Только ничѣмъ не утолился ага, а все кричалъ и ругался до того, что пѣна изъ устъ у него брызгала; но наконецъ велѣлъ заковать насъ въ желѣза и погналъ въ тюрьму со странными упреками.

Когда пришли мы къ товарищамъ и объявили имъ что нигдѣ не могли достать денегъ, зарыдали всѣ горькими слезами. Одного человѣка, агу, кто до насъ былъ добръ, о насъ заботился, привели мы въ гнѣвъ, а иного кодагая за насъ никого не было; и такъ погибла вся наша надежда, чтобы могло состояться наше освобожденіе. Въ сердечной печали принялись мы опять за старое ремесло—за вязанье чулковъ и рука-

винъ, и каждый часъ желали себѣ смерти, чтобы разомъ уже покончить со всѣми бѣдами. Какъ велика была прежде радость наша и беззаботна надежда на освобожденіе, такъ теперь овладѣла нами великая и горькая смута. Всякая надежда пропала въ конецъ, когда черезъ двѣ недѣли пришелъ ага и объявилъ намъ, чтобы мы ужъ и не думали выйти когда-нибудь изъ тюрьмы, потому что и султанъ и Ибрагимъ паша и послы выѣхали уже изъ Константинополя, и такъ мы сами по своей волѣ лишили себя свободы, тогда какъ могли добыть ее за 200 дукатовъ. И стражники говорили, что придется намъ сидѣть въ тюрьмѣ, покуда султанъ не вернется изъ похода. Отъ великаго страха повѣрили мы всему и горько плакались на бѣду свою и несчастье; однако не переставали упрашивать агу, ради пророка его Магомета и ради праведнаго воздаянія, чтобы еще разъ отпустилъ насъ къ купцамъ попытаться, не достанемъ ли денегъ. Но онъ ни за что не хотѣлъ позволить, и объявилъ что теперь уже поздно, прошло время, и всякое наше стараніе будетъ напрасно.

Можетъ вообразить себѣ каждый человѣкъ, каково было на сердцѣ у насъ убогихъ невольниковъ! За двѣ недѣли еще была полная надежда на скорое освобожденіе, а теперь вотъ сталось съ нами похоже на то, какъ попалъ человѣкъ въ глубокій колодезь, и вылѣзая изъ него ухватился уже рукою за верхній конецъ обруба, такъ что стоило только вонъ выскочить, но

вдругъ сорвалась рука, и онъ опять въ одинъ мигъ упалъ въ глубину на самое дно и нѣтъ уже надежды въ другой разъ вылезти. Теперь, когда я пишу объ этомъ и вспоминаю тотъ часъ, какова была тогда печаль у меня на сердцѣ, самъ чувствую какъ она и въ эту минуту одолѣваетъ меня; и отъ жалости не могу писать далѣе. Восхвали сердце мое Господа Бога Всевышняго, что по безмѣрной своей милости избавилъ меня отъ великихъ бѣдъ и отъ горькой печали; и вывелъ изъ тяжкаго заточенія и возвратилъ благополучно на милую мою родину! Буди имя Его благословенно отъ нынѣ и до вѣка.

Когда мы въ волю наплакались, и потерявъ всякую надежду принялись опять за свое вязанье, тутъ-то внезапно призрѣлъ на насъ Всесильный Господь Богъ, и какъ только погибла всякая надежда отъ человѣковъ, послалъ намъ милость и помощь свою святую. Въ Галатѣ жилъ одинъ испанскій купецъ, выслужившійся изъ турецкой неволи, по имени Альфонсо ди Страда: онъ женился и поселился въ этомъ городѣ. Онъ-то, встрѣтивъ одного изъ нашихъ стражниковъ, который носилъ въ городъ на рынокъ продавать наши кошельки и рукавицы, поручилъ передать намъ, что есть у него для насъ письмо изъ христіанской стороны, и посовѣтовалъ, чтобы мы, т. е. Заградецкій, священникъ Янъ и я—выпросились въ городъ у аги, есть-де надежда, что достанете денегъ. Мы сомнѣвались, чтобы отпустили насъ и не очень тѣшили себя

надеждой, припоминая, что сказалъ намъ ага, что теперь уже поздно, и время миновало; однако рѣшились, что ни будетъ, приступить къ нему съ просьбой, не отпуститъ ли насъ еще разъ въ Галату. Онъ отвѣчалъ, что все это только выдумка наша, чтобы намъ прогуляться; раньше-молъ, когда время было и воля была ходить, тогда не хотѣли постараться о деньгахъ, а теперь только, когда видимъ что поздно и время прошло, вздумали хлопотать. Съ тѣмъ и оставилъ насъ, въ большомъ смущеніи. Но на утро велѣлъ привесть насъ троихъ изъ тюрьмы и сталъ допрашивать: вправду ли хотимъ идти за деньгами? Затѣмъ, выговоривъ намъ все чѣмъ мы его прогнѣвали и проводили обѣщаньями, смиловался и отпустилъ насъ.

Мы со слезами целовали ему руку и сказали, что не вернемся безъ денегъ. По усердной просьбѣ нашей послалъ онъ съ нами четырехъ турецкихъ стражниковъ, съ которыми добрались мы до Галаты и до дому того Страда. Когда приступили къ нему съ вопросами, что значатъ его слова, и откуда бы можно достать намъ денегъ, онъ сначала уперся, и смутившись, сказалъ намъ: «не вѣдаю; думалъ я прежде, что дастъ вамъ въ займы одинъ мой добрый пріятель, а сегодня узналъ, что нѣтъ у него денегъ.“ Этими словами приведены были мы въ неописанное смущеніе. И видя онъ, какъ мы убиты, не могъ удержаться отъ слезъ, и тотчасъ подалъ намъ письма отъ священника Адама

изъ Винора, декана карлштейнскаго, и отъ милѣй шей матери моей, урожденной Екатерины Вратиславовой, родомъ изъ Везина; въ тѣхъ письмахъ из вѣщали, что посылаютъ намъ трониъ черезъ Венецію 200 дукатовъ и везетъ ихъ тотъ Альфонсъ-ди-Страда. Когда спросили мы у него объ этихъ деньгахъ, и онъ намъ ихъ вынесъ, сердца наши наполнились такою внезапной и невыразимою радостью, что не въ силахъ я описать ее. Со слезами радости обнимали и целовали мы Страду, и ничего не могли ни ѣсть ни пить, чѣмъ онъ ни угощалъ насъ; такъ пташка, когда вылетитъ изъ клѣтки, летитъ не помня себя, садится на вѣтку, распѣваетъ и тѣшится своею свободой. Такъ мы, сверхъ всякой надежды вдругъ возрадовавшись, восхваляли Господа Бога, отправились обратно въ тюрьмѣ своей и съ веселыми лицами спѣшили подняться на гору въ крѣпость.

Нашъ ага, увидѣвъ что мы смотримъ иное веселѣе противъ прежняго, тотчасъ догадался, что есть у насъ деньги, и сталъ спрашивать откуда мы ихъ добыли. Поцѣловавъ ему руку, мы тутъ же передали ему деньги, какъ были, въ мѣшкѣ, и просили, чтобы намъ уже не ходить на верхъ въ тюрьму, а отпустилъ бы насъ сейчасъ всѣхъ вмѣстѣ, съ товарищами. Пересчитавъ дукаты, онъ принялъ ихъ съ благодарностью, и потрепавъ по головѣ, хвалилъ насъ, что мы честно поступили и всѣ деньги принесли вѣрно, по обѣщанію. За то забываетъ онъ все прошлое, и велитъ всѣхъ

насъ тотчасъ освободить отъ желѣзъ, рано утромъ отпустить и прикажетъ проводить до Галаты въ англійское посольство. Когда снялъ съ насъ кузнецъ цыганскія эти желѣза и цѣпи, мы отъ радости не спали цѣлую ночь, связали въ одну кучу свои лохмотья, роздали что могли несчастнымъ невольникамъ, остававшимся послѣ насъ въ тюрьмѣ, и простились съ ними. Горько плакали несчастные люди, зная что послѣ насъ долго еще должны оставаться въ такомъ ужасномъ заточеніи, и что нѣтъ никакой надежды получить свободу. Сидѣли тутъ: Балажъ Дакъ Истванъ, поручикъ изъ Ягера,—онъ уже 14 лѣтъ сидѣлъ въ этой тюрьмѣ; Матвѣй Гроарь и Криштофъ Кажда, всѣ трое венгерцы; четвертый былъ Герштейнеръ, нѣмецъ, бывшій комендантъ въ Визнинѣ хорватской крѣпости. Бѣдные эти невольники просили насъ, чтобы когда вернемся въ свою сторону, были бы за насъ ходатаями у нашего цесаря, нельзя ли освободить ихъ вымѣномъ на плѣнныхъ туровъ; мы и обѣщали хлопотать о нихъ непремѣнно.

На утро, съ великими слезами распростившись съ ними, вышли мы въ памятный день св. апостоловъ Петра и Павла, изъ потемокъ Черной башни, въ которой были заперты два года и пять недѣль; придя затѣмъ къ агѣ, благодарили мы его за все доброе расположеніе и милость намъ оказанныя; благодарили и стражниковъ, обѣщая прислать имъ хорошее оружіе, а агѣ часы съ боемъ, что мы потомъ и исполнили.

Ага велѣлъ проводить насъ въ Галату къ англійскому послу, который привѣтливо принялъ насъ и распорядился приготовить намъ баню, гдѣ мы обмыли всю грязь и нечистоту свою. Нельзя ничѣмъ выразить, какую мы чувствовали радость на свободѣ. Послѣ бани обошли мы всѣ католическія церкви, которыхъ въ Галатѣ семь, и благодарили Господа Бога за освобожденіе наше отъ жестоваго заточенія, и сокрушеннымъ сердцемъ молили Его, да будетъ намъ милосерднымъ покровителемъ и охраною на пути до милой нашей родины.

Вскорѣ затѣмъ султанъ Магометъ со всѣмъ дворомъ и съ начальными воеводами выѣхалъ въ великомъ торжествѣ изъ Константинополя, и велѣвъ разбить станъ въ окрестностяхъ города, стоялъ тутъ по обычаю нѣсколько дней, ожидая пока прибудетъ еще новое войско. Ожидали его нѣсколько пашей съ полками изъ Египта, Палестины, Каира и другихъ заморскихъ земель. Было тутъ на что посмотрѣть и подивиться, съ какимъ мастерствомъ и красою разбиваютъ турки военные станы свои: лагерь расположенъ былъ на такомъ пространствѣ, что глазомъ все обнять невозможно было. Магометъ паша, поднимаясь за часъ до полуночи, въ числѣ 50000 человѣкъ, шелъ впередъ султана за сутки съ главнымъ войскомъ, исправлять дороги и разбивать станы для султана и для главныхъ военачальниковъ; и такъ станы каждый день перемѣнялись, и всякій разъ къ пріѣзду султана

устраивался на готовѣ новый станъ, въ родѣ правильной крѣпости, на отмѣренномъ четвероугольномъ мѣстѣ, съ бастіонами. Въ срединѣ лагеря разбивались превеликія зеленыя палатки для султана, для его придворныхъ чиновъ, дворянъ, для коней и повозокъ, для пашей и прислуги ихъ, въ такомъ множествѣ, что между ставками можно было заблудиться точно въ большомъ городѣ. Въ ставкахъ устраивались двери изъ клеенки, и стража такъ была всюду разставлена, чтобы къ султанской ставкѣ никто не могъ подойти безъ позволенія.

И когда Магометъ паша выступилъ изъ стану съ своимъ 50-ти тысячнымъ войскомъ впередъ для путеваго наряда, не слыхать было ни малѣйшаго крику, шума или трубнаго звука, и только слегка трубили въ небольшую трубу, чтобы дать сигналъ къ выступленію. Становясь на ночлегъ, разбивали станъ въ тишинѣ, безо всякаго шуму, а на утро снимались и вьючили лошаковъ и верблюдовъ въ такомъ порядкѣ, что стоило подивиться: то правда, что у насъ отъ 20-ти человѣкъ солдатъ больше бываетъ крику и безпорядковъ, чѣмъ у нихъ отъ 50-ти тысячъ. За Магометомъ пашою шелъ султанъ съ главнымъ своимъ войскомъ; онъ самъ въ срединѣ, окруженный въ большомъ числѣ обычною своею стражей съ янычарами, спагами, копчаларами (копьеносцы) и съ главными пашами. По правую сторону его ѣхало всегда 12000 спаговъ съ золотыми знаменами на копьяхъ,

по лѣвую сторону такое же число конниковъ съ красными знаменами на копьяхъ, всѣ усѣяны точно маковымъ цвѣтомъ; впереди султана шли пѣши 12,000 янычаръ, а за султаномъ и за пашами всѣ санджаки султанскихъ земель, и все время на походѣ трубили тутъ на большихъ трубахъ. За султаномъ ѣхали всѣ дворяне, а на послѣдокъ Чикулъ паша съ ренегатами, т. е. съ потурченными изъ христіанъ и съ другими турками—всего около 15,000. Около самого султана ѣхали копьеносцы съ луками и стрѣлами, а придворные служители устраивали порядокъ, надзирая чтобы всѣ ѣхали ровнымъ рядомъ. На пути потѣшали султана всякими военными потѣхами, выдѣлывая промежъ себя удивительныя штуки: одни скакали мимо султана въ запуски, другіе метались копьями, иные на всемъ скаку становились на сѣдло ногами, поворачивались назадъ, соскакивали съ сѣдла и потомъ опять вскакивали, и дѣлали множество тому подобныхъ продѣлокъ.

Когда султанъ съ главнымъ войскомъ отошелъ отъ Константинополя, тогда Беглербегъ Греческой земли съ остальнымъ войскомъ, тысячъ до 80-ти, разбилъ свой станъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ султанъ, и два дня оставался тутъ. Англійскій посолъ, вмѣстѣ съ нами, пробывъ два дня въ Галатѣ, на третій день отправился въ путь съ тѣми 80-ю тысячами, въ добромъ порядкѣ, и потомъ становились мы станомъ повсюду на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ султанъ имѣлъ ноч-

летъ свой. Когда дошли мы до греческаго Бѣлграда, тутъ все войско соединилось въ одну громаду; всего сказывали до 500,000, однако на самомъ дѣлѣ столько людей не было, а могло быть всего развѣ до 300,000, и то съ прислугою, съ черными людьми, съ погонщиками лошадей, ословъ и верблюдовъ. Станъ разбили громадный, на необозримомъ пространствѣ. Султанъ не хотѣлъ жить въ крѣпости и остался въ полевой ставкѣ; тутъ къ нему явилось нѣсколько тысячъ татаръ. Они занимались тѣмъ, что днемъ и ночью жгли и грабили христіанскія селенія, бывшія подъ охраною турецкой власти, и пригоняли въ станъ добычу свою, цѣлыя стада скота и дикихъ кобылицъ. Такое множество скота набралось у нихъ, что за талеръ продавали два вола венгерскихъ, а корову можно было купить за 20 или за 30 аспровъ. И мы купили теленка изъ подъ коровы за 8 аспровъ и вдоволь ѣли мяса. Турки, убивши скотину, рѣзали мясо на тонкіе длинные куски, солили, потомъ, протянувъ веревку отъ одной до другой палатки, вѣшали на нее куски и вялили на солнцѣ. Каждый день татары захватывали множество людей и приводили къ султану.

Передъ Бѣлградомъ стоялъ султанъ около 2-хъ недѣль. Затѣмъ англійскій посолъ сталъ говорить Ибрагиму пашѣ, что пора пропустить насъ къ Будину, а онъ станетъ писать съ нами цесарю нашему о мирѣ. Устроилъ онъ намъ такъ, что допустили насъ къ Ибрагиму и къ агѣ надъ янычарами въ станъ. Поклонив-

шись ему въ ноги, просили мы, чтобы отпустилъ насъ прежде нежели великомочный султанъ приступитъ къ Ягеру, и конечно-де нашъ цесарь, по прибытіи нашемъ, вышлетъ коммисаровъ изъявить вмѣсто него покорность султану и просить о мирѣ. И спрашивалъ насъ паша: видѣли ли мы весь ихъ станъ, великую силу и безчисленное множество войска, идущее противъ гяуровъ? И когда мы отвѣчали ему, что не видѣли и видѣть не могли, потому что держались все время въ самомъ заднемъ углу промежь лошаковъ и верблюдовъ,— приказалъ тотчасъ проводить насъ по всему лагерю и показать намъ весь огнестрѣльный и всякій иной воинскій снарядъ. Во весь тотъ день осматривали мы все, что можно было видѣть, а на утро опять позваны были съ англійскимъ посломъ къ тому же пашѣ, и спрашиваны: видѣли ли теперь превеликую мощь и силу ихъ султана? и можетъ ли нашъ король собрать такое множество людей и противъ нихъ поставить? Мы дали такой отвѣтъ, что все видѣли, и во всю жизнь не приходилось намъ видѣть такое множество войска, а цесарю нашему собрать такое число людей никакъ невозможно; и видно-де, что цесарь нашъ ничего не вѣдаетъ о такой великой султанской силѣ, а если бы зналъ, то конечно просилъ бы о мирѣ, цесарю турецкому изъявилъ бы покорность и прислалъ бы дары для утоленія гнѣва такого сильнаго государя. И для того просили отпустить насъ немедля, чтобы мы могли объявить своему це-

сарю и всѣмъ христіанамъ о такой великой султанской силѣ. Онъ сказалъ, что такъ и намѣренъ сдѣлать, только бы мы помнили оказанное намъ благодѣяніе, всюду разглашали бы о великой ихъ силѣ и уговаривали бы христіанъ присылать посольство о мирѣ прежде нежели приступятъ они къ Ягеру. Если же кого изъ насъ изволитъ цесарь послать къ турецкому султану съ прошеніемъ о мирѣ, ничего бы мы не опасались, и шли бы на то дѣло свободно и смѣло; а онъ клянется бородою своего султана, что никакого зла намъ не будетъ, а одарятъ еще насъ богатыми дарами, великолѣпнымъ платьемъ и конями и отпустятъ сохранно домой въ свою сторону.

Когда кончились пространные о томъ переговоры, дали намъ листъ со свидѣтельствомъ объ отпускѣ нашемъ на свободу, и письмо къ будинскому пашѣ, что ... пустилъ съ нами еще пятерыхъ нашихъ то-
в ... сидѣвшихъ въ Будинѣ въ тюрьмѣ отъ са-
... ны посла нашего,—и всѣхъ насъ велѣлъ бы
... гь къ крѣпости нашей на Дунаѣ. Всѣ мы,
... ногамъ, благодарили пашу за такую его ми-
... счастье было наше великое, что были при
... бумаги; листъ и письмо къ будинскому пашѣ,
... ы ихъ у насъ не было, то всѣхъ насъ, какъ
... цетъ сказано, изрубили бы на куски.

... султанъ поднялся опять со всѣмъ войскомъ,
... вился къ Ягеру, тутъ устроили ему въ од-
... ѣстѣ, на красивой долинѣ, примѣрную войну.

Расположили на большомъ пространствѣ отряды съ верблюдами, лошадами и конями: два войска устроились какъ будто въ боевой порядокъ, стрѣляли другъ противъ друга изъ пушекъ и тяжелыхъ орудій; наконецъ тотъ отрядъ, который представлялъ христіанъ, былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ, приведенъ въ смятеніе и обращенъ въ бѣгство, причемъ взято много тысячъ плѣнныхъ. Такъ представляли они султану своему картину, какъ будутъ подвизаться противъ христіанъ, подавая ему вѣрную надежду на побѣду. Затѣмъ продолжали походъ свой въ Венгерскую землю, въ тишинѣ и въ совершенномъ порядкѣ.

Когда дошли до крѣпости Жолнока, услышали мы вѣсть, что наши отняли у турокъ крѣпость Гатванъ, при чемъ Валлоны звѣрскимъ а не христіанскимъ обычаемъ поступили съ турками, съ женами и дѣтьми ихъ; женщинъ разсѣкали на куски, разрубали на двое грудныхъ младенцевъ, матерей за груди вѣшали, жгли и жарили, допытываясь денегъ и такъ варварски обращались съ ними, что тяжко было слышать, какъ вопили на то турки, приговаривая, что не Валлоны, а нѣмцы показали такую жестокость; и между турками поднялась, съ воплями и жалобами, такая ярость, что и они стали дѣлать тиранства. Плѣнныхъ недавно взятыхъ разрубали на куски и клялись страшными клятвами, что какъ только возьмутъ нашу крѣпость и получатъ власть, не оставятъ въ живыхъ ни одного нѣмца, ни женъ, ни старыхъ,

ни малыхъ, даже пса не пощадятъ если песъ будетъ нѣмецкій. Въ этой ярости хотѣли они посѣчь саблями и пословъ христіанскихъ, и особливо насъ невольниковъ, и не миновать бы намъ того, когда бы не хранилъ насъ во первыхъ Господь Богъ, а потомъ когда бы не позаботились Ибрагимъ паша съ янычарскимъ агою: они тотчасъ оцѣпили сильною янычарскою стражей все то мѣсто, гдѣ стояли христіанскіе послы вмѣстѣ съ нами, и никому не давали къ намъ приступа. И намъ, подъ страхомъ смерти было заказано, чтобы никому не показывались и никоимъ образомъ не выходили бы изъ своей палатки.

Три дня стояли турки у Жолнака и не трогались съ мѣста по случаю печальной вѣсти: тутъ нашъ посолъ сталъ черезъ своего чауса просить пашу, какъ обѣщано было прежде, чтобы дали намъ 50 гусаровъ или стрѣльцовъ турецкихъ проводить насъ до Будина. На это паша пришелъ въ страшный гнѣвъ и пригрозилъ что велитъ всѣхъ насъ посѣчь саблями. За это ли, говорилъ онъ, отпустить насъ на волю, что отцы наши и братья такимъ неслыханнымъ образомъ поступили въ Гатванѣ съ милыми ближними ихъ турками? Когда бы еще побили они одинъ мужской полъ, нечему бы тутъ дивиться, потому что на войнѣ и быть нельзя иначе; но поступать такъ жестоко съ невинными женами и съ малыми дѣтьми—это дѣло звѣрское, варварское и нигдѣ не слыханное; и когда бы не утолилъ онъ султанскаго гнѣва и не уговорилъ

бы начальныхъ воеводъ, всѣ мы давно были бы растерзаны въ куски. По этой причинѣ молчалъ бы лучше посолъ и не приставалъ бы къ нему, чтобы не случилось и съ нимъ самимъ худа.

Когда англійскій посолъ передалъ намъ эту печальную вѣсть и объявилъ что жизнь наша въ опасности, мы пришли въ великій страхъ и смущеніе. Совѣтовалъ онъ намъ только молить сокрушеннымъ сердцемъ Господа Бога, даровавшаго намъ исходъ изъ тяжкаго заточенія, чтобы до конца благоволилъ быть намъ Богомъ милости, укротилъ бы турецкій гнѣвъ и далъ бы вернуться благополучно въ милое наше отечество. Предвидя, что какъ только снимутся съ мѣста, при первой же свалкѣ гдѣ нибудь могутъ напасть на насъ и изрубить насъ, онъ усердно о насъ заботился, нанялъ намъ четыре деревенскія повозки до Будина, далъ на дорогу 100 дукатовъ, приставилъ къ намъ своего толмача и янычара изъ своей стражи, и посовѣтовалъ, благословясь именемъ Божіимъ и предавъ себя въ помощь Божію, какъ только султанъ двинется на Ягеръ, повернуть въ другую сторону къ Будину, такъ какъ у насъ есть листъ со свидѣтельствомъ и бумагою къ Будинскому пашѣ.

Первую же ночь приходилось намъ проѣзжать самыми опасными дорогами, гдѣ день и ночь рыскали турки, татары и наши гусары: всякій день приводили въ лагерь захваченныхъ нашихъ гайдуковъ и раненыхъ гусаръ и привозили множество головъ христіан-

скихъ; поэтому мы должны были дать своему янычару клятву, что если нападутъ на насъ христіане, то ему не сдѣлаютъ никакого худа, а онъ съ своей стороны увѣрилъ насъ, что если нападутъ турки, то насъ пропустятъ безъ помѣхи, такъ какъ есть при насъ пропускной листъ отъ турецкаго султана; только если татары встрѣтятся, то не ручается за татаръ, и тогда можетъ случиться, что и его самого вмѣстѣ съ нами изрубятъ, потому что татары на турокъ не смотрятъ и рубятъ ихъ, гдѣ попадутся хотя десять или двадцать человѣкъ, если только видятъ что они сильнѣе турокъ, и ограбятъ до чиста, не уважая никакого закона. По этой причинѣ взяли мы съ собою проводника; простившись съ посломъ англійской королевы и поблагодаривъ его за великія благодѣянія, какъ только султанъ тронулся отъ Жолвака въ походъ на Ягеръ, и мы, во имя Божіе, съ великимъ страхомъ повернули на дорогу къ Будину.

Ѣдучи дорогой съ великимъ страхомъ въ душѣ, мы безпрестанно оглядывались назадъ, не гонятся ли за нами, и всякую минуту ждали что вотъ наѣдутъ и убьютъ насъ; а ѣхали мы все по самымъ опаснымъ мѣстамъ, гдѣ рыскали турки, татары и христіанскіе наѣздники, а другой дороги, говорилъ намъ проводникъ, не было. И устроилъ же такъ премилосердый Господь, что весь тотъ день съ ранняго утра до сумерекъ мы не встрѣтили ни единаго человѣка; только въ сумерки, доѣхавъ до одной большой венгерской

деревни, увидѣли мы за виноградникомъ до ста человѣкъ татарскихъ наѣздниковъ, и въ великомъ страхѣ спѣшили къ деревнѣ, которая была вся кругомъ окопана рвомъ. Стали мы просить жителей чтобы спасли насъ отъ татаръ и пустили къ себѣ въ деревню: они и не отказали намъ. Бѣдные крестьяне, положивъ мостки черезъ ровъ, приняли насъ привѣтливо и сказывали, какое притѣсненіе должны терпѣть отъ татаръ, которыхъ въ той деревнѣ расположилось до пятисотъ; совѣтовали намъ идти поскорѣе въ церковную ограду и тамъ гдѣ нибудь укрыться, чтобы татары насъ не примѣтили. Послѣдовавъ тому совѣту, пошли мы къ священнику и просили отворить намъ церковь; добрый человѣкъ вынесъ намъ сыру и хлѣба и пустилъ насъ въ церковь, гдѣ мы прежде всего стали съ сокрушеннымъ сердцемъ молить Бога о милости и о спасеніи отъ татаръ; не зная на что рѣшиться, мы уже надѣялись на одного янычара, и думали не поможетъ ли намъ нашъ турецкій листъ. Но и янычаръ боялся этихъ татаръ не менѣе нежели мы: онъ весь поблѣднѣлъ и сказалъ намъ, чтобы мы ни подъ какимъ видомъ не заговаривали съ нимъ по турецки.

Между тѣмъ татары разложили костры по деревнѣ жарили цѣлыхъ воловъ и барановъ, обрѣзывали полуобжареное мясо и ѣли точно псы. Вскорѣ, когда мы вышли изъ церкви и стали кормить своихъ коней, увидѣли насъ татары и тотчасъ бросилось ихъ къ

намъ до двухъ сотъ человѣкъ, обступили насъ и стали допрашивать, кто мы такіе и откуда? тутъ мы, вмѣстѣ съ янычаромъ, низко поклонившись имъ по-турецки, объяснили что ѣдемъ по султанскому повелѣнію въ Budинъ и показывали бумагу отъ султана. Но они сердито отвѣтили, что невозможное дѣло пропустить насъ, послали за своимъ гетманомъ, и одному милосердому Богу извѣстно, что хотѣли учинить съ нами. Нельзя было ждать намъ отъ нихъ никакого добра; мы такъ и думали что всѣхъ насъ либо возьмутъ въ плѣнъ, либо зарѣжутъ: и такъ, съ отчаяніемъ въ душѣ молили мы Господа, чтобы Онъ былъ намъ защитникомъ и спасителемъ. Все это случилось уже на заходѣ солнца.

Дивное дѣло и великая сила Божія! Весь тотъ день былъ съ утра совсѣмъ ясный, свѣтило такое красное солнышко, не видать было ни тучки, ни маленькаго облачка. И чтоже? Премилосердый Богъ никогда не оставляетъ уповающихъ на него: устроилъ Господь, что вдругъ поднялся превеликій вихрь и вслѣдъ затѣмъ такой страшный ливень, что какъ будто хляби разверзлись и облака ниспали на землю. Всю деревню и всѣ рвы залило водою, залило и угасило всѣ разложенные по деревнѣ огни, и татары всѣ побѣжали къ своимъ конямъ. А мы, по совѣту несчастныхъ крестьянъ, въ самый ливень бросились скорѣе запрягать своихъ коней въ повозки, и тотчасъ выѣхали изъ деревни, взявши съ собою крестьянина вы-

весть насъ на другую дорогу, мимо той, по которой мы прежде хотѣли ѣхать, такъ какъ по всѣмъ окольнымъ деревнямъ стояли татары. Лилъ проливной дождь безъ перерыва до полуночи, и мы, ѣдучи подъ дождемъ, должны были безпрестанно вытаскивать изъ грязи повозки и коней и пособлять имъ; по дорогѣ видѣли великое множество сожженныхъ и опустѣлыхъ деревень, слышали крикъ, стоны и рыданіе несчастныхъ жителей и мычанье скотины захваченной въ добычу. Подвигаясь мало по малу впередъ, сколько давалъ Богъ силы намъ и лошадкамъ нашимъ, пріѣхали мы часа за три до разсвѣта на луговину, дали конямъ сѣна и сами немного отдохнули; но едва успѣли чуть чуть поѣсть наши кони, опять поѣхали дальше. Проводники наши заблудились ночью подъ дождемъ, отвели насъ далеко отъ дороги и не могли опознаться гдѣ мы находимся; и такъ пытались они убѣжать отъ насъ. Но янычаръ, догадавшись что хотятъ бѣжать, не пускалъ ихъ отъ себя, и привязавъ обоихъ ремнемъ за шею, заставилъ идти впереди себя и указывать дорогу, грозя что снесетъ имъ головы, если не выведутъ насъ на прямую дорогу. Въ страхѣ искали они дороги, ощупывая землю руками, но все отводили насъ еще дальше отъ дороги въ другую сторону. Передъ самымъ разсвѣтомъ проводники привели насъ въ великій страхъ, объявивъ намъ что никакъ не могутъ опознаться гдѣ мы находимся, но слышатъ гдѣ то конскій топотъ и рѣчь людскую, и по-

тому боятся какъ бы мы не попались въ руки татарамъ, такъ какъ повсюду вокругъ татары, и намъ говорили—приложите де ухо къ землѣ и послушайте—земля дрожитъ точно гдѣ-то люди ѣдутъ. Мы со страхомъ прилегли къ землѣ, и точно услышали—земля дрожитъ—и какъ будто конскій топотъ и шумъ людской; остановясь на томъ мѣстѣ, держали мы совѣтъ, что намъ дѣлать. Когда совсѣмъ разсвѣло, увидѣли мы въ чистомъ полѣ будто малый лѣсокъ, и не умѣя распознать что такое, думали что навѣрное татары, а иные увѣряли что видятъ какъ тамъ знамя по вѣтру колышется. Не видя себѣ ни откуда помощи мы было уже рѣшились распречь возы и разбѣжаться въ разныя стороны, какое кому будетъ счастье. Но одинъ изъ нашихъ возчиковъ пополвъ на четвереньвахъ къ тому мѣсту, хотя разглядѣть хорошенько что тамъ такое; подвинувшись поближе, онъ подлинно увѣрился что это просто лѣсокъ, и закричалъ намъ чтобы мы не боялись. Нашъ любезный янычаръ, воображая что они увидѣли христіанъ, хотѣлъ было ускакать отъ насъ; но наши, ухвативши за коня, не пустили его бѣжать; мы же, какъ будто вдругъ проснувшись, спѣшили подойти ближе къ лѣску, дивясь другъ на друга, какого страху тотъ лѣсокъ нагналъ на насъ. Совсѣмъ уже было свѣтло когда мы подошли, но обойдя лѣсокъ, увидѣли прямо противъ себя до 30 турецкихъ гусаръ съ копьями и знаменами: они скакали прямо на насъ съ подняты-

ми копьями, и окруживъ насъ съ крикомъ: Аллахъ! Аллахъ! приставили намъ къ груди копья. Мы крѣпко испугались, но нашъ янычаръ, какъ только услышалъ крики, пріободрился и сталъ по турецки здороваться съ ними. На вопросы ихъ: кто мы такіе, откуда и куда ѣдемъ, янычаръ далъ имъ отвѣтъ, и такъ они, пріударивъ лошадей, опять съ крикомъ ускакали. Турки эти были изъ отряда босвійскаго паши и высланы развѣдать, гдѣ находится султанъ и когда выступитъ къ Ягеру. Тутъ только проводники наши распознали гдѣ мы, и вывели насъ на прямую дорогу къ Пешту.

Когда совсѣмъ насталъ день, услышали мы сильную стрѣльбу въ Будинѣ, что насъ очень удивило на таномъ дальнемъ разстояніи. По дорогѣ и на этотъ разъ никого не встрѣтили; только около полудня видѣли мы впереди себя по долинѣ великое множество всадниковъ: ѣхали на встрѣчу намъ, и когда мы подошли ближе, оказалась конница около десяти тысячъ человѣкъ отличнаго войска: это боснійскій паша шелъ на помощь къ султану подъ Ягеръ. У всѣхъ были длинныя копья, а на копьяхъ знамена разнаго цвѣта. Завидѣвши насъ, они выслали впередъ съ сотню людей, и цѣлый отрядъ наѣхалъ на насъ съ поднятыми копьями. Нашъ янычаръ, распознавъ что это турки, сошелъ съ коня, поздоровался съ ними и объяснилъ кто мы такіе и куда ведетъ насъ; потомъ нашъ толмачъ поѣхалъ съ нимъ къ пашѣ,

представилъ наши бумаги, и объявилъ что султанъ со всѣмъ войскомъ выступилъ къ Ягеру; потомъ вернулся къ намъ. Когда прошелъ мимо насъ паша съ войскомъ, мы продолжали путь до Пешта и въ 23 часа доѣхали до города; здѣсь нашъ янычаръ предъявилъ наши бумаги кадію, и просилъ дать намъ пріютъ. Тутъ хотя мы уже и были въ безопасности отъ татаръ, но все еще боялись какъ бы турки не послали въ погоню за нами съ приказомъ посадить насъ опять въ тюрьму.

На утро, когда вернулся домой паша, предъявили мы листъ отъ султана съ приказаніемъ проводить насъ до ближней христіанской крѣпости и отпустить пятерыхъ нашихъ товарищей, сидѣвшихъ въ Будинской тюрьмѣ съ самой смерти нашего посла. Паша прочитавъ листъ, не только освободилъ тотчасъ же нашихъ товарищей, но и насъ велѣлъ накормить и напоить вдоволь, и приказалъ своимъ людямъ провезть насъ на лодкѣ противъ теченія къ крѣпости Товашову. Тѣмъ больше было намъ отъ этого радости, что мы все до послѣдняго часа боялись, пропустятъ ли насъ безпрепятственно по Дунаю! у насъ не выходила изъ ума ярость и угроза турецкая по случаю взятія крѣпости Гатвана: каждый часъ того и ждали что пришлютъ приказъ остановить насъ и заключить насъ въ тюрьму; но милосердый Господь помиловалъ, спасъ насъ отъ этого.

На другой день поутру послали мы крестьянъ съ

повозками и со своей рухлядью впередъ насъ, въ Тованювъ, чтобы они объявили тамъ христіанскому воинству объ освобожденіи нашемъ и о пріѣздѣ; мы надѣялись что имъ бѣднимъ тамъ заплатятъ за провозъ; вмѣсто того несчастные люди попались въ руки татарамъ и всѣ были побиты. А мы сѣли въ лодку и насъ повезли вверхъ по Дунаю, а янычаръ нашъ съ драгоманомъ ѣхали верхомъ по берегу. Дотянувшись до Тованова увидѣли на бастіонахъ множество нѣмецкихъ солдатъ, и увѣрены были что крестьяне дали уже знать въ крѣпости о нашемъ пріѣздѣ; но вышло не по нашему: объ насъ ничего не знали. За нѣсколько дней передъ тѣмъ турки, переодѣвшись въ женское платье, подплыли подъ самую крѣпость, захватили двухъ рыбаковъ и одну женщину, связали и увезли въ Будинъ. И теперь тованювцы думали что опять идутъ турки на воровской промыселъ, и подъ видомъ невольниковъ ищутъ способа какъ бы изловить еще христіанъ; видя притомъ еще, что ѣдетъ янычаръ съ драгоманомъ на томъ берегу Дуная, положили они не допускать насъ до крѣпости ближе пушечнаго выстрѣла. А мы, видя такъ уже близко отъ себя крѣпость, себя не помнили отъ радости и стали обниматься и цѣловаться между собою. Тутъ какъ разъ наши пустили изъ пушекъ два выстрѣла, одинъ въ нашу ладью, другой въ янычара, но насъ только водою окатило, потому что прицѣлъ былъ не совсѣмъ вѣренъ. Гребцы наши, видя, что дѣло не

безопасное, хотѣли пустить насъ внизъ по теченію, но мы воспротивились, не дали имъ бросить весла, и вздѣвъ на копье шапку, изо всѣхъ силъ стали кричать что мы христіане. Увидѣвъ то, гетманъ Розенганъ, нѣмецъ родомъ, бросился къ стрѣльцу и остановилъ его; а то въ другой разъ прострѣлилъ бы онъ нашу лодку и мы пошли бы ко дну: потомъ самъ онъ сказывалъ, что въ другой разъ прицѣлился вѣрнѣе и непремѣнно попалъ бы въ насъ.

Все еще въ страхѣ подвигались мы ближе къ крѣпости, крича изо всѣхъ силъ по нѣмецки и по венгерски чтобы дать знать о себѣ, кто мы такіе. Тутъ выѣхали на встрѣчу намъ двѣ лодки съ двумя пушками, и обогнувъ насъ такъ чтобы мы не могли утечь, заперли намъ ходъ по Дунаю, потомъ подплыли прямо на насъ со взведенными курками и стали спрашивать, что мы за люди? Недолго было намъ отвѣтить имъ о себѣ; тогда привязавъ наши лодки къ своимъ, подтянули насъ къ крѣпости. Всѣ мы, выйдя на берегъ, тотчасъ пали на землю, со слезами воздавая хвалу Богу за освобожденіе наше изъ тяжкаго заточенія. Комендантъ въ крѣпости привѣтливо насъ встрѣтилъ и велѣлъ накормить и напоить вдоволь; мы заявили ему что на томъ берегу остались провожатые наши янычаръ съ драгоманомъ, и просили тоже привезть ихъ, такъ какъ у нихъ есть граматы для передачи коменданту. Ихъ привезли и дали имъ пріютъ въ мѣстечкѣ, гдѣ и мы провели ту ночь.

На утро сѣли мы въ лодку и поѣхали къ Острехову; всюду по берегу Дуная лежали мертвыя тѣла убитыхъ воиновъ и множество раненыхъ; иные, едва живы, простирали къ намъ руки и упрашивали ради Бога захватить ихъ и довезть до Острехова; мы взяли троихъ, изъ коихъ двое умерли въ пути, а третьяго мы привезли въ крѣпость. Ночью вышли мы по близости Острехова на берегъ, гдѣ нашли караулъ швабскаго полка; объявивъ кто мы и откуда ѣдемъ, должны были дожидаться на томъ мѣстѣ нѣсколько часовъ, пока пришелъ караульный съ солдатами и съ факелами, принялъ насъ и проводилъ въ крѣпость. Поутру Максимиліанъ эрцгерцогъ австрійскій потребовалъ насъ къ себѣ въ замокъ и сталъ насъ распрашивать о всякихъ дѣлахъ, особливо о султанѣ, правда ли что самъ онъ своею персоной идетъ подъ Ягеръ; вѣрно было что онъ ничего о томъ не знаетъ, и мы не мало дивились, что христіане не добываютъ себѣ никакихъ извѣстій. Мы все какъ есть разсказали ему и дали правдивыя вѣсти о всей мочи и силѣ турецкой, чему его милость много дивился и тяжко опечалился о томъ, что введенъ былъ въ заблужденіе ложными извѣстіями. Тотчасъ же велѣлъ трубить сборъ и хотѣлъ немедленно выступить къ Ягеру. И пошли было наши да не дошли, и не могли удержать Ягеръ, а принуждены были оставить туркамъ такую знаменитую крѣпость.

Тутъ въ Остреховѣ видѣлся я съ двоюроднымъ сво-

имъ братомъ, со счастливымъ Вратиславомъ; видѣлъ и Альбрехта Вратислава, который подъ Гатваномъ раненъ былъ въ колѣно, потомъ умеръ отъ раны и погребенъ въ Остреховѣ. Просили мы его милость эрцгерцога чтобы велѣлъ довезти насъ до Вѣны: мы не въ силахъ уже были идти, очень ослабѣли и ноги у насъ отекли. Пожаловалъ насъ его милость и велѣлъ довезти до Вѣны.

Въ Вѣнѣ были мы представлены его милости эрцгерцогу Матвѣю, и поцаловавъ ему руку, разсказывали все по истинной правдѣ о султанскомъ походѣ и о военной его силѣ; затѣмъ просили себѣ пособія, чтобы доѣхать намъ до Праги, и выпросили. Далъ онъ намъ денегъ на дорогу, и кромѣ того велѣлъ еще отвезть насъ въ Прагу къ брату своему, къ его милости цесарю Рудольфу второму.

Когда прибыли мы въ Прагу и свидѣлись со своими ближними, — о какая тутъ была радость, и описать невозможно. Свѣдавъ объ насъ его милость цесарь изволилъ насъ милостиво потребовать къ себѣ и допустилъ къ рукѣ. Доложивъ ему обо всемъ, сколько мы должны были въ службѣ его выстрадать за все христіанство, униженно просили его быть намъ милостивымъ королемъ и государемъ и явить нѣкую милость въ награду за все терпѣніе. Его милость, привѣтливо взглянувъ на насъ, промолвилъ по нѣмецки: Wir wollen thuen (т. е. благоволимъ исполнить), и затѣмъ изволилъ отойти отъ насъ. И назначено было

отъ него отпустить не малую сумму и раздѣлить между нами, только мы ее не видали, и Богъ вѣдаетъ куда пошла она. Иноземцамъ нѣкоторымъ дано, кому сто, кому полтораста талеровъ, въ пособіе на дорогу домой; а намъ чехамъ, сколько мы ни просили, сколько ни ходили, ничего не досталось, только сказано намъ: если-де хотите вступить въ службу при дворѣ цесарскомъ, то получите мѣсто впередъ передъ другими. Только мы разсудили предать свою участь Богу и захотѣли лучше, хоть безъ денегъ, вернуться домой къ роднымъ своимъ, друзьямъ и ближнимъ; эти люди, разумѣется, приняли насъ съ великой радостью отъ всего своего сердца. И такъ, изъ насъ каждый долженъ радоваться, и сердцемъ и устами до смерти благодарить долженъ Бога, Вышняго Помощника и Утѣшителя въ бѣдахъ и несчастіяхъ. Онъ Единый когда вся надежда наша пропала и сгинула всякая помощь, и всѣмъ людямъ, туркамъ и христіанамъ невозможно казалось, по разсудку человѣческому, чтобы освободились мы изъ такого тяжкаго, невыносимаго заточенья и вернулись на родину, — Онъ насъ освободилъ Своею всемогущею силой. Тому, Единому въ Троицѣ славимому живому Богу, да будетъ честь и слава и хваленіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Стр. 4. Янычары.

Самымъ замѣчательнымъ и совершенно самобытнымъ явленіемъ въ турецкой политикѣ было учрежденіе янычаръ. Его можно уподобить развѣ Іезуитскому ордену—для папства. Турецкая политика, такая же безусловная и непримиримая, какъ и политика Римскаго престола, создала себѣ столь же рѣшительное и могучее орудіе, устроивъ корпусъ людей, слѣпо и беззавѣтно преданныхъ волѣ верховнаго повелителя, на жизнь и на смерть. Такъ все было придумано и устроено, чтобъ эти люди, каждый порознь и всѣ вмѣстѣ, отрѣшены были отъ всякихъ семейственныхъ и общественныхъ связей и отношеній, не имѣя ничего общаго со страною и людьми. Нарочно набирали ихъ именно изъ среды христіанскаго населенія, такъ какъ христіане, по основному началу ислама, не могутъ имѣть ни со властью ни съ мусульманами никакого общенія ни въ правахъ ни въ битовыхъ

отношеніяхъ Христіане не могли имѣть въ Турціи *служебнаго* значенія ни въ военномъ дѣлѣ, ни въ государственномъ управленіи, но именно изъ среды мѣстнаго христіанскаго населенія турецкое правительство умудрилось добывать себѣ способнѣйшихъ и преданнѣйшихъ дѣятелей. Все *христіанское* населеніе обложено было тяжкимъ налогомъ крови, т. е. должно было отдавать султану, по общему правилу о военной добычѣ, 1/5 долю дѣтей своихъ. Этимъ налогомъ правительство весьма дорожило, и потому нисколько не благопріятствовало переходу мѣстныхъ жителей христіанъ въ исламъ, такъ какъ съ переходомъ они уже не подлежали бы этому налогу. Напротивъ того случалось, что бѣдняки изъ турокъ подсовывали своихъ дѣтей христіанамъ, чтобы они попали въ число *султанскихъ невольниковъ* и вышли въ люди. Дѣтей отъ 7 до 15 лѣтъ, отлучали отъ родителей, отъ вѣры и отъ родины безвозвратно и воспитывали въ заведеніи, которое можно назвать по нынѣшнему пажескимъ корпусомъ, на султанскую службу. Въ 1580 году считалось до 26,000 такихъ воспитанниковъ, и содержаніе ихъ стоило государству до 52,000 дукатовъ ежемѣсячно. Отборные молодые люди поступали отсюда въ янычарское войско, остальные опредѣлялись на разныя должности въ серали, и при удобныхъ случаяхъ достигали нерѣдко до первыхъ мѣстъ въ государствѣ, или разсылались на службу по провинціямъ, гдѣ отличались грабежами

и насиліями. Въ XVI столѣтіи начинается уже упадокъ янычарскаго войска, вслѣдствіе ослабленія первоначальной дисциплины. Солиманъ позволилъ янычарамъ жениться, Селимъ допустилъ янычаръ записывать въ войско дѣтей своихъ, а при Амуратѣ открылась и природнымъ туркамъ возможность поступать въ янычары. Въ XVII столѣтіи прекратился уже самый обычай брать въ янычары дѣтей христіанскихъ, первоначальная идея учрежденія пропала, и вмѣстѣ съ упадкомъ янычаръ, начинается и усиливается упадокъ оттоманской власти. Янычары сдѣлались уже элементомъ мятежнымъ въ средѣ турецкаго войска, такъ что сама Порта вынуждена была приступить къ рѣшительному ихъ упраздненію. Извѣстно, что послѣдніе янычары были избиты и уничтожены въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія султаномъ Махмудомъ.

Стр. 19. **Турецкая монета.**

Асперъ—такъ называлась въ то время мелкая ходячая серебряная монета въ Турціи, цѣною около 2 австрійскихъ крейцеровъ. Въ аспрѣ считалось 24 манкира — еще болѣе мелкой мѣдной монеты. Около 60 аспровъ считалось въ полномъ турецкомъ дукатѣ или цехинѣ, соотвѣтствовавшимъ 2 нѣмецкимъ гульденамъ. Впрочемъ монетный курсъ колебался, и подвергался иногда сильному пониженію вслѣдствіе выпусковъ худой монеты.

Стр. 20. Сигетъ.

Осада крѣпости Сигета въ 1566 году была послѣднимъ дѣломъ султана Солимана. Въ ярости, что не удалось ему завоевать островъ Мальту въ 1565 году, онъ предпринялъ во что-бы то ни стало отвоевать у императора Максимиліана всю Венгрію и дойти до Вѣны, отъ которой долженъ былъ со стыдомъ отступить въ 1529 году. Не смотря на болѣзнь и дряхлость онъ самъ выступилъ въ походъ и осадилъ крѣпость Сигетъ, гдѣ засѣлъ храбрый воевода Црини; гарнизонъ, подъ предводительствомъ его, явилъ чудеса храбрости, но не въ силахъ былъ устоять противъ турецкой силы; напослѣдокъ самъ знаменитый Црини, надѣвъ самый пышный свой костюмъ, бросился въ самый пылъ штурма съ отборною дружиной и былъ убитъ; а гарнизонъ, по завѣту его, заперся въ пороховой башнѣ и взорвалъ ее въ послѣднюю минуту, причемъ погибло до 3000 турокъ; султанъ Солиманъ, не дождавшись конца штурма, умеръ подъ Сигетомъ, въ лагерѣ. Этотъ самый Мустафа былъ завоеватель Грузіи и основатель крѣпости Карса.

Стр. 46. Селимъ и Баязидъ.

Рѣчь идетъ не о Селимѣ II, предшественникѣ Амурата, при которомъ Вратиславъ пріѣхалъ въ Консаантинополь, но о Селимѣ I, внукѣ Магомета II, завоевателя. У отца его Баязида любимый сынъ былъ стар-

шій Ахмедъ, наслѣдникъ престола; но младшій, Селимъ, злобнаго и самовластнаго нрава, не хотѣлъ допустить этого, и поднялъ бунтъ противъ отца своего. Онъ воспользовался неудовольствіемъ янычаръ на миролюбивыя наклонности Баязида, поднялъ янычарское войско и объявилъ себя султаномъ. Началась война, и вскорѣ Баязидъ вынужденъ былъ отречься отъ престола и удалился къ себѣ на родину, но тотчасъ же былъ отравленъ, по приказанію Селима (въ 1512 году). Селимъ умеръ въ 1520 году, на походѣ въ Родосъ, отъ моровой язвы, въ томъ самомъ мѣстечкѣ Чорли, гдѣ у него была битва съ отцомъ, о которой упоминаетъ Вратиславъ. Преемникомъ его былъ знаменитый Солиманъ, завоеватель Бѣлграда, Родоса и Кипра.

Стр. 51. **Константинополь.**

По современнымъ извѣстіямъ, ни въ одной Европейской столицѣ не было столько общественныхъ зданій, какъ въ Константинополѣ. Трансильванецъ Вейсъ, описывавшій Константинополь въ концѣ XVI стол. утверждаетъ, что въ немъ тогда считалось 1485 большихъ и 4402 малыхъ мечетей, 494 христіанскія церкви, 497 общественныхъ колодцевъ, 99 госпиталей, 515 школъ, 418 гостинницъ, 360 башенъ въ городской стѣнѣ, 24 городскія ворота и 875 бань.

Стр. 60. **Фамагуста.**

Относительно Мальты Вратиславъ, кажется, ошибся. При знаменитой осадѣ Мальты, бывшей при Солиманѣ въ 1565 году, Синанъ не могъ присутствовать, такъ какъ былъ малолѣтнымъ при Селимѣ, сынѣ Солимановомъ. Осада Фамагусты была въ 1570 году, въ экспедицію звѣрскаго Мустафы паши на островъ Кипръ, гдѣ находится эта крѣпость. Въ ней засѣло 7000 человѣкъ Венеціанскаго гарнизона подъ начальствомъ знаменитаго героя Брагадино. Осада эта довела турокъ до неистовства: горсть защитниковъ отразила шесть страшныхъ приступовъ. Наконецъ крѣпость вынуждена была сдаться на капитуляцію, но звѣрь Мустафа не замедлилъ нарушить ее, и подвергъ страшной, мучительной казни героя Брагадино (съ него содрали кожу). Имя его осталось въ исторіи, какъ образецъ геройскаго мужества, а имя Мустафы—какъ образецъ турецкаго вѣроломства.

Стр. 108. **Руская Султанша.**

Эта руская султанша, по всей вѣроятности, знаменитая Роксолана, изъ русскихъ невольницъ, красивая и умная жена султана Солимана. Съ именемъ ея соединяется трагическое событіе 1553 года. Отъ Роксоланы былъ у Солимана второй его сынъ Селимъ, но не онъ считался наслѣдникомъ, а старшій сынъ его отъ первой жены, Мустафа, любимый сынъ пер-

вой юности Солимановой, храбрый и великодушный юноша, до того любимый въ народѣ, что всѣ считали его особеннымъ благословеніемъ Божіимъ султану и цѣлому государству. Лицомъ онъ похожъ былъ на отца, и все войско, особливо янычарское, было ему предано. Это обстоятельство и послужило орудіемъ гаремной интриги, которая погубила его. Роксолана ненавидѣла Мустафу и не могла свыкнуться съ мыслью о томъ что онъ, а не сынъ ея Селимъ,-наслѣдникъ престола. Сговорившись съ зятемъ своимъ, великимъ визиремъ Рустемомъ пашою, задумала она погубить Мустафу. На султана имѣла она большое вліяніе своею красотой и веселымъ, вкрадчивымъ нравомъ, за что и дано было ей имя Хассеки Хурренъ, что значитъ веселая. Мало по малу удалось ей возбудить отца противъ сына, искуснымъ внушеніемъ такихъ подозрѣній, которымъ особенно доступны восточные деспоты. Она увѣрила его, что Мустафа расчитываетъ на народную любовь къ нему и на преданность янычаръ и задумываетъ обратить то и другое противъ отца, чтобы свергнуть его съ престола. Ужасный конецъ этой исторіи состоялъ въ томъ, что однажды, во время персидскаго похода, Мустафу потребовали къ отцу, въ его ставку. Несчастный юноша вошелъ, ничего не подозрѣвая, но вмѣсто отца, увидѣлъ въ ставкѣ семерыхъ нѣмыхъ, которымъ велѣно было удавить его. Онъ испугался, сталъ кричать, просить о помилованіи, но изъ темнаго угла палатки смотрѣлъ грозный

отецъ, и рабы не смѣли ослушаться. Мустафу похоронили въ Бруссѣ; вслѣдъ за нимъ удавленъ и похороненъ въ туже могилу и малолѣтный сынъ его. Янычары пришли въ ярость, когда услышали о смерти его, и взбунтовались; такъ что для усмиренія мятежа пришлось пожертвовать визиремъ.

Стр. 198. **Синанъ паша.**

Синанъ паша умеръ 3 марта 1596 г. въ Константинополѣ, послѣ неудачнаго похода, потерпѣвъ въ ноябрѣ 1595 года сильное пораженіе на Дунаѣ у Джурджева, отъ Сигизмунда Баторія. Это пораженіе и было, вѣроятно, поводомъ къ опалѣ, про которую разсказываетъ Вратиславъ. Послѣ Синана осталось громадное имущество изъ награбленныхъ на походахъ сокровищъ: между прочимъ 600 собольихъ шубъ, 600 лисьихъ, 61 шеффель (мѣра) жемчугу, 600,000 дукатовъ золотомъ, и серебра 3 милліона аспровъ.

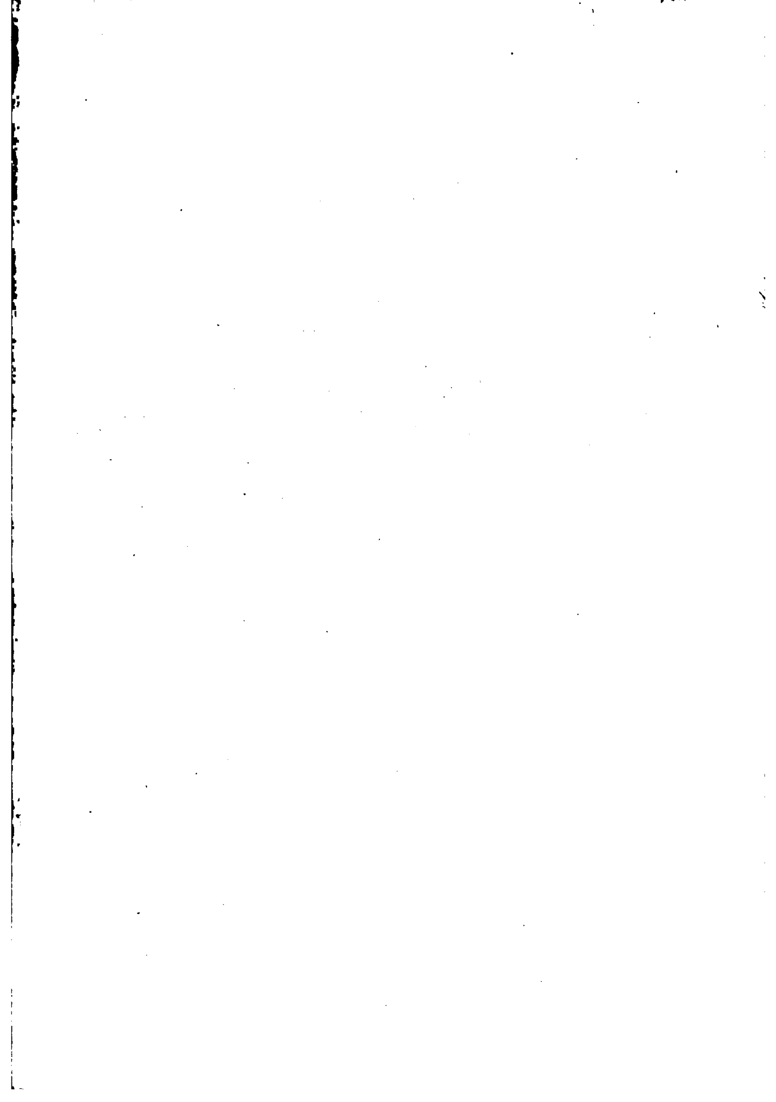
Стр. 225. **Жестокости подъ Гатваномъ.**

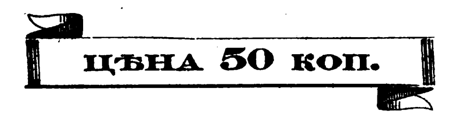
Черезъ мѣсяцъ по взятіи Эрлау, 23 октября 1596 года, султанскія войска подъ предводительствомъ Ибрагима и Чикула паши, одержали рѣшительную побѣду подъ Керестецомъ въ Венгріи, надъ христіанскимъ войскомъ бывшимъ подъ командою эрцгерцога Матѳія и Сигизмунда Баторія: при этомъ погибло до 50,000 христіанъ. Весь христіанскій міръ содрогнулся отъ этого страшнаго пораженія. Турки говорили что

самъ Богъ наслалъ христіанамъ это бѣдствіе въ наказаніе за тиранское ихъ звѣрство при взятіи Гатвана. Въ ту пору, когда безпрерывная война велась въ Венгріи, и христіанскія войска состояли большею частью изъ разноплеменнаго сброда дикихъ и необузданныхъ людей, трудно рѣшить, турки или христіане болѣе достойны были упрековъ въ варварствѣ; но несомнѣнно, что турецкая армія отличалась въ XVI столѣтіи порядкомъ и дисциплиною, отъ безпорядочныхъ христіанскихъ армій. Со стороны турокъ постоянно слышатся жалобы на христіанъ за варварскій ихъ способъ веденія войны. Здѣсь стоитъ привесть примѣчательное письмо великаго визиря Ибрагима, (который особенно наблюдалъ за дисциплиной въ своемъ войскѣ) писанное 10 сентября 1600 года къ эрцгерцогу Матѳію, послѣ взятія крѣпости Канижи турками. „Слава великихъ христіанскихъ князей, избранникъ лучшихъ людей въ народѣ Мессіи, шлифователь всякихъ дѣлъ въ назарейскомъ общежитіи, ты, влекущій за собою шлейфъ великолѣпія и почета, обладающій знаками величія и славы, герцогъ Матѳій! да будетъ конецъ твой счастливъ!.. Когда пришли мы къ Канижѣ, нашли у васъ во множествѣ опустѣлые замки, а когда кончимъ, здѣсь дѣла свои, намѣреніе наше итти на вашего полководца и равнымъ образомъ разбить его. Выслушай меня, герцогъ Матѳій Четырьмя святыми писаніями: пятокнижіемъ, псалтыремъ, евангеліемъ и кораномъ заклинаю я тебя,

скажи мнѣ, въ какой святой книгѣ, въ какой вѣрѣ разрѣшается открыто сквернить и безчестить другъ у друга подданныхъ, не щадя отцовъ и дѣтей? Скажи, кто изъ насъ нарушители договора, вы или мы? Богомъ и Евангеліемъ и Святымъ Духомъ Господа Іисуса заклинаю тебя, пришли сюда вѣрнаго человѣка, чтобы онъ взглянулъ на сожженные замки, предмѣстья и мосты, и убѣдился бы, какое терпятъ разоренье и какому варварству подвергаются несчастные подданные... Всякая страна есть обрученная невѣста своего властителя, и развѣ можемъ мы равнодушно видѣть, какъ вы разоряете нашу страну во время похода?".

СОДЕРЖАНІЕ.





ПРОДАЕТСЯ

у извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и С.Петербурга

и

въ центральныхъ складахъ

ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА.